

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСТЕРА ТАЙНА МАРГАРИТЫ

Фантастическое описание жизни и творчества

М.А. Булгакова, составленное теми, кто читал, любил и думал над романом века «Мастер и Маргарита»

Тайна Маргариты, которую каждый пробует разгадать и у автора есть своя версия, своя разгадка.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1 ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСТЕРА

ВСТУПЛЕНИЕ

ПРОЛОГ ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСТЕРА

ГЛАВА 1 КОНЕЦ СВЕТА. ВРЕДНЫЕ ОПЫТЫ ПРОФЕССОРА
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ГЛАВА 2 НАЧАЛО НАЧАЛ ПИЛАТ И КНЯЗЬ ТЬМЫ

ГЛАВА 3 Я ТАМ БЫЛ. РОКОВОЙ ТАНЕЦ

ГЛАВА 4 ПИР ЦАРЯ ИРОДА

ГЛАВА 5 ЛИЦО В ЗЕРКАЛЕ

ГЛАВА 6 НА ТОМ И ЭТОМ СВЕТЕ

ГЛАВА 7 ЧТО ДАЛЬШЕ?

Глава 8 Прошлое. Шариков. Первые опыты деятельности, чужое становится своим, конфискованный роман.

ГЛАВА 9 ЖИЗНЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО. КОРОЛЬ ХУДОЖНИКОВ

ГЛАВА 10 ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 11 СЕРЕДИНА ВЕКА

Филологические отступление «Я ПРИШЛА К ПОЭТУ В ГОСТИ»

ГЛАВА 12 АИД ВСЕ ЖДЕТ ОРФЕЯ

ГЛАВА 13 АННА, ЕЛЕНА, МАРАРИТА

ГЛАВА 14 ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕНИЯ

ГЛАВА 15 ХУЖЕ НЕКУДА? СОН О ЛЮЦИФЕРЕ

ГЛАВА 16 МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ.

ГЛАВА 17 ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ. ЕЛЕНА

ГЛАВА 18 ПОСЛЕДНИЕ ДНИ И НОЧИ

ГЛАВА 19 ПРИЗРАК

ГЛАВА 20 К НОВОМУ СВЕТУ

ГЛАВА 21 СОН О ПОСЛЕДНЕМ ПИРЕ.

ГЛАВА 22 МЕЧТАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 23 ОТКРЫТИЕ

ГЛАВА 24 НЕРАДИВЫЙ УЧЕНИК. ОПОЗДАВШИЙ

ГЛАВА 25 В НАЧАЛЕ СТРАШНЫХ ДЕЛ

ГЛАВА 26 МАРИЯ ИЛИ МАРГАРИТА?

ГЛАВА 27 ЧЕРНЫЙ МОНАХ ПРОТИВ

ГЛАВА 28 ПРЕДАВШИЙ И ПРЕДАННЫЙ

ГЛАВА 29 ТАЙНА АБАДОННЫ

ГЛАВА 30 КАЗНЬ И НАКАЗАНИЕ

ГЛАВА 31 В ЗАЩИТУ АФРАНИЯ

ГЛАВА 33 ПОСЛЕ МАСТЕРА.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОРФЕЙ ВЫРЫВАЕТСЯ ИЗ АДА

ЧАСТЬ 2 МАСТЕР УШЕЛ, ШАРИКОВ ОСТАЛСЯ. КОНЕЦ СВЕТА

Лирическое отступление. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ВОЛАНДА. КАПИТАНЫ

Глава 1 СТРАШНАЯ ГИБЕЛЬ ПРОФЕССОРА ПРЕОБРАЖЕСКОГО

ГЛАВА 2 Критик Швондер живет всех живых.

Глава 3 Украсть завещание, у постели вождя. Друг и соратник тирана.

Глава 4 Странное происшествие с поэтом на съезде, сразу видно - не наш человек.

Глава 5 Почему Шариков не возлюбил поэта революции - собаку жалко.

Глава 6 Появляется бывший Домуправ, а ныне критик Швондер. Встреча старых соратников - отравить патриарха словесности- особое задание вождя.

Глава 7 Они сошлись после похорон - спор об Ахматовой - так монахиня или блудница.

Глава 8. Верный пес тирана - громко лает, иногда и кусает - Шариков в СП

Глава 9 С тираном в театре «Дни Турбиных» - не верю!!!

Глава 10 Я и Сталин. Спор о существовании души и бога. Усмешка Воланда.

Глава 11 Столкнуться с Азazelло (Воланд пока только снится, но предчувствия дурные)

Глава 12 Страшная опасность. Он пришел. Докладывает вождю и просыпается в одной палате с Бездомным.

Глава 13 Шариков сбегает из психушки. Снова бездомный пес.

Глава 14. Лишиться головы. Похороны Берлиоза. Как опасно писательское дело.

Глава 15. Темные силы витают над нами - вспоминает молодость и поет в подвале один, но хором.

Глава 16 Появился незнакомец, голову требовал, но очки перед опальным писателем не снял.

Глава 17 Он узнает, что Пастернак написал роман века. Донос тирану.

Глава 18 Тиран решает, кого из двух поэтов убить

Глава 19 Шариков публикует чужой роман.

Глава 20 Столкновение со Швондером - друзья хуже врагов.

Глава 21 Ночь с Геллой. Подарок первому писателю.

Глава 22 Валтасаровы пиры - шут гороховый, отрывки бредней.

Глава 23 Абадонна с бесами другими идут к нему..

Глава 24 Заключительная. Но не последняя

Глава 25 Полет в бездну ночи

Эпилог Гелла летела, как ночь...

ЧАСТЬ 1 ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСТЕРА

ПРОЛОГ

Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил.
И с ней наедине остался.
А. Ахматова

Мастер сидел в кресле около окна.

Так проходили часы и дни, хотя существовало ли для него время, как знать.

На столике лежала открытая книга - альбом живописи. Она всегда была открыта на одной и той же странице - Ян Ван Эйк «Семейство Арнольфини».

Что за странная такая причуда гения?

Из глубины веков на него взирал его двойник. Черты человека, изображенного на полотне, с удивительной точностью повторяли черты его лица.

Он заметил это давно, и с тех пор поверил в то, что иллюзия может быть реальностью, а то, что выдается за реальность, становится иллюзией, это знали и все остальные, кого он связал с собой при жизни.

А ведь удивительно даже не то, что такой портрет существовал в природе, а то, что он нашел его, разглядел – это был знак небес или Пекла.

Наверное, каждый при желании, перелистывая страницы альбомов древних мастеров, смог бы однажды обнаружить собственный портрет, что и доказывает, что ничего не появляется впервые и ничего не исчезает, все мы были в этом мире когда-то, и рано или поздно вернемся сюда снова.

Это служит утешением в дни, когда все было решено с ним окончательно, и доктор очень тихо за дверью говорил Маргарите, что нет у него никакого отрезка времени, словно от него такое можно скрыть, и он сам не знал всю историю своей болезни. Какая ирония судьбы, не просто получить медицинское образование, но и что-то в этом понимать. Вот уж точно, знания умножают печали.

В эти дни усталый взор его все чаще скользил по портрету неведомого дворянина, который пришел к нему из глубины веков, чтобы убедить его в том, что смерть - это только мгновение, и ничего не кончается в мире с ее приходом, и завершиться не может с нашим уходом на тот свет.

Елена захлопнула дверь за ушедшим врачом. Ему интересно было взглянуть на нее в этот момент. Она мягко улыбнулась, но долго выдержать его взгляда не могла, и тоже взглянула на картину, чтобы отвести, спрятать от него глаза, наполненные слезами.

Она его любила больше жизни самой и понимала лучше всех, и точно знала, о чем он думает. Но принять неизбежное и смириться с его уходом для нее невозможно, вот в чем беда.

Вероятно, у близких тех, кто тяжело болен, и особенно у самих больных всегда остается надежда на ошибку врачей, на чудо. У них обоих не было такой надежды, поэтому величайшей глупостью было утешать его и говорить что-то о чуде исцеления, когда ему все известно о болезни, ведомо во всех подробностях.

Она даже не могла обещать ему другое чудо, которое казалось более реальным - публикацию романа, главного романа в их жизни, хотя ради этого она готова была сама совершить какое угодно безумство. На все готова была Елена, чтобы принести ему опубликованный роман, но пока это не реально, так же не реально, как излечиться от его недуга.

- Я остаюсь, - вдруг вырвалось у нее, - я умру, только когда роман будет опубликован.

Хотя в тот момент она, вероятно, даже не думала, о чем говорит, что ему обещает.

Мастер обворожительно улыбнулся.

- Ты обрекаешь себя на бессмертие, дорогая, а мне бы хотелось там с тобой встретиться и в вечности остаться рядом, как в нашем романе. Разве мы не вместе писали его и не мечтали умереть в один день.

Он помолчал немного, а потом прибавил:

- Но если так случится, то я снова вернусь к тебе, я уйду, но я вернусь, у меня нет другого выхода, зачем мне рай, если там не будет моей Беатриче?

Он впервые заговорил о рае, но это была чужая цитата, только она могла понять тонкую иронию, сквозившую в его словах.

Совсем недавно, когда здесь была Анна и стала упрекать его, выслушав главу из романа, а он назвал свое главное детище просто «Роман о Дьяволе». Она вздрогнула, как ужаленная, тогда и состоялся этот мучительный разговор.

Конечно, Анну тревожил странный главный герой. Но что там странный, она сразу поняла, кто он такой. Да это и не скрывалось особенно, только слепой и не видел, только глухой не слышал, кто это был...

- А вам не страшно? - спросила она, конечно думая о Воладе.

- Да не очень, чего нас бояться.

Мастер помолчал немного и прибавил:

- Я просто понятия не имел, к кому еще могу обратиться за помощью в этом мире, ведь куда не кинешься, у нас и на самом деле ничего и никого нет. Бога нет, это точно, иначе бы он не допустил того, что творится с нами со всеми,

но кто-то должен быть. Человек ничего не может решить сам, даже в собственной судьбе, что уж говорить о большем. После мучительных размышлений я должен был обратиться в последнюю инстанцию. И судя по вашей реакции, он откликнулся и помог мне, не так ли?

Анна молчала, кажется, она превратилась в соляной столб, как жена Лота.

Она что-то слышала о его разговоре с вождем, но не только не спрашивала о том, даже и слушать не хотела, и ей он никогда бы не стал рассказывать, что там было на самом деле. Но что за ирония судьбы, если в этом мире о самом Дьяволе было не так страшно говорить, как о нем, и на него только оставалась последняя надежда? Можно ли выжить, не то, что жить в таком мире?

- И все-таки, - о чем-то неопределенно сказала она и снова замолчала, не в силах говорить даже шепотом.

- Мне бояться больше нечего, - отрезал он, поглаживая ее темную руку, неподвижно лежавшую на темной материи старого платья, - там я встречу с ними со всеми и спрошу, как можно было с нами и с этим миром сотворить такое. Они должны мне ответить, почему мы все прокляты и убиты, в чем мы так провинились?

Что-то жесткое, даже жестокое появилось в его взгляде. Она хотела сказать что-то, но Елена Сергеевна жестом попросила ее молчать, и она молчала. Конечно, опасность оставалась для нее и для тех, кто оставался, ему и на самом деле больше нечего было бояться, вероятно, от этого он должен был ощущать облегчение, но что за чертовщина такая, что это за жизнь, если от расправы спасает только смертельная болезнь?

Анна поняла, уходя от него, что больше не сможет переступить порога этого дома. Ей нужно было сохранить мужество и выдержку, чтобы жить и держаться дальше. А ему так мало осталось, если еще есть хоть какое-то время вообще.

№№№№№

13 февраля. Мастер улыбнулся.

Ему так понравилась эта дата. Он уже не мог видеть портрета, хотя альбом по-прежнему лежал перед ним, раскрытым все на той же странице. И он решил, что именно в этот день еще раз должен послушать текст романа и поправить то, что еще можно было поправить. Лучшего числа для его героя и его романа не придумаешь. 13 февраля...

Они работали долго и вдохновенно, когда силы совсем оставили его, Мастер только махнул рукой, и прошептал, когда ее ладонь коснулась бессильной руки.

- Хорошо, доделаем, когда я вернусь.

Маргарита вздрогнула, и радовалась тому, что он не может видеть слез, текущих по щекам. Теперь она могла плакать столько, сколько вдумается. Но он с каждым разом все больше заставлял ее поверить в то, что обязательно вернется. Хотя это всегда значило и другое - роман никогда не будет опубликован. И чем меньше он верил в это сам, тем возрастала уверенность в душе Маргариты.

Елена Сергеевна не знала, что она сделает, она не представляла, как в этом мире может появиться в печати роман о Дьяволе.

Если они видят страшные намеки на свою сущность даже в самых невинных вещах, где и извращенный ум не способен чего-то усмотреть, то, как они могут пропустить роман о Дьяволе? Этого не может быть, но ведь она дала клятву, обрекая себя на страшные муки, унижение, истязание.

Но в минуты отчаянья, обращаясь к их герою с мольбой, она верила, что он способен им в том помочь ради торжества справедливости. Ведь не могут они столько лет упорно работать, не отступаться, чтобы потом все это выбросить на помойку.

Она знала, что если что-то делается, да еще такие усилия прикладываются, то оно должно увидеть свет, даже если ей самой на старой печатной машинке придется перепечатывать в сотый раз и раздавать экземпляры рукописи тем, у кого они могут сохраниться. Она и на это была готова, чтобы только не пропало

даром их детище, чтобы потом она смогла сказать своему Мастеру, что исполнила то, что обещала.

№№№№№№№№

13-го февраля такой день, когда все казалось вполне реальным, но потом будет 14 и сколько еще дней и ночей сомнений, страхов, отчаяния, когда его уже не будет рядом. Но останутся все его враги, они проживут долго и счастливо. Она не сможет сокрушить их квартиры с роялями и мебелью из красного дерева, которые они и получили, потому что были послушны и писали то, что требовалось. Их слишком много, а она одна, ей жизни на это не хватит, но как же хочется отомстить так, как написано у них в романе.

Хотя она не верила, что их герой позволит им жить спокойно и сытно, она знала, что доживет до того момента, когда он вложит в их трясущиеся руки пистолет или кубок с ядом. И не может быть по-другому, иллюзии не вечны, они рассыпаются, только беда в том, что от этого ей не станет легче, и ста смертей для каждого из них не хватит, чтобы искупить их страдания, чтобы отплатить им за Мастера.

Весна для него все-таки наступила.

4 марта. Она разрыдалась, когда из соседней комнаты услышала его разговор с главным палачом. Тот неожиданно пришел сам, чтобы убедиться, что его пациент все еще жив. Убедился.

- Я никому не делал зла.

Она хотела ворваться и вытолкать его, она призывала на помощь Коровьева, но тот тип - светловолосый, холенный и очень красивый, поспешно ушел сам, а может быть, Коровьев все-таки толкнул его в сумрак парадной.

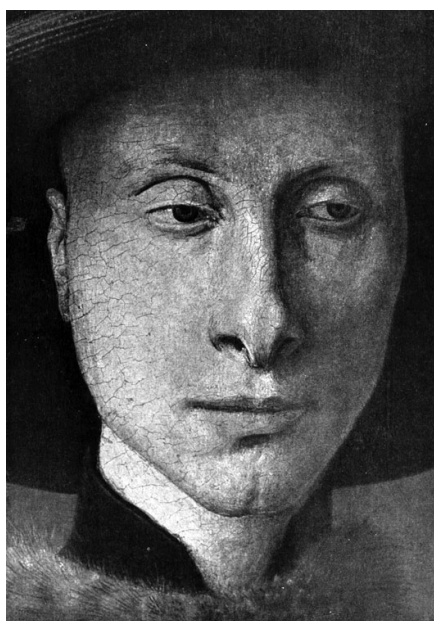
Но она никак не могла войти туда, в его комнату, после этих слов. Она казнила себя за то, что запустила его. На что было рассчитывать, что мог он теперь для них сделать? Хотя ей хотелось, чтобы он увидел того, кто затмит их всех, не оставит от них следа. О них будут говорить, только вспоминая о нем, за него их проклянут, но понял ли тот это, почувствовал ли?

Она видела в окно, как он бежал к своей машине, словно за ним Азazelло гнался, да что там он увидел Абадонну, и тот уже снял свои очки. Палач был обречен, но разве может сравниться та смерть и эта гибель?

А Мастеру после этого вторжения и побега жить оставалось еще пять дней.

- Я уйду, но я вернусь, - говорил он на прощание, и она поверила ему. И еще до прощания уже тосковала и рвалась к нему.

Она все еще смотрела на портрет, дошедший до них из глубины веков. Знаменитый художник доказал им, что он и на самом деле вернется.

No No No No No

Был 10-ый день марта, когда до Анны дошло горькое известие о его смерти. Что оставалось ей в том жутком году? Только вплести в «Венок мертвым» еще один сонет, но даже не сметь записать его на бумагу, только хранить в памяти до лучших времен...

Но как же трудно было это сделать. И все-таки она написала:

О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, -

Придется поминать того, кто полон сил,
И светлых замыслов и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

Она не верила в его возвращение, вернее в то, что им снова доведется встретиться в новой жизни.

Анна просталась с Мастером навсегда.

ГЛАВА 1 ВРЕДНЫЕ ОПЫТЫ ПРОФЕССОРА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

В доме профессора горела только одна лампа - зеленая, когда со своей рукописью появился Шариков.

Из-за пояса его торчал револьвер, но руки пока были заняты бумагами, только ведь это пока, а что будет дальше? Ведь еще буржуазный писатель Чехов сказал, что если на сцене есть ружье, то оно обязательно должно выстрелить.

- Папашка, я хочу быть писателем, - с ходу без всяких церемоний заявил он и остановился надутым от важности и значимости момента.

Профессор встrepенулся и усмехнулся.

- Это, с какого перепою, любезный мой друг, других дел более важных нет больше в бедной стране нашей, только писательство и осталось?

- Ты не хами мне, сказал, хочу, значит, хочу, - Шариков заводился, речи профессора всегда сначала ставили его в тупик, а потом приводили в страшную ярость.

Любой видящий да разглядит – он был страшен. Но собеседник его казался невозмутимым.

- И я, так понимаю, должен тебе в том помочь.

Профессор не заметил, как перешел на «ты», волнение становилось очень сильным. Такую вольность он позволял себе крайней редко, только в исключительных случаях. Но похоже, что это такой случай и был. Каждый ли день мы присутствуем при рождении нового писателя, да еще такого?

- А то кто же, ты меня породил....

Полиграф оборвал свою речь, понимая, что финал фразы может подсказать профессору неверный ход мыслей.

Но тот глубоко задумался и не следил за его уникальными по своей сути и очень новыми по содержанию фразами.

- Писателем, говорите, любезный.

- А то, как, буду учить народ, что делать он должен, чего нет, а если посмеет ослушаться, тогда по-другому говорить с ним начнем.

И снова оборвал свою содержательную речь Шариков. Он хорошо помнил о том, случае, когда эта парочка магов и докторишек чуть не схватила, и не потащила его обратно на операционный стол, чтобы собаку из него сотворить. Тогда бы все печально под их ножом и закончилось. Не на того нарвались, господа ученые, он вырвался, удрал, а потом еще долго гавкал во всех важных, учреждения о той беде и безобразии, которая с ним чуть не приключилась в профессорском доме. Требовал, чтобы его защитили от профессорского произвола, личную охрану к нему приставили, и вообще разобрались с тем, что там творится.

Его слушали не внимательно, но слушали, до того момента, пока не узнавали имя обидчика, и не вспоминали, сколько у профессора высокопоставленных знакомых, и как он сам остроумен и неповторим. Связываться с ним желания не возникло ни у одного из хотя и не умных, но осторожных чиновников. Осмотрительности и осторожности у них не отнимешь, они держали носы по ветру, потому пока и не слетели со своих высоких постов.

Но было и другое соображение - самое главное, если в своих вредных опытах профессор добьется успеха, то и им это может пригодиться, старость наступает рано или поздно всех, кто до нее сумеет дожить, конечно. Но каждый из них был уверен, что сумеет, пробьется, потому Шарикова отправляли подальше и повыше, и с интересом следили за тем, как он таявал в тех местах, куда отправлялся по их указанию. Хотя и там повторялось все то же самое – низы и верхи в данном случае веди себя одинаково.

И помотавшись по разным учреждениям, Полиграф хотя и медленно, но начал соображать, что так ничего не получится в борьбе с коварным профессором. Вот тогда какой-то приبلудный пес и подсказал ему, что можно писательством заняться, мол, там все и выложишь на бумаге, чем ты не доволен, что с тобой творили. В веках останутся творения, и потомки прочитают, каким гадом был профессор, и как он из собак людей, да еще и писателей делал.

Шариков все хорошенько обдумал и решил, что идея хорошая, он обязательно станет писателем. Хотя рекламу делать профессору - террористу и врагу народа не

стоило, но тот самый народ правду знать должен именно такую, как он ее понимал, и не беда, если понимает своеобразно, главное быть красноречивым и убедительным, да опередить всех конкурентов.

Хотя мозгов у Шарикова была не много, а писательского таланта вообще никого, только он на этом не сильно зацикливался.

Того, что есть в самый раз хватит, решил новоиспеченный писатель. С мозгами и талантами как раз проблем всегда больше, и уж точно никуда не пробьешься. И хотя он понятия не имел о комедии дворянского писателя, но своим умом до того же самого дошел, и при этом был собой очень даже доволен. В России всегда было горе от ума, горе уму, а его отсутствие должно подарить ему счастье, если следовать логике.

Шариков смутно представлял себе, сколько у него конкурентов на писательской ниве. Но, прихватив с собой револьвер и запас веских аргументов, он все-таки решил отправиться к профессору. Знакомых у него много, вот и пусть заставит кого-нибудь из старцев вступительное слово к труду его гениальному написать, а когда имя то самое они узрят, то и решат, что он гений, а там и премию подкинут, и поведут дальше к вершинам славы и успеха, сами не захотят – заставить можно.

Мечты –мечты, в чем ваша сладость, так кажется, напевал папашка, когда творил свои чудесные операции.

- Писателем, значит, - вернулся Шариков к реальности, когда голос профессора снова услышал.

- Писателем, - как эхо, повторил он и самодовольно усмехнулся.

- Еще Пастернак и Ахматова живы, но у нас уже есть писатель Полиграф Полиграфович Шариков, чудненько, господа-товарищи. Как же я сам раньше до этого не дошел, хорошо хоть подсказали, догадливый вы мой. А может, с указания Швондера решили этим делом заняться?

Профессор ухмыльнулся, вспомнив недавнее вторжение местной власти в ее жилище.

Шариков двинулся вперед, остановить Верку Сердючку тех дней было так же трудно, как и нынче, хотя масштабы не те, и занавес уже был железным, но все-таки, наглости и нахрапистости у них хватало всегда, а не сам ли он ее и сотворил – эту особь без всяких зачатков совести и культуры?

- Нет, профессор, - взревело особь вроде бы мужского полу.

- Что нет, голубчик, пока я вникал в ваши идеи, вы уже передумали становиться писателем? – облегченно вздохнул профессор.

- Еще чего, фамилия у меня будет другая и имя тоже, я псевдо, как его возьму, как у всех приличных писателей.

В бездонных глазах профессора, наполненных вековой печалью, появился ужас, соображал он рядом с Шариковым медленнее, чем обычно, но все-таки соображал.

- Я надеюсь, что вы не думаете, милостивый сударь....

- Думаю, я возьму вашу фамилию, а чо, звучит она неплохо, говорящая фамилия, можно сказать. И то, если подумать, писатель - это тот, который мир меняет - преображает, а если кто не согласится меняться, у нас другое оружие найдется, к перу мы еще и штык приравняем.

Полиграф вошел в экстаз и перестал контролировать свои революционные речи, совсем страх потерял, пес этакий.

Профессор схватился за голову, потому он и не видел как в полутемную комнату медленно и неслышно вошел доктор Борменталь.

Зина, случайно подслушав начало разговора, бросилась за ним, и доктор, услышав финал уникальной беседы, понял, что не должен промахнуться на этот раз. Если они не вернут Шарикову его прежнее лицо, вернее морду, то пострадают не только те несчастные, с которыми он расправится физически, но и много больше невинного народа. Это мировая катастрофа, сотворенная их руками, и доктор решил спасти мир.

«Мы тебя породили, мы тебя»...- мелькнуло в его сознании.

Пробирался он в полумраке очень осторожно, только что-то все-таки скрипнуло под ногами, Шариков был теперь если не умнее, то значительно опытнее и осмотрительнее. Он стремительно сиганул в распахнутое окно и исчез в темноте.

Профессор очнулся, беспомощно взглянув на своего помощника.

- И что же нам теперь делать, голубчик, когда мы с вами нового писателя в мир выпустили?

На глазах у старика появились слезы, он казался немощным и беспомощным.

- Право, не знаю, профессор, но думаю, что нам его не поймать теперь, вряд ли мы сможем догнать его, а сам он сюда точно не вернется, хотя вы мозгами его не наградили, дорогой Филипп Филиппович, но уж звериного то чутья хоть отбавляй.

- Теперь я понимаю, насколько вредоносны мои опыты, да что после драки кулаками махать, - сокрушался профессор, в тот момент он казался безутешным страдальцем.

- Ничего, профессор, собак много, критиков наделаем, как-нибудь образуется.

Шутил ли его помощник, говорил ли серьезно, как тут разобрать. Но есть ли у них другой выход, чтобы остановить Шарикова, говорят, страшнее критика зверя нет.

Профессор молчал, он думал о том, стоит ли еще и критиков творить, но когда услышал тьяканье, визг и лай издали, то понял, что не обойтись без этого, если сказал «а» надо говорить и «б». А те, которые есть, с их писателем они просто никак не справятся, нужны новые, такие же наглые и напористые, готовые к штыку приравнять перо и в переносном и в прямом смысле.

И проникнувшись важностью момента, засучил рукава профессор и принялся за свое вредное дело, а что ему еще оставалось, когда такая промашка вышла, и он такого писателя сотворил по страшному и непростительному легкомыслию.

На Первом съезде писателей Шариков выступал с речью, сопровождавшейся бурными и продолжительными аплодисментами, его похвалили даже. Сам Горький отметил, что появилась новая писательская прослойка, хотя и мозгов у них маловато, и иногда тьякают громко, а то и кусаются вовсе, зато политику партии и правительства понимают правильно, а это самое главное, далеко они пойдут, очень далеко, нет в том сомнений.

Доктор Борменталь, принес новую газету, в которой все это и было написано. Заплакал старый профессор, совсем, как Иван Царевич у камня, где три варианта судьбы написано было, а он выбрал самый худший, впрочем, как всегда.

Да что делать, плачь, не плачь, детище его от всех собак оттявкается, любого покусает, а то и загрызет до смерти и фамилию не спросит.

И чтобы хоть как - то успокоить бедного профессора, и произнес доктор Борменталь:

- Не печальтесь, умоляю вас, дорогой профессор, и в этом есть что-то хорошее и важное.

- А не подскажете что, любезный? - поинтересовался профессор

- Фамилию вашу он не взял все-таки.

- А какая же у него фамилия, - оживился профессор, слезы мгновенно высохли на его щеках.

- А пес его знает, не запомнил, только не ваша точно, я проверял.

- Голубчик мой, вы уж как наш Шариков выражаться начали, я попросил бы вас, любезный.

- Конечно, профессор, безусловно, но Зина говорит, что если огурец бросить в рассол, то он все равно засолится, - улыбнулся Борменталь

- А знаете, чем мы с вами от Шарикова отличаемся, или как там его теперь называют, не будем мы солиться, не будем, мы еще посмотрим, кто кого.

И профессор вдруг оживился, в глазах его сверкнул игривый огонек, правда он еще не знал главного, что из следующего его опыта уже Верка Сердючка вылупится, но многого еще не знал старый и неугомонный профессор.

Но пока мы тут присутствовали при рождении нового писателя, и смотрели, куда катится наша горемычная литература, Мастер поставил последнюю точку в романе века.

И не пора ли вернуться к настоящим шедеврам от всей этой унылой писанины Полирафов Шариковых, которых в нашей литературе не задушишь, не убьешь?

Но ведь не они ее творят, да и Мастер, уходя, обещал вернуться, а вместе с ним вернутся его герои и можно прикоснуться к Вечности...

ГЛАВА 2 НАЧАЛО НАЧАЛ ПИЛАТ И КНЯЗЬ ТЬМЫ

Лирическое отступление

Пусть тайные знаки проступят на звездном плаще,
К нам снова из мрака вернется король звездочет.
Да, сходится все, мы о черном твердили коте,
И пятница темная, знаю, сегодня грядет.
И будет зачат в эту полночь глухую Пилат.
Отважный и грустный воитель невиданных стран.
И мечутся тени у тех опустевших палат.
И мир изнывает от горечи, боли и ран.

И тайные знаки явили нам страсти и тьму,
В которой заблудится снова с утра Люцифер.
Но только богиня вернется однажды к нему,
И слышится им эта музыка дивная сфер.
Хранителя света не стоит равнять с Сатаной.
Все это нелепая блажь и красивая ложь.

И где-то в тумане беседует долго со мной
Угрюмый Афраний, и в сердце Иудино нож

Вонзила какая-то тень, и в преддверье конца,
В печали и неге таинственный Мастер замрет.
Там тайные знаки, и он не откроет лица.
Когда к Патриаршим отправится Волаңд и кот.
Кот будет шутить и сжигать за собою мосты.
Здесь черная пятница - душно и нечем дышать.
Им надо решить еще, где королеву найти.
Кого умертвить, а кого из них просто прогнать.

Старинное зеркало в комнате вдруг отразит
И звездный тот плащ, и печали немую стихию.
А дерзкий художник, забыв, в этой сфере парит,
В огне и в руинах взирает в то небо Россия.
Да, сходится все, мы о черном твердили коте,
И пятница темная, знаю, сегодня грядет.
И тайные знаки проступят на звездном плаще,
К нам снова из мрака вернется король звездочет.

Зловеще ал рассвет Первого дня, первого века новой эры. И все еще
впереди.

Князь Тьмы одиноко сидел на высоком холме, который скоро станет
знаменитым. А пока он просто один из холмов на этой земле.

Он знал. Он все это знал и дивился своим глубоким познаниям.

А Пилату снова снились кошмары. Он пытался вырваться из объятий сна и
не мог этого сделать. Кто-то неведомый во сне или наяву (не разберешь) твердил
упорно, что все уже сделано. Ничего не изменить. Но то ли еще будет.

Но что же такое еще должно было произойти - спрашивало невиданное
существо.

Зарычал во сне пес. Что ему снилось? Это навсегда останется тайной даже
для его верного хозяина. Но, неожиданно пробудившись, он, не мигая, смотрел
на хозяина, будто видел его впервые и никак не мог узнать.

Собаке передается настроение хозяина. А может, он хотел убедиться в том,
что с ним еще ничего не случилось. Но он почувствовал грядущую беду и
тихонько завыл.

Пилат сердито взглянул на него, но ничего не сказал. Да и что говорить, если он позавидовал последнему рабу, спокойно развалившемуся где-то под открытым небом. И ничего не волновало, не угрожало, не пугало его – покой, доступный любому простолюдину был несбыточным желанием для властелина. Пилат бы поменялся местами с этим рабом, сначала хотел поменяться, но потом передумал.

Все проходит. Пройдет ночь. Она унесет с собой все кошмары. И он снова будет властелином. Власть - самая сильная зараза, от нее невозможно отказаться и избавиться. Только лютая смерть может безжалостно отнять ее, ничего не давая взамен. Но пока ты жив, ее нельзя выпускать из рук, остается только наслаждаться властью над этим миром.

Вот если бы не эти бродячие проповедники всех мастей и страстей. Ему придется принимать решение.

Но то, что предстояло совершить Пилату на этот раз, могло в дальнейшем лишить его всего на свете.

Кто послал именно ему такое испытание? Почему вторжение в его мир этого бродяги не совершилось несколькими годами раньше или позднее?

И кроме самой высокой платы за власть – одиночества властелина, он получит еще вечную славу и вечное проклятие.

Пилат был силен и неуязвим для всех своих врагов лютых. Пусть размножаются бездарности, он, наделенный даром, останется в этом мире единственным и неповторимым. Но никто не сможет гордиться ни его дружбой, ни родством с ним. Абсолютное одиночество – вот что ему доставалось вместе с властью

Пилат точно знал, что останется в веках и в их писаниях. И эта мысль на миг оживляла, согревала его ледяную душу. Люди и через сто, и через тысячу лет будут помнить о нем. А помнят они только о тех, кто строил храм и еще о тех, кто разрушил его. Вторых помнят лучше, чем первых. Строители чаще всего остаются безымянными, запоминают разрушителей.

Пусть потом они все извратят и приукрасят - это не так важно. Но сам факт того, что он обретет бессмертие - это главное. Он останется рядом с оборванцем, объявившим себя пророком. Какая ирония судьбы.

На первый взгляд этот бродяга просто сумасшедший, но только на первый взгляд. На самом деле Он видит что-то такое, чего не могут узреть остальные. И это хитросплетение правды и вымысла так тревожит душу Пилата по ночам.

Но как устроен этот мир, кто им правит, кто определяет людские судьбы. Не он ли присылает на землю безумных пророков, позволяя им вещать о неведомом? Властелин не знал ответов на эти вопросы и видно никогда не узнает. Сумеет ли кто-то когда-то найти на них разумные ответы.

Но если даже не найдет, все равно остается власть и страсть, и она ни с чем не сравнится. Пилат обладал этой властью, большего ему и не надо. Пусть тайны разгадывают волхву и остальные чародеи. Он будет наслаждаться властью и беречь свое сокровище.

№№№№

Князь тьмы, излучающий и охраняющий ослепительный свет когда-то, знал все. Его немного смешил этот самоуверенный и честолюбивый царек. Конечно, он был значительнее остальных людишек, и ждали его большие дела. Но чванство и спесь его не имели границ.

А ведь был он только песчинкой в мироздании, хотя и чуть крупнее остальных песчинок казался. Он считал, что сам принимает решения и вершит судьбы мира, но Князь точно знал, что ничего он на самом деле не значит, ничего не решает. И пусть благодарит преисподнюю за то, что на него чисто случайно пал указующий перст Судьбы, за то, что его руками будут твориться большие дела. Но никакой его личной заслуги в том не было, и быть не могло - все в мире только случайность. Из таких вот случайностей и складывается реальность, из-за них жизнь кажется непредсказуемой и интересной.

- Но этот хоть на что-то способен, - пытался Князь убедить себя.

Князь Тьмы знал и ясно видел грядущее, но загадочно улыбался увиденному. Он порядком устал от серой реальности, и убеждения, что долго еще ей не будет конца и края. От этого и его жизнь становилась серой и бесцветной, а от скуки сводило скулы. Он догадывался, что в новую эпоху ему и верным помощникам его придется немало потрудиться.

Знания не огорчали и не радовали его, он относился к своему существованию, как к тяжкому труду.

Тот спектакль, который он поставит, будет длиться тысячелетие, а у него самая трудная роль главного героя, властелина мира-главного менеджера Вселенной.

Ее больше некому играть. Ведь тот, кого людишки называют Богом, только слабая его тень, приукрашенное его отражение, одна из сторон монеты – он все время пытался открыть им глаза, поведать эту тайну. Но они обманываться рады и не хотят смотреть в глаза реальности.

Двадцать веков они будут заблуждаться, разделяя их с богом на две половины, относя в разные миры. Но для них бог - символ, к которому обращены взоры, холодный, далекий, недоступный. А действовать, казнить и миловать всегда придется ему, в зависимости от обстановки. Хотя никогда ничего не меняется в мире, что бы они ни думали, кому бы ни молились и не приносили жертвы.

Да и что такое этот мир без него, свет без тьмы. Но однажды он уже пытался сказать Старику правду, и многому на собственных просчетах научился. Тот, не раздумывая долго, столкнул его в преисподнюю (поближе к месту действия). Ему не хотелось лишаться своего пресловутого покоя хотя бы на какой-то срок.

Все и дальше текло своим чередом.

Как и прежде Князь делал всю черную работу, а лавры и молитвы были обращены в небеса. И Старик должен был устало взирать на них с высоты, выслушивать их жалобы и стоны.

Но Князь Тьмы больше о восстановлении справедливости и не помышлял, а просто трудился не покладая рук, принимая все, как есть. И лишь иногда (не слишком часто) ему хотелось что-то изменить одним махом. И с молчаливого согласия небес порой это удавалось. Да, Он позволял себе вольности, чтобы не исчезла вера в то, что он не пешка на шахматной доске в этой вселенской игре. Он работал азартно и часто весело и увлеченно, и не ждал награды за свой адский труд. Ему некогда было вникать в мелкие детали, были свои просчеты и неполадки, что - то шло не так, как хотелось, но общая картина мира от этого все равно не менялась. На творимом им полотне появлялись только новые узоры.

Князь равнодушно наблюдал за тем, что должно было случиться в ближайшее время, и с интересом заглядывал в далекое грядущее. Он решил готовить Пилата к главной миссии его на земле. Сыну короля-звездочета и молочницы предстояло оставаться в веках. Но, кажется, с этим он немного переборщил. Вид героя и его душевное состояние вызывало некоторое опасение у князя. Если он не очнется и не опомнится, то может все испортить. Хотя изменить он может только детали, потому что в главном все останется неизменным.

Суд. Помилование. Распятие. Воскрешение.

А пока он решил заглянуть в послезавтрашний день, полюбоваться тем, что получится в результате. Его эксперимент удался. Только вспоминая увиденное, он никак не мог нарисовать целостной картины. Какие-то деревянные куклы, похожие на греческие статуи, но плохо отесанные и убогие появлялись то там, то тут на его пути. Рядом белые соборы, люди в ярких одеждах, какие-то кровавые баталии, похожие на пиры и пиры, напоминавшие какие-то кровавые сражения, то ли со своими, то ли с чужими. Все это было единым и непонятным даже ему самому. И на невероятно огромном этом полотне, оно было больше похоже на бред сумасшедшего художника, ему многое еще предстояло расшифровать и понять, хотя пока вовсе не хотелось над этим ломать голову.

Но что это была за неведомая страна, которой в этом времени пока еще не существовало вовсе, и вдруг она появилась, возникла ниоткуда.

Он снова бросил свой взор на ту часть света и ничего кроме болот, непроходимых лесов там не обнаружил. Только какие-то жалкие группки то ли людей, то ли животных бродили среди этих болот. Что же такое должно случиться за девять столетий с этими дикими людьми, чтобы появился новый мир? Но ему надоело гадать, и Князь решил, что всему придет свой срок, не стоит торопить события. Хотя память потом продолжала его возвращать в этот странный мир.

Что это было?

Это не развалины Греции или Римские просторы, что-то иное, совсем незнакомое появилось на пустом месте. Но чем могут быть ему интересны неведомые люди, когда появились уже все Македонские и Цезари, стинули в Аид такие безумцы, как Калигула и Нерон (глупцы считали их его любимцами, но что кроме презрения он мог к ним испытывать?). И эти тоже канули в темных переходах лабиринта его миров.

Все герои и негодяи давно исчезли. И уже родился тот, кого они так долго ждали и считают своим спасителем. Он мученик, безликий и странный, станет их божеством.

Князь тяжело вздохнул о том, что должно было случиться, и понял, что порядком устал размышлять.

Нет, ему надо было развлечься немного, и отправится во дворец царя Ирода, ведь если пророк уже родился, то тот, другой, его Предтече, Иоан Креститель должен погибнуть, и есть ли в мире сейчас более важное событие, чем это.

Сколько всего о нем потом расскажут и напишут, и только он может сказать, что все видел своими глазами.

Потом, когда пройдет много веков и не останется ни одного живого свидетеля, он с особенным экстазом произнесет:

-Я там был... Я там был...

ГЛАВА 3 Я ТАМ БЫЛ. РОКОВОЙ ТАНЕЦ

Князь Тьмы появился в граде Ироде.

Он направился к царскому дворцу.

То тут, то там шепотом говорили о том, что Креститель томится в плену, по навету разъяренной царицы.

Никто не смог бы предположить какова будет его судьба.

- Так уж и никто? Иродиада уже разлила масло, и они не подозревают, как скоро все решится.

Даже Предтеча не может знать, что с ним будет этим вечером, и как юная обольстительная царевна лишит его головы.

Вспомнив о чем-то очень далеком, но до боли похожем на то, что здесь должно было нынче происходить, князь усмехнулся:

А потом они будут говорить о том, что как только он появляется, так у кого-то голова слетает с плеч.

В корне неверный посыл, просто он появляется, чтобы взглянуть, как пророк лишится головы.

А потом можно побыть немного летописцем и писателем, называйте, как нравится, и записать бесстрастно (если получится) все, что удалось увидеть и услышать в тот роковой вечер, в царском дворце, в гостях у Ирода.

Правда был он гостем непрощенным, но он всегда таким и оставался, такова судьба.

Вот что было написано в свитках Князя Тьмы о том роковом дне и роковом танце. Ему можно верить

№№№№№№№№№№

В стране только что вступившего на царский трон Ирода появился пророк. Он называл себя Иоанном Крестителем.

Этот пророк слыл безумцем, как и всякий пророк. В этом убедилась царская дочь Саломея, когда спустилась к нему в темницу.

Но чего хотела юная Саломея от Иоанна? Зачем она оказалась в темнице? Сначала совсем ничего. Она пошла к нему только потому, что ее отчим царь Ирод запретил всем это делать. Никто не смел ослушаться грозного царя.

- Пусть попробует хоть один приблизиться к нему.

Никто не попробовал, кроме юной царевны. Для нее царские указы оказались пустым звуком.

Царевна жестом отодвинула стражников, которые не посмели к ней прикоснуться, да и посмели бы только, и шагнула во тьму, в смрад и убожества того мира, в котором обитал с недавних пор тот, кто считал себя Крестителем, предшественником, и родственником нового бога.

Потом, когда она приблизилась к нему и увидела его колючий, насмешливый взгляд, она просто спросила:

- Но где же твой всемогущий бог, если ничтожный царь Ирод держит тебя в заточении, почему он не совершит своего обыкновенного чуда и не выпустит тебя отсюда, зачем эти муки адовы?

Во мраке пророка почти не было видно, зато хорошо слышно его хриплый голос:

- Но этот ничтожный царь так же расправился и с твоим благородным отцом, а мать сделал наложницей, не так ли, царевна?

Она вспыхнула, когда услышала первую часть фразы и усмехнулась, когда прозвучала вторая.

- Ты на самом деле веришь, что ее можно сделать наложницей, такому как он, глупец. Да он и пальцем к ней не прикоснется. А с ним она остается потому, что слишком боготворит власть, и ради того, чтобы не потерять ее, готова терпеть ласки такого царя, как Ирод. Это мужчине страсть туманит ум и заставляет делать все, что потребует женщина, а она, она погубит сначала тебя, а потом его, и не стоит так громко поносить ее, ты слишком рискуешь собственной головой, жалкий пленник. И не в твоём положении бравировать и оскорблять царей.

Иоанн задумался. Если она говорит правду, то он и на самом деле ничего не понимает в женщинах. По крайней мере, ему картина виделась по-другому. Бедная беспомощная женщина, и злодей, тайно убивший ее мужа (собственного брата) и завладевший не только его трон и богатством, но и женщиной, которая ему принадлежала. А она просто покорилась, потому что у нее не было другого выхода.

Почему он принял эту версию? Потому что, как бы не был ничтожен Ирод, Крестителю хотелось защитить мужчину, и совсем не желал он возвеличивать женщину.

- Но если ты так ее ненавидишь, почему ты еще с нею? - спросил он свою юную гостью.

- Потому что месть - это блюдо, которое подают в холодном виде, - дерзко отвечала царица.

Она хотела отомстить за отца, эта мысль не покидает ее, но как она может это сделать? А ведь может, в том не было сомнений.

Он усмехнулся, хотя усмешка получилась грустной, он видел, что эта хрупкая девица вполне достойна своей матери. И Ирод, этот грозный царь останется только игрушкой в женских руках?

Но почему он думает, что Саломея не придумала все это? Возможно, этого ей хочется, и она выдает желаемое за действительное. Но она говорит так убедительно, что он готов поверить ей.

Саломея смотрела на него молча. Потом послышались шаги, и она заявила гордо:

- Я освобожу тебя, но при одном условии, ты уберешься отсюда и никогда больше тут не появишься.

Царица пристально смотрела на него, и, судя по всему, она могла это сделать, если он пообещает исчезнуть навсегда. Но он неожиданно даже для себя самого, запрягнулся:

- Почему я должен уходить, если здесь мой дом и мое место? Почему я должен становиться странником и изгнанником? Не бывает этому.

- Потому что царь Ирод не потерпит твоей болтовни, ему не нужны пророки, которые напоминают ему о бесчисленных грехах.

- Но должен же кто-то говорить истину царям, - не унимался Иоанн.

Он еще глупее, чем она могла предположить, и ей больше не хотелось из-за него ссориться с отчимом и рисковать собственным положением при царском дворе. Она была смела и дерзка, но только до определенной черты.

- Я пришла к тебе напрасно, - развела руками Саломея, - и я умываю руки, тебе не в чем меня упрекнуть.

- Но ты уверена, что можешь казнить и миловать без ведома царя?

- Нет, я лучше посмотрю, как ты будешь мучительно и долго умирать от руки самого ничтожного из царей. И твоими руками я отомщу ему за отца, потому что он был таким же упрямым, вы с ним очень похожи, но вот беда - побеждают всегда Ироды. Это они живут и правят долго и счастливо.

- Ты любила его? Ты очень любила его?- спросил Иоанн, когда она уже повернулась к нему спиной, чтобы уйти.

- Нельзя любить благородных, но слабых, их можно только жалеть, но за них потом приходится мстить, а так хотелось, чтобы они жили, правили и тебя защищали. Отец не уберет ни одну из своих женщин, таких нельзя любить.

Она сказала ему то, что никому и никогда не решилась бы сказать.

Пророк удивленно отступил к стене и беспомощно уселся на камни.

Какое странное создание - дочь благородного царя Ирода, жаль, что они встретились при подобных обстоятельствах, но теперь ему еще меньше хотелось, чтобы она его спасала.

- Она никогда не сможет полюбить меня, но он ее отец, и к нему она не может относиться по-другому, - думал он о свергнутом и уничтоженном царе.

Иоанн пытался понять, что предпримет царевна дальше, но даже представить себе этого никак не мог.

ГЛАВА 4 ПИР ЦАРЯ ИРОДА

Ирод объявил о пире, в царский дворец сходились и съезжались многочисленные гости. Они боялись своего властелина, потому хотели того или нет, но собрались на это пиршество, хотя пророки все время предвещали какую-то беду, которая должна случиться в эту темную ночь.

Саломея тоже слышала об этих пророчествах, и она решила, что отец подает ей знак - ее час настал.

Матушка, оставив свиту за стеной, шагнула в ее покои. Она удивленно подняла глаза на спесивую царицу. Сразу видно, что они едва терпели друг друга.

- Ты еще не готова к пиру? Царь будет гневаться, ему стало известно то, что ты была у окаянного пленника, ты играешь с огнем, дорогая.

- А ты с ним не играешь? - с вызовом бросила Саломея

- Мне надоели твои дерзости, попробуй только еще что-то выкинуть и унижить его, и ты будешь иметь дело со мной.

- А что он делал сам, когда убивал настоящего царя? Как к нему после этого относиться?

- Ты не можешь об этом судить и не должна искушать судьбу, так было предначертано. Он исполнял замысел небес.

- Конечно, ваш заговор против него с самого начала был написан на скрижалях. Ты хотя бы не лги мне, рассказывай это слугам верным, они поверят чему угодно, а мне не надо...

И вдруг в глазах ее появилась ярость:

- Если ты не оставишь меня, то я отправлюсь туда вообще без одежды, и потом не упрекай меня за это.

Царица странно побледнела, она знала, что девчонка именно так и сделает, это было видно по ее глазам. Она могла позволить себе все, что угодно, и не остановить, не удержать. После гибели отца с ней вообще никто не мог сладить.

Потому царица развернулась, и что-то бросив на ходу, отправилась прочь.

Саломея взглянула на собственное отражение на водной глади. Она была удивительно хороша. Это матушке надо скрывать свои формы, а ею будут

любоваться мужчины, и шипеть от ярости женщины. Надо лишь подобрать такую одежду, чтобы она была скорее раздета, чем одета, и дело сделано.

И эта идея, рожденная из дерзости, так ей понравилась, что она решила, что так и сделает, она разденется, не сразу - это было бы слишком просто, а потом, когда царь попросит ее танцевать.

Все в их мире знали, что никто не сравнится в этом искусстве с обольстительной царской дочкой. Отец, когда он был жив, однажды увидел ее на лесной поляне, залитой солнцем. Она была одна и так кружилась в вихре танца, что царь остановился и любовался ею.

- Откуда в ней эта легкость и грация. Она словно рождена была для того, чтобы танцевать. И он понимал, что и радость и беду принесет такой танец тому, кто увидит ее.

Он пошел к ней, когда она беспомощно опустилась в высокую траву.

Сначала он хотел подойти к ней, но она была неподвижна, и он повернул коня и помчался прочь. Царь не мог знать, что в тот день он ее видел, любовался ею в последний раз. Через несколько часов во дворце их внезапно появился братец. И когда поднял он кубок отравленного вина, то это и стало началом финала его бурной, но такой короткой жизни.

В тот момент, когда свет внезапно померк перед глазами, он только и прошептал:

- Саломея, прости, дорогая, мне придется тебя оставить, будь осторожна, детка. С такими родичами, как твой дядюшка, никаких врагов не надо.

№№№№№№№№

Царевна рыдала несколько дней, когда слуги передали ей его слова. Она так и не успела сказать ему, что видела в тот день отца, просто не стала к нему приближаться. Ей хотелось, чтобы между ними существовала тайна,

недосказанность. Но как скоро выяснилось, тайной была увенчана вся его дальнейшая жизнь и смерть.

Нет, это матушка пусть лжет себе, что Ирод не причастен к его смерти, хотя она не настолько глупа, чтобы поверить этому, а она все знала точно. И в день, когда он был похоронен, она дала слово, отомстить дядюшке, и только потому, все еще оставалось во дворце, хотя предпочла бы поселиться в любой лачуге, чтобы не видеть проклятого царя. Но лачуга оказалась непозволительной роскошью для царской дочери, ведь она собиралась уничтожить Ирода. После того, когда она заглянула в глаза упрямого пророка, Саломея точно знала, как это сделает.

Хотя о многом еще надо было подумать, но она сделает это, и, судя по всему ее звездный час уже настал.

Ирод остался в тени, когда погиб отец. Его причастность к злодеянию – только подозрения и сомнения. Но он сам своими руками подпишет себе смертный приговор, когда громогласно объявит о том, что он совершит по ее воле. Она только немного поможет ему сделать это страшное дело.

№№№№№№

Ирод в тот момент внимательно смотрел на царицу:

- Что могло тебя так расстроить? - спрашивал ее он, - Саломея только упрямый ребенок, она должна быть наказана за то, что отправилась к пророку, но я обещаю, что не буду с ней слишком строг.

- Лучше бы ты оставил ее в покое, иначе она такое вытворит, что тебе придется при всех оторвать ей голову.

- Ты считаешь меня таким злодеем, да наша девочка сам ангел небесный, я всегда, сколько бы времени не прошло, буду с нее пылинки сдувать.

Ничего на это не сказала ему царица, но про себя она подумала о том, что пылинки сдувать придется недолго. И если она о том не позаботится, то он не недолго процарствует в этом мире.

Ирод был очарован девчонкой, как и ее покойный отец, но она лучше всех знала свою дочь, порой с ней просто не было никакого слада. Но почему мужчины так наивны и легковверны, и за все отвечать придется ей самой.

Царица хотела в тот вечер только одного, чтобы этот пир скорее закончился, но он все длился и длился. Саломея сидела где-то в тени и угрюмо поглядывала на все происходящее вокруг.

Но когда Ирод взглянул на нее, он сразу же вспомнил бесчисленные рассказы о ее танцах. Самому ему не приходилось видеть этого чуда, она всегда находила причину для того, чтобы отклонить эту просьбу, а два раза просто сказала, что у нее траур по отцу, и в такие дни не танцуют. Но на этот раз царь решил настоять на своем. Она подчинится его воле, и он увидит то, о чем все говорят, пусть тогда не теряет головы.

Согласилась Саломея на удивление быстро, словно она и сама ждала этого момента, на радости он и бросил почти восторженно:

- Проси у меня, что хочешь, дитя мое, ты достойна любого подарка, я все исполню..

Царица услышала это вместе со всеми и не успела его остановить.

- Безумец, ты сам роешь себе могилу, - говорила она, но в общем шуме ее уже никто не слышал.

А Саломея уже вылетела в середину зала в прозрачных своих одеждах, которые скорее открывали, чем скрывали то, что под ними было.

Царевна закружилась, в самых соблазнительных позах, да так, что голова хмельного царя пошла кругом. То, что он видел, превзошло все ожидания. Он был полностью покорен, очарован, заколдован.

Ревность ли охватила душу царицы, или ярость, а возможно, все вместе, только она сцепила свои красивые руки на груди и застыла, и похожа была на каменное изваяние. Теперь она точно знала, что на этот раз не удастся избежать беды.

И в тот момент одежды полетели со стройного тела танцовщицы, и обнаженная, она остановилась в центре зала перед загудевшей от восторга толпой. Саломея замерла, высоко подняв голову.

Но ропот верных жен становился все сильнее, и только гневный жест царя заставил замолчать тех, кто вопил о том, что царская дочь стала публичной девкой, и в мире, где такое творится, случится настоящая беда.

Они смолкли, когда во второй раз повторил Ирод:

- Ты можешь просить у меня все, что захочешь.

Зал замер, никто, кажется, и не дышал больше.

- Голову пророка Иоанна, я хочу, чтобы мне принесли его голову.

В первый момент царь не понял, о чем она говорит, потом страшно побледнел, и переспросил еще раз.

- Ты обещал, что я получу все, что пожелаю, мне нужна его голова, я не хочу ничего другого, отец.

Ему показалось, что она назвала его отцом, или звала в свидетели его убитого брата, кто ее разберет.

Все вокруг сразу загудели, зашевелились.

Саломея шагнула к нему все еще обнаженная, подхватив с ковра свои наряды, и он слабым жестом отдал приказ своим стражникам.

- Опомнись, ты губишь себя и всех нас, - бросилась к нему царица. - Девчонка после танца просто не в себе, но ты взрослый человек, властелин. Ты не сделаешь этого на глазах у всех.

- Я исполню все, что она хочет, если бы ты умела так танцевать, и доставлять столько удовольствия своему властелину, но ты непорочна и холодна, как скала, она же совсем другое, она добьется многого.

Саломея усмехнулась. Царь держит свое слово, он доказал всем этим людям, что способен расправиться не только с царем, но и пророком. Тайное стало явным.

Она в тот момент видела за окном промелькнувшую тень отца своего. И бросилась туда, на свежий воздух. Но призрак растворился где-то в облаках.

- Отец, отец, тебе не понравился мой второй танец, но ты отомщен. Тайное стало явным, он запятнал себя не только твоей кровью, но и кровью пророка на века. Этого никогда не забудут и не простят.

Всадник растворился в темноте, Саломея увидела кровь и на собственной одежде, а возможно это был только странный отсвет зари.

Ирод исполнил свое обещание, воин протянул ей заветную чашу.

- Я хотела тебя спасти, - говорила она, - но ты сам отказался от моей помощи. А если ты хотел гибели, то тащи за собой в могилу и царя нашего, это будет справедливо.

Саломея прожила долго, но нигде и никогда она не видела больше отца. Говорят, что она ни разу больше не танцевала, и уверяла всех, что люди выдумали сказку про ее неотразимый роковой танец.

№№№№№

Князь Тьмы усмехнулся, отложил гусиное перо. Он дописал, наконец, историю о страсти, власти и мести такой, какой ее видел, потому что сам там был, когда это все происходило.

Потом он отложил свиток в сторону и потянулся к другому. Какой-то неведомый поэт писал о танце Саломеи, и пророке, потерявшем голову во дворце царя Ирода.

Мессир не любил поэтов, но ему было любопытно почитать это творение и узнать иную версию этого события, явно отличавшуюся от его собственной.

Он усмехнулся: поэты есть поэты, - и начал читать.

Царица на площади главной застыла
И слушала голос пророка бесстрастно,
Она на рассвете казалась красивой,
Да, что там, была она просто прекрасна.
И бурная страсть подкосила пророка,
И больше его оставлять не хотела,
Судьба с ним всегда поступала жестоко,
Как манят изгибы прекрасного тела.

И вот уже видит он страстные ночи,
Но только она усмехается гневно,
Вернулась к царю, даже слышать не хочет.
А что там? Забывшись, танцует царевна.

2.

У Ирода вечно дела и заботы,
То дикий мятеж, то недобрые вести,
Но нынче наш царь загрустил отчего-то,
Ему говорили, умрет и воскреснет.
И снова младенцы какие-то снятся,
Совсем позабыл о любимой царице,
Когда же простое, обычное счастья
Из страстных мечтаний его воплотится?
А тут еще этот по городу бродит,
- Эй, стража ведите, хочу я послушать.
И пленник усталый в покои приходит,
Он так ироничен и ярость так душит.

3.

- О чем он твердит? Мне за что воздается?
Какие он храмы однажды разрушит.
И душу палит это дикое солнце,
И смотрит презрительно прямо он в душу.
А тут и она, к ним внезапно приходит.
- Что хочешь от этого бога ты снова?
И Ирод молчит, слов уже не находит,
Он странно рассеян, пленен и взволнован.
Но пленник, конечно, сегодня он злится,
Он вздрогнул, и что-то такое бормочет.
А что остается, раз в гневе царица,
Темница, и слушать их Ирод не хочет.

4.

Она раздраженно ушла и не знает,
Как он в полумраке один безутешен,
Какие-то дети его окружают,
И рядом пророки, и лучик надежды.
Там музыка, это танцует царевна,
О, сколько же неги в пленительном танце.
И с музыкой вместе приходит забвенье,
Он просит опять: - Саломея, останься.
И тень его брата идет за ним снова.

Какая – то песня, отец на закате,
О царь, отчего он сегодня взволнован?
Но все объяснить ему силы не хватит.

5.

И стражник твердит, что в забытой темнице,
Опять беспокойно, там нынче с рассвета
Их пленник вопит, он как будто взбесился,
- Но что говорит? – Да не знаю про это.
О бунте, о храме, о деве, о власти,
И все так печально и так непонятно,
- Наверно горячка, проклятые страсти.
Готовьте нам пир, - приказал он невнятно.
И знает, такое сегодня приснилось,
Что лучше бежать, но решил он остаться,
И рядом царица лгала и ярилась,
И снова полет, там, в сиянии танца.

6.

Она же на дочь удивленно смотрела,
Как будто бы видела деву впервые.
- О, как ты прекрасна, а знаешь, что сделаем.
И долго о чем-то они говорили.
Сначала противилась зло Саломея,
А после внезапно она согласилась.
Царица смотрела на небо, немея,
И виделась ей и жестокость, и милость.
- Зачем ему жить? Я спасаю от бури,
И мир мой несчастный, и темную душу,
А с ним и меня они там не забудут,
Все будет однажды, пусть храм я разрушу.

7.

Ей снилось сегодня в тумане распяты,
Какие-то женщины, воины, свита,
- Откуда явилось к нам это проклятье?
И кто их послал, - прошептала сердито.
Но только в темницу устало спустилась
Взглянуть в тишине и во тьме на пророка,
Какая-то тень там металась, ярилась.
- Бедняжка, как он поступает жестоко.
А он все кричал ей про бедного мужа,
Про страшную ярость, и грех ее вечный,
Что ждут ее снова, и черти и муки,

Пророк заигрался, конечно, конечно.

8.

Ну что же, избавит их всех Саломея,
Есть магии чудо в пленительном танце.

- Что шепчешь, ты девочку впутать посмеешь?

- Конечно, посмею, ну, сколько ж метаться.

- Не женщина ты. – Я сегодня царица,-
Напомнила, словно не ведал он света.

- Пустое, ты просто тупая тигрица.

- Пантера, мой ангел, и знаю про это.

Но я так устала, остынь, все пустое,

Пусть он защитит тебя, если сумеет,

Меня же просить о прощенье не стоит,

Ты знаешь, прощать никогда не умела.

9.

И снова растаяла где-то царица,

Лишь бело платье мелькнуло во мраке,

- Она не сумеет. Она не решится,

Не быть этой страшной, предсказанной драме.

И где-то шумели веселые гости,

И музыка снова из тьмы вырывала.

- Танцуй, Саломея, мы все тебя просим.

Помедлила чуть, и легко вылетала.

И была укутана снова шелками,

Как кокон, еще не сумевший пробиться.

О, магия танца, что делает с нами,

Бросает в просторы, уводит в темницу.

10.

Царица смотрела на них обреченно,

Он стар, но к девчонке все время стремится,

А если увидит ее обнаженной,

Конечно, тогда он на все согласится.

Недаром так долго просила раздеться,

И ей говорила о магии танца,

Но танец закончен, усталое сердце

Его все просило: - Останься, останься.

Пусть падают снова такие наряды,

Пусть юная прелесть твоя обнажится,

Я царь, и скажи, что отдать тебе надо.
И только вдали улыбнулась царица.

11.

Цари наши, властью своей упиваясь,
Порою такое другим обещали,
Ребенок невинный, она танцевала,
И только наряды скользили, слетали.
- О, что же с тобой, - усмехнулась царица,
Она в этот миг о своем лишь мечтала.
И будет симфония дивная длиться,
А там Саломея в экстазе взлетала.
Ее охватила внезапная радость,
Когда перед ними предстала нагая,
И вдруг поняла, ничего не осталось,
Куда она всех в этот миг увлекает?

12

- Проси же, - стонал снова Ирод устало.
Исполнит он все, что бы ты ни просила,
Молчит. И от страсти душа трепетала,
И даже наказы царицы забыла.
Но та ей напомнит. – Глава Иоанна.
- О чем ты, дитя? – понимает не сразу.
- О, царь, я о нем, только это желанно.
Она повторяет крамольную фразу.
Царь гневно посмотрит еще на царицу,
Она же с гостями о чем-то воркует,
Толпа замирает, и Ирод ярится,
Кто снова сыграл с ним да шутку такую.

13.

Но то, что обещано было в начале,
Исполнит, цари отступить не умели.
И вот уже жуткие скрипки стонали.
И воин подходит один к Саломее.
- Бери, как хотела. Отступит царевна,
Метнется безумная дева куда-то.
И только царица стоит вдохновенна
И даже спокойна, и вроде крылата.
Исполнилось то, что начертано было,
Он больше о прошлом ее не напомнит

И музыка где-то в тумане завывла,
Их встретила похоть и дивная полночь

14.

Во тьме проступают опять силуэты,
Сгоревшие страсти остались золою.
И Ирод пирует в толпе до рассвета,
Но где Саломея, с мечтой и судьбою.
Осмелится ль кто-то перечить царице?
И как она всех урезонить умела.
Алеет заря – это танец все длится,
И голову кружит твою Саломея.
Любой в этот миг на такое решится,
А после опомнится поздно и немо,
Она обнаженной пред вами кружится,
И гневно нависло свинцовое небо.

15.

Судьба по заслугам отпустит вам снова,
И радость, и боль, все еще в этом мире.
И смотрит Креститель на землю сурово.
- Что сделалось с вами, что сделали с ними?
И больше никто не находит ответа,
И страшной грозой нависли вопросы,
И только в потоках печального света,
Мы видим и небо, и море, и звезды,
И танец в тумане, он длится и длится,
Такого с тобою еще не бывало?
Тут в пору рассудка, мой ангел, лишиться.
О, как Саломея тогда танцевала.

Князь удивленно усмехнулся и отложил и этот свиток.

-Ну что же недурственно, правда, во всем виновата только вероломная царица, но пусть так, даже интересно, какая версия останется.

Хотя пора уже отключиться от прошлого и заглянуть в грядущее, он давно заметил, что будущее отражается в прошедшем, потому и стоит посмотреть так пристально на то, что уже было.

Пилат говорит, что его замучили пророки, из-за одного из них и погиб Креститель. Только кто же из них настоящий, как понять и разобраться?

№№№№№№№№№№

Пилат удалился в свои покои.

- Свершилось, - тяжело и безнадежно вздохнул он.

Так вот что еще предстояло ему пережить. Но почему для такого дела избран именно он? Это казалось странным и ему совсем непонятным, но все уже свершилось, ничего изменить и исправить нельзя.

Сын короля звездочета не считал себя ни в чем виноватым, хотя без его согласия они не посмели бы совершить того, что сделали. Но он только свидетель и зритель. Властелин напрасно в этом пытался убедить себя. Ничего не получилось. Ему хотелось оставаться в веках, но не палачом, распявшим их нового бога, не такой ценой, какая пошлая и примитивная роль. И о чем бы он ни думал, мысли все время к этому возвращались.

Кто-то смеялся над ним, старался противоречить ему, но, сколько он не пытался обнаружить насмешника - нигде никого не было.

Он смертен, как и все. И ему все равно, что будет в грядущем, где ему нет, и не может быть места. Но если это случится, там он навсегда останется злодеем.

Все это произойдет потом, а нынче он мертвецки устал. Что-то менять было поздно. Просто все свершилось не так, как мечталось когда-то.

Я знаю, что масло разлито до срока.
И где-то беда стережет нас устало.
Король-звездочет с темным ликом пророка,
Он ждет ее снова, и там, где начало
С финалом сойдется за миг до рассвета,
Уносится Мастер куда-то во мраке,
И лишь Маргарита - ночная комета,
Готова и к балу, и к смерти, и к драме.

Все это зачем? Чтоб роман, догорая,
Опять возродился для нас в этом веке,
Я знаю, что дерзко они умирая,
Рождались, и яркие звезды не меркли.

И только казалось, что там проиграли.
Триумф поражения их окрыляет.
И снова судьба все летит по спирали
К истоку, к прозрению нас возвращает.

И пусть не снимает очки в полумраке
Тот темный, не хочется больше скитаться.
И пусть в этой странной и яростной драме
Нас кот рассмешит и позволит остаться
Собою, ведь мы не хотели с тобою
Метаться, как тени, в порывах стихии,
Мы жили надеждой, мы жили любовью,
Но лунные блики его осветили.

И снова страдает там сын Звездочета,
Достигший и неба и бездны внезапно.
И в этом экстазе мечты и полета
За глыбою мрака летим мы с азартом
К покою? Да нет, не хочу обмануться.
И там, за чертой бытия и сознания
Нам в лес заповедный придется вернуться,
Забыв и потери и наши страданья.

Но снова та тайна хранителя Света
Укрыта во мраке и где-то сияет.
И лишь Маргарита - ночная комета
Их всех от неверья и бездны спасает.

ГЛАВА 5 ЛИЦО В ЗЕРКАЛЕ

Знаменитый художник вглядывался в черты своего лица, отраженные на зеркальной глади. Он смотрел в зеркало пристально и внимательно, чтобы потом перенести их на полотно. Ему страстно хотелось, если не в реальности, то на своих полотнах пережить века. Разве не в этом суть бессмертия?

Те, кто будут взирать на его творения, а он с самого начала знал им цену, должны представлять себе его ясно. Лицо Мастера не должно затеряться в пучине времени. С полотна на него смотрел романтичный и одухотворенный творец.

Когда художник закончил работу, он облегченно вздохнул, больше ему ничего не было страшно. Время во всей его неумолимой суете должно было отступить перед ним.

Это был не его каприз, вернее, не только каприз Гения. Он хотел быть ближе к своим потомкам, стать частью и их реальности. И вдруг его осенила еще более крамольная мысль. А что если человек через пару столетий остановится перед картиной и узнает себя? Возможно, это будет он в новом теле и обличии, ему суждено будет снова вернуться в этот мир, потому что ничего не исчезает, ничего не появляется снова, они обречены возвращаться в новое время со старыми страхами, радостями, бедами.

Он отпустил кисть и немного отошел от полотна. Кажется, все получилось так, как хотелось. Он редко льстил себе, а к автопортретам придирился особенно. Но уже с первого захода достиг в этот раз желаемого.

О том же скажут и его друзья, и те, кто появится в мастерской, но пока он только один в мире радовался тому, что совершилось.

Художник невольно оглянулся. Ему показалось, что кто-то тронул его за плечо. И на самом деле, повернувшись, он увидел незнакомого человека. Удивил его странный, не поддающийся описанию наряд. Он был иностранцем, и, судя по выражению лица, не понял ни одного из произнесенных слов. Потому он и не сразу заметил особенность - тот был очень похож на изображенного на портрете, словно бы совсем недавно позировал ему для этого портрета.

-Кто вы? - не удержавшись, воскликнул художник, ожидая услышать какое-то замысловатое имя.

-Мастер, - произнес он довольно понятное слово, звучавшее на разных языках похоже.

Что было на это ответить. Чертовщина какая-то. Он не понимал, никак не мог разобрать этого. Но самые удивительные его мечтания сбывались.

Человек из другого времени и пространства, как две капли воды похожий на него самого, подтверждал, что его страстное желание о бессмертии может осуществиться.

Они еще немного постояли друг перед другом, а как только художник на миг отвернулся, незнакомец исчез. Не ушел, а именно исчез.

Сон, видение, призрак. Судя по всему, пришел он из грядущего. Какие странные вещи порой происходят в этом мире.

Художник видел человека, который в своем времени, взглянув на полотно узнает себя, и, наверное, будет удивлен еще больше, чем он теперь.

Мы привыкли верить в неповторимость человеческой личности. Но все в этом прекрасном мире повторяется.

Под луной нет, и не было ничего нового. И он готов был многое отдать, даже свой невероятный талант за то, чтобы заглянуть в грядущее, узнать, что же и как там с ним будет.

- Знания умножают печали, - прозвучало у него перед самым ухом, хотя в мастерской больше никого не было.

Или нам только кажется, что никого нет, а то время как незримые духи, пришельцы из прошлого и грядущего все время где-то рядом.

- Там все так страшно? – спросил художник, - что лучше не видеть и не знать.

- Еще хуже, чем кажется, - послышалось рядом.

- Пусть так, но я хочу видеть и знать как это будет потом.

Послышался странный низкий смех, заставивший его поежиться, но Мастер был страшно упрям, он никогда не отступался от желаемого.

Это было его радостью и его бедой.

ГЛАВА 6 НА ТОМ И ЭТОМ СВЕТЕ

Они собрались на этом клочке земли в Гефсиманском саду. Демон мгновенной смерти и войны Абадонна в неизменных своих темных очках, первосвященник Иосиф Каифа, начальник тайной полиции благородный Афраний.

Понтий Пилат - прокуратор Иудей, издалека следил за ними.

Все они говорили и думали об одном и том же - о повелении бродяги - пророка, одного из десятков, который выдавал себя за миссию, за нового бога, родившегося на земле, чтобы спасти мир от уничтожения.

Сколько уже таких появлялось в Иерушалиме, сколько еще будет приходить. Как найти среди всех самозванцев настоящего пророка. Да и есть ли настоящий? Если верить Иоанну Крестителю – есть, только тот самый Иоанн уже лишился головы, а чудотворец и не подумал его спасти, и как же можно верить Иоанну?

Это потом, когда все совершится, им легко будет говорить о том, кто прав, кто виноват, кто палач, а кто жертва? А когда ничего не известно, что же сделать, что предпринять, чтобы найти одного единственного?

Они видели, что их лишали покоя, снова толкали куда-то, ничего не объясняя: пойдя туда не знаю куда, принеси то, не знаю что. Вот и в тот день они оказались рядом и с тревогой смотрели друг на друга. Каждый из них ощущал беду, нависшую над ними и над миром.

Сильные, властные, дерзкие, они понимали, что настоящую беду им принесет невзрачный и слабый телом человек, который будет самым незаметным среди прочих. Но он умеет задурить им головы и показать все прелести той новой веры, которую он и принесет с собой.

Единственный из всех собравшихся, Абадонна не особенно волновался. Он вообще никогда и ни о чем не переживал, закалился как сталь, а может таким и уродился с самого начала.

О чем волноваться, если смерть несет душе покой. Он только отправлял ее по адресу, не беспокоился, когда все было заранее решено и предусмотрено, никогда не ошибался, приходил за теми, за кем и следует приходить.

Они смотрели настороженно, понимая, что на этот раз он пришел за кем-то из них. И надо было прощаться не только с властью, но и с жизнью самой.

Но почему он медлит, зачем загадывает им такие загадки? Тут любой может от неопределенности руки на себя наложить. Но никто из них не решился его

торопить, смерть может оказаться невероятным благом для них. А что, если потом, когда все свершится, живые позавидуют мертвым?

А может быть, он явился за всеми сразу, потому и не называет никого по имени. От неизбежности и обреченности у Иосифа Каифы мурашки побежали по телу. Он вдруг понял, ощутил каждой клеткой, насколько ему хочется жить, как горько и больно уходить сейчас, еще ничего существенного не успев сделать, замереть где-то на середине и раствориться в этом пространстве - все, что угодно, только не это. Разве не ясно, что ему рано уходить, что он должен остаться.

И невольно приходилось думать о том, каким он предстанет в вечности, на том суде, где нет, и не может быть адвокатов и никто не станет защищать. Тогда черное окажется черным, а белое белым, и судей не убедить в обратном. А хотелось там выглядеть как можно лучше. Но возможно ли такое?

Они вдруг подумали о Мастере, который через несколько веков, в своих творениях воскресит их, и вернет к жизни далекое прошлое. Но, вероятно, он не просто воскресит всю эту картину, но и постарается сделать каждого из них как можно ярче, обнажит лучшие их черты. Он покажет те причины и те обстоятельства, которые побудили каждого из них действовать так, а не иначе. Ведь и бродячий философ покажет, как мало зависит от самого человека, как много от небес и от того мира и времени в которое забросила их судьба.

А каждому роль досталась еще та. Это все они прекрасно понимали. Потому и становилось порой особенно больно и грустно. Но никто не смог бы уйти от предначертанного.

Они и предположить не могли, когда и где появится этот Мастер, сколько им еще ждать этого прихода. На Евангелистов рассчитывать не приходилось, они такое напишут, непонятно, что и откуда взять могли. Здесь нужен был совсем другой персонаж, другой мир и время другое время, потому что большое видится на расстоянии, а великое на очень большом расстоянии.

Сколько времени пройдет, прежде чем на обезумевшей, исковерканной земле появится Мастер. И он будет стремиться к тому, чтобы в мире, обезумевшем от атеизма, сохранилась хоть какая-то вера. И надо было дожидаться того времени, когда в мире победит Дьявол. Он останется единственным повелителем, потому больше некому. И в романе века он станет главным героем, но без Демонов-помощников не сможет обойтись. И всем демонам и героям в этом мире найдется место. Но сколько же времени еще придется ждать всего этого? Выживет ли мир, будет ли он существовать тогда в привычном виде?

Они жили в разных временах и ждали Мастера, чтобы быть запечатленными, увековеченными. Они вспоминали о пережитом, оправдывали себя и обвиняли других. Все это было очень важно для Прокуратора, Первосвященника, начальника тайной полиции и Демона Смерти. Между ними метался Ученик. Его первый и единственный ученик - Левий Матвей.

Но пока не было Мастера, никто и ничто не могло изменить существующий порядок. Они ждали возвращения из небытия Мастера, как когда-то Спасителя. Он не мог не оправдать их ожиданий.

Мастер должен был вернуться, потому что на протяжении многих веков он уходил и возвращался.

ГЛАВА 7 ЧТО ДАЛЬШЕ?

Мастер должен был стать их прокурором, их адвокатом, их Евангелистом и судьей. Князь Тьмы говорил, что появится он только в веке 20 не раньше, в первой его половине, а точнее даты они и не знали. И он будет знать, так, как знают они, что без них бы не существовало Христа.

Мальчик построил странный мир, в котором не было ни бога, ни дьявола. Он родился в семье священника, все его дяди и дедушки были богословами и

служителями церкви с незапамятных времен. Но ко времени его появления на свет, а потом взросления с миром что-то случилось. И богословы, жрецы, религиозные философы - все исчезли даже из душ их, из памяти, не только из видимого мира.

Долгими вечерами, еще совсем маленьким слушал он истории и философские белесы, где ему почти ничего не было понятно, но он не уходил от них, а они не прогоняли его. Но взрослые и подумать, и представить не могли, как через четверть века они отразятся в его литературном творчестве. Его и тогда интересовали те персонажи, о которых они не говорили, а если и говорили, то не называли их имен. Он задавал каверзные вопросы о вечном противнике бога, желая вывести их из себя, узнать что-то новое в пылу споров.

Отец был удивительно терпелив, никогда не раздражался. Он только ясно чувствовал смуту в душе того, которого в честь воинственного архангела называли Михаилом. И эти вопросы (и это было видно) задевали его за живое. Его словно бы испытывал на прочность вечный противник в лице сына. Но он не знал, что же сделать такого, чтобы мальчик не оказался в их власти.

Странные тени и видения во снах его становились все яснее. Мишель смутно догадывался о том, кто они такие. И он перелистывал старинные книги, желая узнать о них как можно больше. По крохам вырисовывались портреты этих персонажей, они оживали в его воображении.

Он знал, какую важную роль тайно или явно они станут играть в его творчестве. Но образы их все время ускользали, растворялись где-то во мраке. Он не мог больше увидеть и услышать их. Они жили своей жизнью, короткие обрывки которой запечатлелись в писании.

Мальчику совсем не хотелось, чтобы его главное повествование увидел Отец. Он смутно догадывался о том, что это не только ему не понравится, но оно может убить его. А этого совсем ему не хотелось в те дни.

Отец и не мог этого увидеть и узнать, он вскоре умер. Хотя, если поверить в то, что на небесах все известно (а как не верить этому), знать, что близкие и послед ухода из этого мира внимательно за нами следят, тогда он должен был

читать эти строки. Но и помня о том, он никак не мог отказаться от того, что было создано им в те дни.

Мишель всегда понимал и знал, что главным его героем станет Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, сын прекрасной молочницы и короля-звездочета, так странно пришедший в этот мир, и еще более странно его покинувший. Все его беды начались только потому, что его угораздило родиться в одно время с тем, другим.

Ведь не виноват Мастер, что именно отважный воин и скверный прокуратор являлся ему в видениях и казался самой трагической в мире фигурой. Без него не состоялось бы распятие, и не было бы в мире того, которому почти тысячелетие поклоняются люди.

Но кто поверит, что это было только его желание, стремление и воля. Нет, он только еще одна жертва, брошенная на алтарь нового бога. А сколько их было, именитых и безымянных? Кто считал их за все эти века. Их никто не воскрешал и никогда не воскресит, воскрес только один - единственный. И он остался в объятиях единственной своей возлюбленной, имя которой Власть. А вокруг него уже теснились другие персонажи этой удивительной истории, у которой было начало, но еще не было финала.

Среди безымянных героев были фигуры значительные, запечатленные в летописи веков - царь Ирод, Иосиф Каифа, Иуда, начальник тайной полиции Афраний, Демон-убийца Абадонна, демон выжженной пустыни Азазелло.

И перед каждым из них он испытывал вину, старался каждому отдать должное в своем творении. Но что за странные мысли теснились в сознании мальчика?

Роман увлекал его с невероятной силой. Казалось, что он охватит всю его жизнь, станет жизнью самой, ему не будет конца и края.

- Для него и целый жизни мало, - размышлял он, листая все новые и новые книги.

Мастер ликовал, ощущая себя гением и единственным в мире творцом. Он чувствовал, что так же должен был думать и весь оставшийся мир. И странно,

если все они этого не понимали. Но они еще не могли знать, какое творение он им готовил. Оно должно было потрясти устои нового века, и поведать о том, другом мире, где прошлое соединяется с грядущим.

Бывают времена, когда лучше забыть о реальности, и погрузиться в свои творения, и там обрести реальную жизнь

А настоящий мир стервенел на глазах. Он существовал где-то совсем в другом измерении. И этому миру не было дела не только до Понтия Пилата, но и до распятия Христа, того, которого он отправил на казнь, постарался забыть о его существовании.

Вспыхнул бунт бессмысленный и беспощадный, самой горячей точкой на планете стали наши земли. Сколько жертв, сколько пострадавших в бессмысленных схватках.

Священники вообще были расстреляны первыми, и кровавый их вождь заявлял, что чем больше их будет уничтожено, тем лучше для их эфемерного счастья. Хорошо, что отец не дожил до тех времен, и умер в мирном и тихом 1907 году, не зная, каким кошмаром все для него обернется.

Если кто-то и торжествовал в их мире, так это председатель ЧК, начальник их тайной полиции. Только благородный Афраний должен был бы умереть от ужаса, если бы увидел и понял, каков он на самом деле в этой реальности.

Этого благородным не назовут даже те, которым он грозит расстрелом, даже под пытками и казнью, не вырвет он от них такого прозвища - вот в каком мире все они вдруг в одночасье оказались.

Комиссары не образованы, глупы, вечно пьяны, потому что на трезвую голову вершить такого невозможно, и особенно жестоки ночью во тьме. При свете такие бесчинства никто не смог бы творить. Все Калигулы и Нероны кажутся ангелами рядом с этими, но самое главное - они все ничтожны, вот что угнетает теперь больше всего, а еще то, что те, кто по определению был ничем, теперь хотят стать всем, схватив в руки наган или приравняв к штыку перо.

Нет для них никаких запретов, и заповедей у них нет никаких, да и не может быть. Он никогда не станет о них писать, даже если будет умирать от

голода. Потому и возник Понтий Пилат и все, кто были с ним. Когда наступает конец света на земле, проще сбежать в другой мир, спрятаться в другом времени, это дает хоть какой-то шанс на то, чтобы выжить и уцелеть, если не в реальности, то на страницах своих книг.

№№№№№

В тихой комнате Мастер листал журналы. А потом снял с книжной полки два альбома - Рубенс и Рембрандт - король художников и художник королей - так они называли первого и нищий темный гений, его прямая противоположность во всем.

Он и сам не понимал, почему его ухоженные красивые руки потянулись именно к этим альбомам.

Мастер разглядывал темные старинные портреты, словно хотел там что-то такое отыскать, думал о течении времени, и о мире, который ушел и был потерян навсегда. Он думал о тех людях, которые жили тогда, любили и страдали, ушли и никогда больше не вернутся. Он не сможет с ними никогда встретиться в том пространстве, которое называется реальностью, но ведь существуют и совсем иные миры, где это возможно.

Сила воображения и писательского таланта способна была многое изменить и невозможное сделать возможным. Мастер чувствовал всей кожей, что может заставить их встретиться, свести в одно место. В первый раз он понял, как много от него зависит.

Но кто и когда подбросил Мастеру этот свиток с жизнеописанием, или вольным повествованием о жизни двух художников, ведь из-за него он начал листать эти альбомы живописи и переноситься мысленно (а порой казалось не только мысленно) в другие эпохи.

Это было необходимо, чтобы почувствовать себя Мастером, чтобы хоть немного отвлечься от реальности.

Мишель снова перечитывал это странное повествование, и оно почему-то влекло и не отпускало, словно там была его собственная судьба, а вернее, два

возможных варианта судьбы. Ему нужно выбрать что-то одно из двух, или кто-то уже сделал за него этот выбор?

Глава 8 Прошлое. Шариков. Первые опыты деятельности, чужое становится своим, конфискованный роман.

Мы потеряли Шарикова из вида в тот момент, когда он сообщил профессору Преображенскому о том, что хочет стать писателем, и в немного резкой форме потребовал поддержки. Но угрозы не подействовали, а тут еще Борменталь - этот доктор смерть под руку подвернулся, и если бы не его нюх...

Но нюх не подвел, Шариков сиганул в окно, и больше они его не видели. Но это вовсе не значило, что он исчез, растворился где-то. Таких, как наш Шариков не задушишь, не убьешь, особенно в такое смутное время, которое ему и выпало тогда. Но насвистывал песенку «А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела», и искал себе дом, когда еще считался спецом по очистке. А как известно, кто ищет, тот всегда найдет, а Шариков и подавно. Но было и еще одно.

И с тех пор не оставляла Шарикова мысль о том, что он должен стать великим писателем.

В самое ближайшее время, и самым великим из всех живых и творящих литературу. А что вы думаете, с той поры, когда встряска случилась великая, и почувал он, что в двух шагах от операционного стола оказался, а маг и чародей его чуть назад собакой не сделал, он понял, что выпал ему еще один шанс, для того, чтобы в большие люди выбиться.

И Швондер вечером за чашкой водки о том же самом говорил:

- Шариков, - говорил Швондер, - ты в рубашке родился, везет тебе. Ведь не каждый пес профессору на дороге попадается, а ты попался, не каждый операцию такую перенесет, а ты перенес и целехонек, да и со мной не каждый встретится, а ты встретился, куда не ткни везде ясно, что народился ты под счастливой звездой.

- Дядя, ты короче говорить можешь, а дальше - то что, - не сдержался Шариков, ему не нравились эти речи с завитушками, да еще когда всю его яркую, но грустную биографию охватить пытались и махом на него снова вывалили ненароком.

- А дальше, когда отпадет надобность в спецах по очистке, а все места теплые уже заняты будут, чем ты заниматься собираешься?- спросил Швондер, немного обиженный из-за такой фамильярности.

Шариков ничего на это не ответил.

- Вот видишь, а выдвинув тебя на деятельность такую, как задвинешь - то? Опасно это станет для задвигальщика. Швондер не столько о Шарикове, сколько о своей шкуре пекся, конечно, которую Шариков мог и продырявить, глазом не моргнув, с револьвером-то он не расставался.

-Что делать-то станешь, когда котов изведешь? - допытывался домоуправ, ему хотелось знать перспективу на более поздние времена.

- Учиться надо, - твякнул Шариков.

- Это когда и чему нам с тобой учиться? – удивленно икнул мыслитель.

Швондер поморщился, ему и самому стало неуютно оттого, что он Шарикова рядом с собой поставил или себя рядом с ним - это с какой стороны посмотреть, но слово не воробей, вылетело уже.

Да и Шариков насторожился, нюхом почуял, что тот как-то благосклонно и надменно на него смотрит, он не злопамятный, но злой, как настоящая собака, и память у него очень даже хорошая.

Но проехали. Он решил первым высказать ту самую бредовую идею, которой накануне профессора терзал.

- Писателем я стать хочу потом, а что жизнь бурная, разнообразная, не то, что на повесть, на целый роман хватит, я точно все опишу, с чувством, с толком, прочитаются все рабочие, и крестьяне подтянутся.

Швондер задумался, он книжек больше читал и жил в человеческой шкуре дольше, потому и должен был объяснить младшему товарищу своему.

- Понимаешь ли, Полиграф - имя уже почти для писака подходящее, - чтобы быть писателем, мало только жизнь прожить, хотя и это не поле перейти.

- А что еще надо? - живо поинтересовался Шариков.

- Фантазию какую-то, владение языком, ведь сначала было слово, в чужую шкуру уметь влезать, людей изучить, хотя со шкурой ты нам еще сто очков вперед дашь, а вот все остальное, молод ты, не смышлен, грубоват опять же, половина слов непечатных потребляешь. Думаю, сразу писатель из тебя не особенно хороший получится. Если только со временем, когда-нибудь, не сразу Москва строилась..

Шариков смотрел на своего самозваного учителя таким волком, что если не порвет на куски, то Швондеру еще очень сильно повезло. Но ведь и слова в пустоту уходили, а стоит ли бисер перед Шариковыми метать - это вопрос, конечно риторический, не стоит, если не хочешь, чтобы тебя покусали, на лоскутки порвали, и что он завелся на пустом месте.

- Ты мне свои буржуазные штучки брось, - произнес Шариков. - Я уже и стих сочинил.

- Какой стих? - насторожился Швондер и пожелал, что Профессор с учеником его их не услышит. Вероятно, зрелище это забавное. Шариков - поэт.

- Весь не помню, но там есть такие слова:

Баба высочит из бани,
В речку бросится с разбегу
Ноги вдруг свело у Вани.

И не только ноги, - Шариков оборвал свою пламенную речь пристально глядя на Швондера. Он ждал восторга и одобрения, как и любая творческая личность, не мог он без доброго слова двигаться к вершинам Олимпа.

А тот скривился так, что было не понятно, плачет он или смеется.

- А что, - хороший стих, жизненный, чувствуется, что ты это пережил и задумался над проблемой глубоко, очень глубоко, - наконец заговорил Швондер, понимая, что если станет молчать дальше, то может и не дожить до рассвета.

- Ты не язви-то, а то у тебя сводить уже нечего будет, - грозно пообещал Шариков.

С юмором у него было не очень, но ведь сначала он у профессора жил, а там научился отличать все оттенки речи, особенно реагировал на иронию и сарказм, так то профессор, этот университетов не кончал, а все туда же.

Откусит ли он ему ноги, или что еще Швондер уточнять не стал, нет необходимости никакой. Он только загрустил, потому что понял, что вся литература именно такой и станет, натурализм Золя может отдыхать, тут Шариков пришел, он вам такое дно, такую западню опишет, такие страсти покажет, что мама не горюй.

Но чтобы как-то сгладить назревавший конфликт и остаться с руками и ногами, угроза может и осуществиться ведь легко, Швондер на прощание предложил:

- Пиши, друг мой сердечный, и приноси, почитаем, поправим, если что не так, не сразу Москва строилась, и ты научишься не хуже Пушкина

- Лучше Пушкина, - поправил Шариков, - а тебя ловлю на слове, раз умный такой, будешь помогать.

Когда захлопнулась дверь, Швондер с грустью думал о том, что он, вероятно, останется единственным читателем нетленок, сотворенных собакой, которая стала сначала человеком, а потом и великим писателем. Но у него нет выхода, захочешь жить, так и Шарикова читать и редактировать будешь. Этот хоть знакомый, а другие еще неизвестно, прикинутся баранами, а окажутся на самом деле такими волками в овечьей шкуре, такое утворят, что и не снилось никому больше.

Нет, редактировать - это уж слишком, они другого дурака найдут. А быть его критиком, это, пожалуй, можно. Он постарается благосклонно к нему относиться, это трудно, но придется, советы дельные давать. Немного похвалить, поругать малость, а потом спрятаться, так, чтобы никакая собака не отыскала, переждать грозу, и снова за дело. А куда деваться бедному Швондеру.

И тогда или немного позднее, и в душе Швондера зародилась идея о том, что и ему надо быть если не писателем, не по летам ему быть начинающим писакой, да и затрат требует душевных немалых, а вот критиком в самый раз. В отличие от Шарикова он понимал, что литература это не когда я описываю свою скучную и убогую жизнь, да так, чтобы ни одной детали не изменить, а когда создается нечто высокохудожественное, это такой адский труд, который Шариков с его мозгами и представить себе не может. Но всегда рядом с Шариковым можно за умного и солидного сойти. Это ведь с кем рядом встанешь, с кем поведешься.

Это профессор, как что за нож хватается, да суды свои вершит, а он не собирался так все радикально менять, он будет перекраивать и переделывать его творение на свой лад. А что, никакой дурак романы Шарикова читать не станет, а вот его статьи - почитают в учебники по литературе включают, цитировать начнут, и как хорошо можно из плохого чужого хорошее свое сделать. А по таким стихам он им такую статью напишет.

Шариков и не представляет, какой он клад для критика Швондера.

№№№№№

Шариков и на самом деле пока не представлял, некогда ему было представлять, потому что с другими чистильщиками он забрался в усадьбу к какому-то буржуазному типу, и пока те другие искали там ценности, он прямо в библиотеку и прыгнул.

Чего там только не было, тот самый профессор, еще хуже Преображенского, его родителя, будет, - как начал вопить:

- А это вам зачем, это рукопись романа моего сына - она - то вам без надобности.

- А сына куда дел? - рявкнул Шариков.

- А куда все деваются, пропал бесследно, ни слуху, ни духу.

И вдруг Шарикова осенило, он вцепился в ту самую рукопись, которую старик к груди прижимал, вспомнил слова Швондера о том, что ему везет, вот и правда везет ведь. Отобрать у старика папку с бумагами оказалось делом очень простым, и исчез Чистильщик, все остальное чистить оставил другим.

Такого странного чистильщика в жизни своей старик не видел, он понял, что и рукописи больше никогда не увидит, только зачем она этому кожаному псу понадобилась, старик понять этого не мог. Зато Шариков визжал от восторга оттого, что он на этот раз в нужном месте в нужный час оказался. И надо же было такому случиться.

У себя в комнате, которую он конфисковал у кого-то, уже и не помнил сам у кого, да и что покойников запоминать, он разложил эти несколько сотен листов под зеленой лампой и стал читать внимательно.

Там говорилось о любви, о войне, и еще о какой-то холере, плохо или хорошо было написано, Шариков не знал, откуда ему знать такое, но он понимал одно - лучше того парня с фамилией Петров он не напишет пока, может потом, когда уже станет матерым писателем, а пока это его выигрышный билет. Правда почерк не особенно разборчивый, но придется разобраться.

У него хватило ума взять только первых пяток листов - это как раз одна глава, с ними он к Швондеру и отправился, похвастаться тем, что он уже успел написать, раз обещал слушать и помогать, вот и пусть исполняет обещанное.

Швондер никак не мог ожидать, что заявится Шариков, да еще с творением своим уже через сутки, даже для него самого это слишком прытко, но ему стало интересно, что же тот настроичить за это время успел.

И они уселись на кухне, потому что супруга его Надежда лежала с перевязанной головой, и возмущалась тому, что проходной у них двор, и любая собака запросто появляется без предупреждения, когда ей вздумается.

Он пытался ей объяснить, что Шариков не любая собака, но когда она кого-то кроме себя слышала.

Махнул рукой критик и плотнее закрыл дверь, и приготовился слушать продолжение повествования про то, как голая баба выскочила из бани, и что после этого случилось с мужиками, которых она встретила по дороге.

Но и на Швондера бывает поруха. Вскоре он вспомнил поговорку о том, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Потому что ни бани, ни голой бабы на тех листах не было. Там была литература, настоящая, о которой они успели и позабыть к тому времени.

Шариков читал, запинаясь без выражения, но и так было видно, что написано хорошо, да что там, просто отлично-шедевр.

Шариков в муках дочитал до конца, вытер пот с узкого лба и повернулся к своему критику.

- И что скажешь, - я еще конечно, поработаю немного, но это в общих чертах начало романа..

- Да что сказать, может, профессор тебя из Тургенева сделал, чем черт не шутит?

- Из кого? - живо поинтересовался Шариков, он не расслышал фамилию, а хотел запомнить, и был уверен, что теперь на того самого предка своего, на которого намекнул Швондер, и ссылаться станет.

- Был такой писатель чудный, Иван Сергеевич Тургенев, очень похоже.

- Ты мне на бумажке запиши, - вдруг потребовал Шариков.

- Что записать? - не понял Швондер, он никак не мог угнаться за мыслями новоиспеченного классика.

- Фамилию, имя и отчество его, потом пригодится.

Швондер посмотрел на него и записал.

Но он никак не мог скрыть то ли разочарования, то ли очарования, то, что это могла быть чужая рукопись, которую Шариков просто стащил, об этом он как-то не подумал даже, настолько тот его очаровал с ходу, что здраво рассуждать Швондер перестал.

Но, допив второй стакан водки в полном одиночестве, он решил, что критикой придется заняться серьезно и нового Тургенева миру явить, хотя этим революционерам нужны скорее бабы, которые из бани высочили, они это быстрее поймут и оценят. Но они с Шариковым возможно и в истории литературы останутся, а там народятся те, которые литературу ценить умеют. Только не мог представить себе

до конца Швондер из кого такие ценители народиться должны, но главное ввязаться в литературную борьбу, а там и видно будет, что и к чему, кто и как народится.

А тем временем Шариков в своей комнате, похожей на ящик изучал еще пять листов, это была вторая глава чужого гениального романа, который после посещения Швондера, он твердо решил сделать своим. И пусть хоть кто-то попробует твякнуть, что это не так, тогда он к перу приравняет штык. Остался, правда, отец родной - профессор Преображенский, он не такой доверчивый, как его критик, но с профессором давно пора счеты свести. Мертвые профессора молчат, шутки свои сразу позабудет папаша и смиренным станет. И никаких операций, и никаких проблем.

Но об этом он подумает завтра, за ночь профессор ему особенно навредить не сможет, а утром, которое мудренее вечера, они и разберутся.

Глубокой ночью, когда спали те, кто еще был жив, Шариков сидел над гениальным романом, и готов был его подарить миру. И это только начало - то ли еще будет.

В том жутком августе, когда были расстреляны одни, сбежали за границу другие, и просто померли в знак протеста третьи, святое писательское место не было пусто, в России появился писатель Шариков.

Еще тот писатель, но не лучше и не хуже тех писателей, которые появлялись в те времена, как грибы после дождя. Но была с ним единственная загвоздка, он не собирался быть вторым или третьим, только первым, только писателем писателей, королем королей. Не больше, но и не меньше, так вот, господа большевики.

Он пришел, он станет властителем дум, и остальные еще будут плясать под его дудку.

ГЛАВА 9 ЖИЗНЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО. КОРОЛЬ ХУДОЖНИКОВ -

Волна стремительно понеслась к берегу. Юноша рисовал на песке великолепные полотна, которые были тут же безжалостно смыты. Но он не печалился, а смеялся, потому что знал, что создаст творения еще лучше. В том, что эти картины были так хрупки, была какая-то своя несказанная прелесть, и некому было сожалеть о том, что творения бесследно исчезали. Их пока еще никто кроме самого творца не видел.

Ему необходимо было совершенствоваться, потому что он надеялся достичь высшего мастерства, а оно достигается только после невероятных усилий.

Сколько уникальных полотен растворилось в бескрайних морских просторах, этого никто никогда не узнает.

Потом Пауль возвращался домой усталый, но почти счастливый и переносил лучшие рисунки на бумагу. Возможно, потому они и казались такими завершенными, такими великолепными с самого начала, и поведавшим о том титаническом труде, в постижении мастерства. Ведь со стороны казалось, что ему все слишком легко дается. В этом был уверен даже самый строгий из его критиков - старший брат Филипп.

Больше всего он волновался и опасался за судьбу Питера. Он всегда общался с людьми искусства и мог себе представить, что за судьба ждет его младшего брата. И когда волнения эти вырывались наружу, Питер говорил:

- Я буду королем художников.

Но говорил он это не потому, что так безоговорочно верил в собственный гений, а подчеркивал, что никогда не позволит слабостям торжествовать, никогда не подчинится страстям, которые легко губят любого, а человека творческого в первую очередь. Невероятная сила и воля проступала в его сознании с самого начала.

Никогда Питер Пауль не обещал, что он откажется от живописи, потому что знал точно, что не сможет исполнить такого обещания, она была смыслом его жизни, его верой и надеждой, без нее жизнь теряла цвета, запахи, вкус.

Но Филипп никогда и не требовал от него таких обещаний. Он знал, что был Тициан, тот, кто беседовал с королями и кардиналами, и они нуждались в нем, хотя его судьба для живописцев была скорее исключением из правил. Но этот великий итальянец оставлял надежду и для его брата. Он обещал себе, что сделает все возможное и невозможное, чтобы Питер не уподобился тем несчастным, которые ходят с протянутой рукой, остаются вечно грязными и пьяными и рисуют таких же нищих и убогих, как и они сами. Потом раздают бесплатно свои творения тем, кто никогда не сможет оценить их, и все время жалуются на судьбу и проклинаят мир.

Не бывать этому, только самое лучшее, только портреты королей, и станет он не только королем художников, как сам заявляет, но и художником королей, а без этой цели не стоит брать в руки кисть и тратить деньги на холсты и краски.

- Ты будешь художником королей, - пообещал ему Филипп.

Порывисто взглянул на него юноша, но ничего не ответил.

Он знал, что в жизни можно добиться многого, если точно знаешь, чего тебе хочется.

№№№№

Когда Филипп знакомил его с учеными, философами и писателями, то он не говорил о талантах брата своего. И когда тот начинал рисовать собеседников, да так, что любой из них торопел, бросив взгляд на рисунки, они приходили в восторг и неизменно уносили рисунки с собой. Они говорили о том, что наступят те времена, когда, когда они и приблизиться к нему не смогут.

Он только улыбался. Его не особенно волновал собственный триумф, он знал, что так будет. Он был уверен, что пришел в этот мир, чтобы запечатлеть его на своих полотнах.

Трудно было вспомнить, кто первый сказал о том, что юноша так дивно талантлив, но портреты вельмож красовались во всех домах знати, и не сегодня, так завтра их увидит король, и вот тогда...

С легкой руки этих людей он отправился в первое путешествие и оказался при дворе английского короля. Это было только начало, потом король испанский, и французский с великой радостью принимали молодого художника, и везде он был дорогим гостем. Теперь уж и сам Тициан, будь он жив, позавидовал бы молодому художнику, его уму и невероятному обаянию, его громкой и всеобщей славе. Он стремительно взлетел и стал художником королей, но не просто стал, он им оставался всегда.

№№№№№

Говорят, что если бог что-то одно дает, то забирает другое. Обласканный всей Европой, Питер, вероятно, должен быть несчастен в любви.

Но кто сказал вам такое? Как только он вернулся домой, так и встретил свою Изабеллу. И влюбился, да так, что все 17 лет их совместной жизни только ее и боготворил, и изобразил с такой любовью и восхищением, что даже у скептиков, никому и никогда не веривших, не возникало никакого сомнения в том, что она единственная и любимая женщина в его жизни. И в этом живописец противостоял распущенности всей богемы и был слишком высок и горд для того, чтобы пускаться во все тяжкие, передвигаясь от одной юбки к другой, заводить целый гарем натурщиц, прикрываясь любимой живописью.

Если и были какие-то моды, то он стал законодателем совсем иных стилей. И все вольные жрецы искусства должны были отстраниться от него, оставаться где-то за чертой.

Изабелла была великолепно, и он с нескрываемым восторгом повел ее к венцу, кто еще из товарищей по цеху мог так ярко проявить свою любовь к собственной, а не к чужой жене? Король оставался королем и в семейной жизни.

И художники стали говорить о его бездарности, о гордости, о заносчивости, но сквозь весь праведный гнев проступало только злоба и зависть.

Но так как ответа на такие выпалы не было, то и пришлось им снова разбрестись по своим углам, утешая себя тем, что короли капризны и придирчивы, они скоро все изменят, и тогда будет еще видно, кто и кого.

Но какое дело ему до этих чувств, если мир так огромен и интересен.

Он вернулся домой из путешествия по Европе, когда должен был родиться его первенец.

№№№№№

На свет появилась прелестная девочка. Он подхватил ребенка на руки и так прижал его к груди, что почувствовал тепло детского тела. Как хороша была его Клара. Он весело кружил малышку по комнате, внимательно глядя на свое главное творение.

Это было самое совершенное из творений художника, он любому бы в том признался в те минуты светлой радости...

- Пауль, ты задушишь ее, - услышал он в вихре счастья голос брата.

Он заглянул к ним и никак не мог понять всех восторгов и порывов, словно ни у кого больше никогда не рождалось детей.

- Помнишь, как ты рисовал самые мрачные картины моего грядущего, - напомнил он неожиданно брату.

- Для того и рисовал, чтобы тебе удалось избежать всех бед, - говорил тот, - но я никогда не сомневался в том, что ты умен и проницателен, ведь были же и Тициан, и Рафаэль, только этот путь значительно труднее, чем тот, другой.

И потом он рассказывал о плачевной судьбе еще недавно знаменитого художника.

- Кто бы мог подумать, - удивлялся Филипп, - еще несколько лет назад он был уверен, что Тициан умрет от зависти, на него глядя. И лучше не смотреть на то, что с ним стало.

Изабелла внимательно слушала их разговор. Она с каждым днем любила своего мужа все больше и больше, и все время благодарила бога за то, что он подарил ей ее Питера.

Он с самого начала и до конца был знаменит, высок и далек от земли, как трудно парить в небесах, оставаться на недостижимой высоте.

Есть творцы, которые еще при рождении записаны в небожители, им никому и ничего не нужно доказывать, это остальные ненавидят и завидуют, возмущаясь несправедливости, царившей в мире творчества. А почему он должен быть справедлив, и если бы пришлось поменяться местами, отказались бы они сами от такого места под солнцем? Вряд ли. И все же, все же.

№№№№

У Мастера все время появлялись ученики, и он возился с ними, не замечая их капризов и всех темных сторон, которые они порой являли миру. Он никого к себе не приближал, хотя никого и не отталкивал, приходили и уходили они всегда сами, решая, какие-то свои проблемы.

Потом художник никак не мог вспомнить, кто привел к нему этого юношу, как он оказался в их доме. Какими мрачными были его полотна. Он не мог не оценить мастерство живописца, но и принять этого мира не мог, хотя старался быть великодушным.

Но сам юноша казался легким и веселым созданием.

- Вы король художников, это все говорят, - без всякого заискивания заявил он.

Ничего на это не ответил Питер, только усмехнулся, всем своим видом тот подчеркивал, что пройдет немного времени, и он обойдет его во всем.

Это было даже забавно, он, вероятно, не знал, что тот, которого он назвал королем художников, никогда и ни с кем не соревновался, считая, что у каждого только свое место под солнцем, и никому не удастся занять чужого. Но ничего этого говорить юному дарованию Мастер не стал.

- Он художник королей, - про себя размышлял Рембрандт, и не мог понять, как одно в этом человеке может сочетаться с другим.

Но таким и должен быть придворный художник, высок, красив, одет с иголочки, речь дипломата, говорят, он часто исполняет поручения то одного, то

другого короля, потому так спокойно путешествует по миру, не встречая нигде препятствий.

А сам Питер вспоминал в тот момент, как печально знаменитый герцог, взглянув на его полотна, спросил:

- Вы дипломат, занимающийся живописью?

- Нет, - ответил он тогда, - живописец, причастный к дипломатии.

Тот не стал больше ни о чем говорить, понимая, что художник сделан из особенного теста, и он не позволит ему вольничать, и чего доброго с ним еще неприятностей на свою голову насобираешь.

- Ничего особенного, - говорил ученик, когда его спросили о художнике.

Что это было? Зависть, обида, неприятие, недавняя ссора с Мастером, или он был настолько уверен в себе самом, еще ничем не доказав своего мастерства этому жестокому и капризному миру?

- Чертовски обаятелен, умен, богат, счастлив в семейной жизни, а в остальном ничего особенного, высокомерен и насмешлив, не особенно с ним пообщаешься. Да он и не стремится с кем-то водить дружбу, - тут же прибавил он и немного смутился, решив, что слишком перегнул палку, наверное нельзя так, о том, кем восхищаются короли и простые смертные, тебя просто не правильно поймут.

Но в голосе была затаенная обида на ту самую несправедливость. Почему одним судьба дает все, а другим ничего?

Когда - то Питер хотел быть таким, как Тициан, и ему это удалось. Новый гений вовсе не хотел быть таким, как Рубенс. Но в покое он так и не смог оставаться, столкнувшись с ним. Это противостояние длилось до самого конца, когда учитель давно уже покинул этот мир, несчастный, разоренный художник видел его и все время старался обойти стороной призрак, который доказывал ему, что можно было жить совсем по-другому, оставаться королем, принимать у себя королей.

Юноша пристально смотрел на картины Мастера, яркие, пышущие энергией и красотой. Он вглядывался в лицо Георгия Победоносца, убившего змея, и в прекрасный лик спасенной им принцессы.

Он бы совсем по-другому написал этот сюжет, и напишет, не могут они быть такими яркими и победными, не могут и не должны. Ему не нравилось полотно, но от него никак нельзя было оторвать взора.

И дальше кони, люди, экзотические животные, все смешалось и пришло в движение, все явило собой невероятную мощь. И даже распятый Христос на его полотнах был на удивление красив и мощен. Хотя это и вызывало усмешку, но и впечатляло одновременно. Он знал, что такие картины и станут украшением королевских дворцов и храмов, они будут висеть там, куда ему с его творениями никогда не прорваться. Не стоит даже и пытаться.

- Не переживай, - он бездарен, - говорил кто-то из его пьяных, а потом странно веселых друзей.

- Он великолепен, - вырвало у молодого художника, - ему хотелось оставаться справедливым к Мастеру, не сделавшему ему никакого зла.

И только тот, о ком они спорили, был далек и недосягаем, рядом с королями и в кругу своей семьи он оставался спокоен и счастлив, ни с кем ему не нужно было выяснять отношения, некому было завидовать, он жил и творил в свое удовольствие.

№№№№№

Но беда задела его своим черным крылом, когда умерла его обожаемая Клара. Никто не мог знать, как он переживал смерть своего первого и любимого ребенка, он сразу же отправился в путешествие по Европе, не желая никого видеть и слышать.

Девочка все время была рядом, она приходила в его сны, у него появился маленький ангел - хранитель. Но в реальности никто не мог заполнить ту пустоту, которая образовалась в его душе с ранним уходом дочери.

Изабелла превратилась в бесплотную тень. Они оба понимали, что дети часто умирают, но то, что это случилось с их обожаемым ребенком, в это никак невозможно было поверить и смириться. Он рисовал ее снова и снова, и она оживала на его полотнах. И он радовался тому, что может хотя бы это сделать для своего несчастного ребенка, пусть они запомнят ее такой, он обеспечил ей бессмертие и гордился тем, что может это сделать

Выходя из собора, он наткнулся на своего бывшего ученика, шедшего куда-то в толпе таких же веселых гуляк. Тот рванулся к нему, но Пауль резким движением отстранился и вскочил в карету. Всем своим видом он показал, что ни с кем не желает общаться. Его вовсе не волновало, что подумают о нем молодые художники, ведь сам он совсем о них не думал.

№№№№№№№№

Король присылал все новых вельмож. Художник находил предлог, чтобы оставаться в своем замке и не появляться при дворе, но он понимал, что это не может длиться долго. Приходилось считаться с такими условностями.

Художники стали спорить о том, кто из них сменит Рубенса в королевском дворце. Каждый верил в то, что художником королей будет именно он.

- Они ждут Рубенса, - отрезал знакомый, когда Рембрандт намекнул на то, что он свободен и мог бы поработать для своего короля.

Его молодая жена была так тщеславна и так мечтала предстать перед королем, что Мастер решился предложить себя для такой работы. Ради нее и попросил он узнать, не нужен ли королю новый художник. Но пока ничем не мог ее обрадовать.

Саския удивленно смотрела на своего мужа. Она уже знала от служанок, что усилия его были напрасны, их никто никогда не пригласит к королю. Она вспомнила жену Рубенса, эту маленькую и серую мышь, которой ее знаменитый муж так польстил на своих полотнах. Но почему ей так не повезло с художником?

Она не знала, что это был последний год жизни Изабеллы. Она и умереть должна была молодой, любимой и счастливой, что за наказание такое.

Мастер вернулся от короля, узнав о болезни жены, и остался у ее постели до последней минуты. Его совсем не волновало, что скажет король. Властелин должен подождать, пока у него есть дела важнее.

Бог ему много давал, это правда, но при этом безжалостно забирал любимых людей, и с этим ничего не поделать даже королю художников.

№№№№№№

Рембрандт взирал на свою Саскию в те дни, когда появилось известие о смерти Изабеллы, на пышные похороны они не посмели отправиться. Но он был уверен в том, что если бы его счастливый соперник поманил его жену, она бы не задумываясь, бросилась в его объятия. А ведь он старик. Это открытие очень больно его ранило. И он отчаянно продолжал писать в те дни своего блудного сына - полотно, которое должно было поднять его над всеми Мастерами, навсегда прославить.

Но уже в середине работы стало понятно, что и на этот раз надежды не оправдаются, те, кто восторженно относятся к Рубенсу, не поймут и не оценят его, об этом не стоит и мечтать.

№№№№

Мастер мог быть спокоен за свою жену - юная Елена, которую он знал когда-то еще ребенком, стала новой его избранницей, как только прошли дни траура. Сама Изабелла, уходя, настояла на том, что сменит ее именно она, и любящий муж не мог спорить с ней, и только растерянно кивнул в знак согласия. Блиставшая красотой дева вызывала симпатию в его душе с самого начала, он мог ее полюбить. Он будет писать ее всю оставшуюся жизнь, ему не понадобятся другие натурщицы, с которыми с такой радостью общались его ученики.

Ее прекрасный лик и великолепное тело появилось на новых полотнах, потому что в такие дни он не мог не писать, чтобы не думать о печальном, надо загрузить себя работой.

Елена была великолепна. Да и не могла быть иной муза короля художников. Рембрандт чувствовал, что его Даная казалась только жалким подобием того, что изображал и являл миру этот чародей Рубенс.

Саския заболела в те дни, когда он взялся за полотно, и он не мог не передать ее увядавшей красоты на своем полотне. Она не могла скрыть своего недовольства, когда вглядывалась в то, что он писал. И его дела шли все хуже и хуже Они стремительно летели вниз. Но она знала, что его гибели ей не суждено будет увидеть. И то, что она уйдет раньше, немного успокаивало ее.

Она вспоминала похороны Изабеллы и знала, что ее художник не сможет даже достойно похоронить ее, да что же это за проклятие такое, за что ей все это досталось?

Когда она застала мужа со служанкой, то пришла в неописуемую ярость.

Сначала ему показалось, что она просто ревнует его, но потом он понял, что причина в другом.

- Ты все время сравниваешь себя с ним, но взгляни на Елену, и на ту с которой ты развлекаешься, даже когда я еще не успела оставить этот мир. Вот в этом вся разница, ты никогда не станешь великим, ни один дворянин тебя на порог не пустит, для этого надо быть Тицианом и Рубенсом, а тебе не стать ни тем и не другим.

Никогда прежде она не говорила ему таких обидных слов, но здесь были все ее несбывшиеся надежды и мечтания, которым уже не осуществиться в этой жизни.

- Ты даже умереть готова, чтобы хоть в смерти урównяться с его женой, - в свою очередь раздраженно бросил он.

- Это точно, чем такая жизнь, уж лучше в склепе оставаться, - согласилась она. - Но он туда каждый раз приходит с розами, а ты меня в общую могилу бросишь, разве не так?

Они сказали друг другу все, что наболело, но больше о знаменитом художнике не говорили ни слова.

№№№№№

Полуобнаженная Елена, закутанная в меха, во всей своей красе стояла перед Мастером. Сколько нежности, восторга и радости было во взгляде художника в те минуты. Он был с ней, он снова был счастлив, и ни с кем из братьев своих не собирався спорить и ссориться. Они существовали в другом мире, за высоким забором, отделявшем его дворец от их хижин.

Когда появился посольный короля, художник отложил кисть и резко поднялся. Ему не хотелось уходить, но как истинный дипломат он улыбнулся, то ли этому человеку, то ли своим мыслям и чувствам.

- Лучше бы ты был художником королей, - услышал он голос своего брата, долетевшего к нему из прошлого.

- Я стану художником королей, если тебе этого хочется, - сказал он тогда.

Теперь он понимал, что это чертовски хлопотно, но деваться было уже некуда, он всегда исполнял свои обещания.

№№№№№

Саския умерла в полутьме в полном одиночестве. Ее мужа уже несколько дней не было дома, его нигде не могли найти. И когда кто-то из учеников рассказал об этом Рубенсу, он дал денег и распорядился о похоронах жены художника. Они не посмели нарушить наказа Мастера, и немалые деньги истратили по назначению, хотя эти люди не могли понять, какое он имел к этому отношение.

Все в этом мире идет своим чередом, король художников так и оставался до конца королем, и он достойно шел по жизни и нес свою корону. Никто ни в чем не смог бы его упрекнуть.

Такие вот два пути выпали старым Мастерам. Что должен был выбрать тот, кто родился и жил в веке 20, и мог ли он что-то выбрать сам?

ГЛАВА 10 ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Мастер разглядывал лица стариков Рембрандта. Полотна заставляли его замирать от боли. Он поспешно захлопнул этот альбом и стал вглядываться в светлые полные радости полотна Рубенса. Сколько в них было красоты и мощи. Они возвращали к жизни. Отступила боль, и он испытал нечто похожее на счастье. Он почти успел забыть о подобном чуде. И оно возникло в его душе снова.

- Мастер, - с восторгом прошептал он.

И таким странным показался весь этот мир. Он еще раз убедился в том, что существует связь с иными временами. Но как она проявляется? Ему хотелось знать именно это. Возможно, вся его жизнь уйдет на то, чтобы разгадать эту тайну.

Но снова взглянув на первого и второго мастера, он понял, что это грани одного и того же лица: свет и тьма, добро и зло, радость и горе. Сколько таких художников жило и творило еще в мире?

Как трудно было им потом из созданных миров возвращаться к реальности, и как прекрасно для любого путешествие во времени, оно не сравнится ни с каким другим путешествием.

Он зал, что придет Она, и он услышит рассказ о том страшном августе 21 года. Он как - то пропустил это время, и в те горькие дни был в другом пространстве. Но она ему расскажет, как они расправлялись, эти ничтожные Афрании, с двумя поэтами.

Мастер не любил стихотворений и никогда не любил поэтов, но эти двое были величайшими мастерами, и это заставляло уважать их и преклоняться перед ними. Жизнь и смерть каждого из них - это благоуханная легенда. И

потому он, до сих пор прятавший голову в песок, должен был посмотреть правде в глаза и обо всем узнать.

Он знал, что рассказывали легенды об императоре и адмирале, теперь еще и два величайших поэта проклятого века остались в дивных сказаниях навсегда. Их судьбы неповторимы и уникальны, а даты гибели почти совпали - разница только в несколько лет, месяцев, дней. Все они навсегда останутся очень молодыми. Два Николая и два Александра - даже в именах их были какие-то уникальные совпадения. Все они ушли не по своей воле. Он остался жить. У него в запасе было почти два десятка лет. Он знал, что должен написать о них, о мире, уничтоженном теми, среди которых ему пришлось остаться. Только откуда возьмутся силы на такое? Если служенье муз не терпит суеты, то в этом жутком мире ему вообще противопоказано оставаться.

Мастер зажмурился. Ему показалось, что град пуль продолжает свистеть и над его головой. Первым у него на глазах рухнул Государь Император. Они все его предали и оставили тогда, на руках многих осталась его кровь, потом был расстрелян Адмирал, объявленный Верховным главнокомандующим, взваливший на свои плечи этот груз. Зная обо всем этом, задохнулся русский поэт, решив, что он не может, не должен больше жить в таком мире. А через две недели они расстреляли второго поэта, мужа Анны. Никого тогда не осталось, да и не могло оставаться. Страна тонула в кошмаре гражданской войны.

№№№№

Анна, как только оказалась в Москве, появилась в его доме, седовласая, величественная, спокойная. Она все это пережила, и жила теперь не «за», а «вопреки». Только он один, глядя на Анну, чувствовал и прекрасно понимал это.

Они сидели в пустой комнате вдвоем, и она тихо, почти спокойно говорила о том страшном августе 21 года.

Страшно даже представить, что после тех событий они прожили почти 20 лет. Сначала они все пытались просто выжить. Но в глубине души (и он видел это в ее глазах) они завидовали тем, кто был расстрелян.

Те не успели, не прошли по всем кругам ада, и в этом было их счастье. Они не могли даже в самом жутком кошмаре представить себе, во что превратится этот мир и их жизни. И хорошо, что им этого не суждено было узнать.

Истории, которые Анна рассказывала сыну священника и внуку священника о беззаветно храбрых русских офицерах расстрелянных комиссарами, о замученных русских поэтах, не могла не потрясти Мастера до глубины души, он знал, что никогда ничего не забудет ни на этом свете, ни на том.

Все поставить на карту, ради минутной вспышки, ради подвига. Они выжили, но те юнцы, которые так жили, давно ушли на небеса, и оттуда на них взирают. Они давно стали там самыми яркими звездами и светят всем остальным. Но можно ли осветить эту жуткую тьму.

№№№№№

А потом она молчала, а он говорил о трех переворотах в Киеве. Какая странная ирония судьбы, тогда его не тронули ни красные, ни белые. Им всем нужен был токовый врач. Но может быть, они надеялись на то, что он напишет их жития между делом. Ведь кто-то должен оставаться не героем, а летописцем своего времени.

Анна рассказывала одну из легенд, о том, как в последние минуты жизни поэт командовал своим расстрелом. Такую же историю ему рассказывали и об адмирале. И это было так на них обоих похоже.

Мастер даже представить себя не мог на их месте. И никогда не сможет ни на этом свете, ни на том забыть этих жутких историй. Вероятно, потому из глубины веков и появился Понтий Пилат, кого же еще нужно было достать и оживить снова, чтобы роман его стал не только бессмертным творением, но и как-то отразился на страшной их реальности.

Когда говорили об Анне, рассказывали о ее безответной влюбленности в первого поэта и о том, как любил ее второй. На самом же деле, и Мастер видел это сейчас, она любила не того, которого ей приписывала молва, а как раз своего мужа, потому что женщины не могут не любить героев. Она не просто любила, она гордилась им. Да и не могла она любить другого? Нельзя по-настоящему любить того, кого называют Снежным королем. Тот страшный август 1921 года все раз и навсегда расставил по своим местам.

- Они ушли, а мы остались. И нам ничего другого не оставалось, как продолжать жить потом. Скольким еще придется считаться Иосифами Каифами и Иудами в этом мире? – тихо спрашивала Анна.

Она видела, какой печальной в одно мгновение стала его улыбка. Но он старался как-то отстраниться от черных помыслов. Если все время об этом думать, то так легко сойти с ума. А жизнь слишком коротка, чтобы еще и прятаться от нее в доме для душевнобольных. Творцы не могут быть так расточительны.

ГЛАВА 11 СЕРЕДИНА ВЕКА

Анна ушла неожиданно быстро. Он понял, что она больше не может об этом говорить. И вдруг прорвались стихи:

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме
Помолитесь обо мне.

Мастер никогда не любил стихотворений. Но это были и не стихи даже о соловьях и розах, а древний славянский плач обо всех убитых и замученных, и о живых, потому что им еще хуже, чем мертвым.

И вдруг Мастер понял, почему так сжимается сердце. Он знал, что его дни сочтены. Она останется, когда он уйдет. И она останется во времени, когда живые

будут завидовать мертвым, и судимы были мертвые, как и живые, вот что было самым страшным в этом жутком мире.

Благородный Афраний, где взять их, героев для этого времени, палачи страшны, они понятия не имеют о том, что такое благородство. А остальные виноваты уже в том, что живут в этом мире и готовы хоть какие-то свидетельства оставить о времени и о себе.

№№№№№

В тот момент и возникла Елена. Сколько дней и ночей он благодарил судьбу за то, что с ними произошло. И когда случилась эта удивительная встреча на Старом Арбате. Она увидела его. Она сразу поняла, кто он такой. И не испугалась, не отступила. Там, где другие женщины при одном только упоминании бы разбежались в разные стороны, и такой визг подняли, она оставалась спокойной и только мягко улыбалась.

Маргарита, с самого первого мига их встречи он сразу понял это.. Он сравнивал ее с королевой, и она была королевой, и остается главной героиней их романа.

Она слушала поэтессу. Была восхищена и поражена услышанным.

Потом она спрашивала, почему им выпало такое время и такие судьбы. Всем без исключения, добрым и злым, героям и негодьям. Но могло ли в их жизни быть что-то по-другому? Видимо не могло.

Елена была искренне убеждена в том, что он гений, и восхищалась всем, что он писал. Но и у гения бывают особенные вещи – таким творением стал его роман. По дерзости и яркости ему не было равных. Многие страницы она помнила наизусть. Она понимала и чувствовала текст не хуже, чем он сам. Это заставляло его не только любить эту удивительную женщину, но и чувствовать в ней единомышленника и соавтора. Да так оно и было особенно в последнее время.

- Ведьма, - повторял он, и все больше в том убеждался, когда пристально заглядывал в ее зеленоватые глаза. Она и была настоящей ведьмой, а кто сказал,

что их не может быть, особенно в этом дьявольском мире. Они никуда не исчезали и не могли исчезнуть, сколько бы их не сжигали на кострах.

Ради Мастера Елена готова была на все, но не ради просто мужчины, а ради того, единственного, способного создать новую «Божественную комедию». Такая встреча с женщиной богиней судьбы припасена для избранных, у многих она вообще никогда не случается. Ему несказанно повезло.

Она и награда и наказание одновременно. Они неразрывно находятся рядом. Но без нее жизнь больше не имеет никакого значения. А ведь тогда он знал, что она замужем, не за простым смертным, муж ее генерал и очень важный человек. Но он уже никак не мог от нее отказаться. Она смела и отважна, и она готова была на все. У нее теперь остался только он, у него еще были творчество и лютые враги. Он ничего не мог ей дать, кроме поблеем. Он не очень понимал, в какой омут бросает одну из самых великолепных женщин, но он знал, что не может жить без нее. Он жил только с нею рядом.

№№№№№№

Тогда она была счастлива рядом с ним и не замечала никаких неудобств. Мягкой улыбкой она отвечала на все разговоры о трудностях, махала рукой беззаботно, если чего-то в его доме не находила. Потом эти вещи откуда-то появлялись. Она была с самого начала настоящей ведьмой. И только лучезарная и неповторимая улыбка и оставалась. Она освещала его душу.

- Маргарита, - произнес он, - понимая, что так он будет называть главную героиню его повествования.

Королева ведьм, просто его королева. Она осмелится записать и издать любовные истории. А он - тот, кто оставит ее в веках.

Мастер и Елена были все время вдвоем, а Анна в то время осталась одна, в пустой и узкой комнате, похожей на гроб. Она думала о прошлой встрече. Ее волновал рассказ о прошлом. И она снова переживала его, престав перед Мастером.

Показать бы тебе, насмешнице,

И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей.

Она знала, что он не любит стихотворений и не любит поэтов. Ему просто нужно было услышать историю от той, которой было еще хуже, чем ему самому, узнать о том, что пережила и видела она в своем Питере. Ради этого он готов был даже слушать стихи. Но обижало и оскорбляло ее другое. Он посмел не видеть в ней женщину. Пусть она была намного старше, но разве от этого она перестала быть женщиной.

И тогда Анна вспомнила лицо той, которая была рядом с ним.
- Елена, - повторила она задумчиво.

Что она могла сказать о ней. Она мила и очаровательно и только. Она принесла ему не только радость (он был влюблен безоглядно) уж это чувство она могла отличить от всех остальных. Ей хотелось думать, что именно так все и будет. Хотя в ней говорила только обида и ревность. Такое уже было однажды в юности.

Поэт - Петербург. Но это совсем другая история.

На стене его гордый профиль

Кто он Демон и Мефистофель, а может быть Аид?

Очень болезненная история, боль не проходит до сих пор, хотя прошло почти 20 лет.

В памяти она хранила «Поэму без героя», даже не пытаясь ее записывать, как и все, что сочинялось в эти годы. Потому что ее строки могли стать смертным приговором для кого-то из ее близких. Она не могла так рисковать, вот и повторяла их все время, словно молитвы, да они и стали молитвами

№№№№№№№№№№№№

В те жуткие дни, так похожие на тьму Средневековья, Мастер чувствовал, что ему не поможет Христос, и тогда, как деятели эпохи Возрождения он стал обращаться к античным образам, там пытался искать спасения..

Помогут ли они на этот раз.

Конечно, сразу вспомнилась история о том, как Орфей отправился к Аиду, чтобы спасти душу своей возлюбленной и вывести ее на свет, что еще мог бы он вспомнить в те дни, когда смотрел в зеленоватые глаза Елены?

Так постепенно старая история для него и зазвучала на новый лад. И стала соединяться порванная связь времен.

ГЛАВА 12 АИД ВСЕ ЖДЕТ ОРФЕЯ

Когда-то в самом начале, когда Мастер смотрел на всех, кто владел тьмой в разные времена в разных мирах, ему хотелось написать историю о самом грозном из них о самом Аиде.

Это была бы странная история о том, как к нему должен был пожаловать за своей возлюбленной Орфей.

Любовь и смерть. Недоверие мужчины и вечное стремление спасти, и вечное желание вернуть, а на самом деле, желая многого, ведь он не способен даже на малое - просто вывести ее из этого кошмара.

Но тогда (он не помнил подробностей) это была какая-то странная история, она так отличалась оттого, что он слышал и читал прежде.

Станный Аид, странный Орфей. Она называлась:

АИД ВСЕ ЖДЕТ ОРФЕЯ

Темно и мрачно в подземном мире. Бесшумно мелькают души, чудовища бродят тут и там.

Когда Зевс пирует на небесах, а Посейдон путешествует по морям и с капитанами и мореходами отважными общается, что остается Аиду, которому по жребии досталась тьма и лабиринты сплошного мрака?

Как жесток бывает такой жребий даже для богов, но с этим надо смириться.

Аид с ним смирился с самого начала, только разве не хочется и ему приобщиться к высоте небес или шири морей, пообщаться и с отважными моряками, и героями, которые шагнут прямо туда, на пир богов. Но он слишком горд для того, чтобы звать кого-то из них. Они иногда приходят сами.

Что есть у Владыки Тьмы? Где-то стонут Титаны и поверженные боги-отцы. Они не могли их, пожиравших своих детей, оставить на земле, когда те были свергнуты с небес. Есть у него чудовища, так и не смирившиеся с их приходом. Они тоже оказались в бездне и не могут оттуда выбраться.

Правда, Аиду все-таки удалось у них, вероломных братьев, отвоевать Персефону - самую прекрасную из богинь. Но погруженная во тьму, она бледнеет и чахнет, и ждет того времени, когда можно будет вернуться на землю. И он отпускает ее туда с какой-то тяжелой радостью, зная, что она, верная долгу, в свой срок вернется назад, чтобы еще половину года провести во тьме в его объятиях.

Аид знает, давно убедился в том, что она любит его, но какой покорной кажется эта любовь, как она похожа на жалость, а разве это нужно могучему богу подземного мира?

Она все понимает, она очень хочет, чтобы все было иначе, но тьма неизменно окутывает души. И земному созданию, любящему солнце и свет, цветы и разноцветных бабочек, такому легкому и воздушному, трудно здесь удержаться. Персефона старается. Но порой ему тяжело сознавать, что та, которую он так любит, страдает больше всех в его кромешной тьме.

Когда он узнал о сладкоголосом певце, то решил с самого начала заполучить его к себе, ведь должно же быть у него что-то легкое и прекрасное. И он нашел способ как это сделать. Когда змея укусила его возлюбленную, и она, та, которую, как он уверял в своих песнях, любил так, что жизнь готов был отдать, он по разумению Аида, и по заверениям Афродиты, должен был появиться здесь и остаться рядом с ней. Тогда и они услышат музыку и его песни.

Персефона заступалась за Эвридику, и уверяла его, что она ни в чем не виновата, она не должна была шагнуть во тьму.

На самом деле она виновата была уже в том, что полюбила сладкоголосого певца, которого хотел заполучить в свой мир Аид, потому и ступила во тьму значительно раньше положенного срока..

Аид ждал Орфея. Сначала ему казалось, что он не придет вообще. Для горячо влюбленного, он слишком медлил. Потом все-таки появился, что само по себе не могло уже не раздражать Бога Тьмы. А когда он дерзнул просить не о том, чтобы остаться рядом с ней в его мире, ведь это так естественно для влюбленного, а о том, чтобы она, умершая, пошла назад вместе с ним, вот в тот момент и пришел в ярость Бог Тьмы. Первого испытания певец не выдержал, но он готов был дать ему еще один шанс.

И это любовь? Зачем тогда эти клятвы и эти песни.

Его гнева не поняла даже та, которая осталась с ним навсегда и знала его лучше всех - его Персефона.

Но он оставался богом Тьмы, а не злодеем, и потому предложил ему совсем не сложное испытание. Аиду хотелось убедиться в том, что Орфей любит эту бедную девочку хотя бы настолько, чтобы, шагая с ней рядом во тьме, не оглянуться. Он не может оскорбить недоверием Бога, а самое главное - его, который не собирался никого обманывать и всегда умел держать данное слово. Жаль, если Орфей этого так и не понял.

Если он исполнит условие, бог Тьмы готов был отпустить ее, хотя уже тогда знал, что он со всеми своими песнями ее вовсе не достоин.

Он внимательно следил за тем, как там все было, он видел, как шел впереди Гермес, этот красавчик, без усталости шагающий между мирами и делающий вид, что даже во тьме ему ничего не страшно, и он готов тут остаться. Интересно, как бы он запел, если бы Аид предложил ему здесь поселиться.

Но Богу Тьмы не нужен был Гермес, ему теперь даже Орфей не был нужен. И в глубине души Бог Тьмы хотел убедиться только в том, что он выведет ее на свет, что его песни хоть чего-то стоят, что они не пустой звук и набор красивых слов, которые могут обмануть простачков, но вовсе не грозных богов.

- Если он ее выведет, - повернулся Бог Тьмы к своей возлюбленной, но договорить не успел. По ее стону, по тому, как она закрыла лицо ладонями и заплакала, он понял, что там случилось.

Орфей оглянулся, он не мог не оглянуться, и легкая тень, которая так и останется вечной жертвой любви, исчезла и растворилась навсегда.

Когда Певец опомнился и стал снова рваться сюда, Аид хохотал. Он хохотал так громко, что сотрясались каменные своды, навсегда погруженные во тьму.

- Зачем? Что хотел он предпринять теперь, когда не исполнил даже самого простого условия? Как смеет он нарушать покой богов? – вопрошал Аид и никто не посмел ему ответить.

Даже Персефона его больше ни о чем не просила. Она понимала, что словно каменную глыбу, бога тьмы невозможно сдвинуть с места.

№№№№№

Когда перед ним снова возник Гермес, он думал, что этот наглец посмеет просить за Орфея. Всякое могло случиться, сладкозвучный певец мог его в чем-то убедить, заставить, хотя упрямству Гермеса мог бы позавидовать любой. Но он уже забыл об Орфее, даже раньше самого Грозного повелителя.

- Не знаю, что ты решишь, о, владыка Тьмы,- услышал он голос посланца,- но к тебе явились герои.

- Снова герои? Хорошо хоть не певцы. И кто же эти безумцы?

Аид и на самом деле даже догадаться не мог, кто они такие, и чего они хотят, если не стали бродить среди теней, отыскивая своих близких, а сразу направились к нему, может страх потеряли?

- Там Тезей, - тихо произнес Гермес, - имени второго я не разобрал.

- И что же хотят они, я не убивал их любимых, они это сделали сами, - размышлял Повелитель Тьмы.

- Не знаю точно, но насколько я мог понять из их разговора, они хотят получить твою жену.

Повелитель Тьмы медленно встал со своего каменного кресла.

- Мою жену, я тебя правильно понял? Веди их - это уже что-то интересное.

И в тот же миг Аид забыл о несчастном Орфее. Куда ему с его песнями и мольбами до этих молодцев. Он был даже благодарен Гермесу за то, что тот привел их, вот будет забава.

Тезей, сын Посейдона, пришел за женой самого Аида, его вдохновляло безумство храбрых, и в Аиде случаются порой такие странные приколы.

И пока они шли по огромному залу, ему, вглядывавшемуся в их лица, окутанные тьмой, показалось, что и здесь становилось немного светлее и веселее жить.

Они так наивны, что верят в то, что тот, у кого есть единственная любовь и единственное сокровище - отдаст ее им. Безумство храбрых безгранично.

Аид дождался своего часа, он готов был взглянуть на этих безумцев и пообщаться с ними.

№№№№№

Кажется, так заканчивалась эта странная история тогда, а потом, да что вообще было в этом мире потом. Он не знал, не ведал. Вроде бы это не имело никакого отношения к реальности, но разве не связано все в этом мире воедино, разве есть какая разница между прошлым, настоящим и грядущим. Люди все те же, и мало что могло измениться в этом мире с тех допотопных времен, они не лучше и не хуже, они вообще не могут меняться - все это только миф.

Мастер не может спасти свою Маргариту, в этом мире он вообще ничего не может сделать. И Орфей еще тогда доказал этот прискорбный и неоспоримый факт. Но как тяжело жить после подобного открытия.

Он это понял, когда узнал о своей неизлечимой болезни

ГЛАВА 13 АННА, ЕЛЕНА, МАРГАРИТА

Она вспомнила снова, как Мастер смотрел на нее.. Так Анну любил другой поэт. Он был расстроен в том же августе. Целая вечность прошла с того момента.

Все это было давно и казалось почти легендой. Совсем другое дело эти двое - Мастер и Елена. У них все совершается сейчас. Они должны быть спокойны и счастливы, в другом времени и в другом мире так и было бы. Для нее это уже невозможно. Он сумел поймать свою синюю птицу. Ей это никогда не удастся. Может быть, она расплачивается за то, что в прошлой жизни была юной и прекрасной женой художника королей, и была любима, счастлива и богата, понятия не имела о лишениях.

Если бы можно было снова вернуться в ту реальность.

Она хорошо понимала, что невозможно жить прошлым, но если нет ничего другого, что остается делать?

№№№№№№№№

Оставшись одна, Елена стояла неподвижно и долго смотрела в окно

Как медленно кружился снег над головой. Она понимала, что с того мгновения, когда они весной увидели друг друга вся ее жизнь была отдана Мастеру. Кто бы мог подумать, что спокойная и благоразумная женщина может так измениться вдруг? Но главное остаться с ним и сохранить его великолепный роман. Он читал ей все, что писал, иногда диктовал целые главы, а она записывала. Она переписывала отдельные главы несколько раз и знала, что он гениален. А еще он был обаятельнейшим и умнейшим из всех мужчин в этом мире. С ним так легко было жить рядом - это самое главное. Никогда прежде она не чувствовала что-то подобное, ни один мужчина не чувствовал в ней королеву, не относился к ней как к королеве, только Мастер.

Но если оглянуться на окружающий мир, Елена была здравомыслящим человеком, и понимала, что роман никогда не увидит свет. Люди никогда и ничего не узнают, и они не смогут его оценить. И тогда она пообещала себе, что расшибется в доску, но все сделает для того, чтобы он появился и сохранился в печатном виде, даже если ради этого придется отдать душу дьяволу, и тогда она от своего не отступится.

Она почему-то вспомнила знаменитую балерину, давно уже не бывшую его женой. А ведь она казалась одновременно и легкомысленной и расчетливой. Она не ревновала ее, потому что та Мастера так никогда не любила, это даже и сравнивать нельзя было. И когда он встретил ее, то сразу ощутил это. И она всегда знала, что у нее не было и не могло быть соперниц.

Сказал, что у меня соперниц нет,

Я для него не женщина земная.

- Это так и есть, без всякой иронии. У нее не было соперниц. Он - ее судьба и ее предназначение.. Она ушла, легко, как любая балерина, и незаметно, потому что умные женщины не вступают в сражение, которое невозможно выиграть. Хотя она не была и умна, но не вступила. На прощание она сказала что-то обидное (в тот момент они были одни). Она говорила что - то о том, что Елена не представляет, что ее ждет. Она может быть только котом Бегемотом при Мессире, на большее пусть не надеется.

Она не обиделась на соперницу, хотя вероятно должна была. Но не обиделась. Хотя Мастера с Воландом она никак не соотносила до сих пор, но тогда поняла, что это тоже одна из его масок. Иностранец, пришедший в этот мир, чтобы творить добро вопреки своим убеждениям, он здесь, с ней, и ей суждено стать ведьмой, ради того, чтобы быть с ним и помочь ему обрести себя самого.

Балерина недолго противилась. Она была светским человеком, и как только тот самый свет померк, и стустились тучи, она упорхнула искать кого-то еще, более успешного и яркого. Возможно, она даже рада была освободиться от обузы, от писателя, ставшего изгоем, положение которого становилось все более неопределенным и туманным. Ей нужен был кто-то совсем иного склада. Ведь он сам говорил о надвигающейся смертельной болезни.

Из намеков и обрывков разговоров Елена поняла, что происходило с ними что-то неладное. Когда балерина узнала, что он остается только подающим надежды литератором, не было предела ее разочарованию. Она не могла скрыть этого. Она обманулась в своих надеждах и больше не хотела терять время.

У нее была яркая интересная жизнь, другой она себе и не представляла. Если он не может сделать ее еще лучше и ярче, то она уходит. Она и на самом деле была благодарна своей сопернице за освобождение от креста, который не смогла бы унести.

Она не была героиней. И это не ее вина. Она не бледная тень героя, она не только муза художника, но и сама творец. Так ей удалось оправдаться в какой-то мере перед ним и перед собой и уйти с высоко поднятой головой в свободное плаванье.

Но ночью, когда она не вольна была рассуждать здраво, ей снился сон. Она видела Пилата и Ирода. И она была Саломеей, готовой за свой танец потребовать голову Мастера. После этого сновидения она ходила унылая и подавленная, но не долго. Даже если и так, а кто сказал, что это худший выход из всех возможных.

Она не хотела себя насиловать, не вольна была что-то менять. Она оставалась собой и гордилась этим.

Так не потому ли ему снился сон о Саломее накануне их встречи. Но Князь тьмы все знал и отвел его от края пропасти, только вот зачем он это сделал?

А как прекрасно все начиналось. И так горько и больно было обмануться в своих ожиданиях

Обида, страдания, ревность, - все это не шло ни в какое сравнение со свободой, которую подарила ей эта странная женщина, в жизни - ее соперница.

Елена сначала чувствовала свою вину перед ней. Но это чувство быстро улетучилось. Она сама ощутила себя игрушкой в ее изящных руках. Та просто делала только то, что хотела, если бы ей захотелось другого, то все было бы вовсе не так просто и легко осуществить.

Об этом же сказал и Мастер, когда они говорили о его бывшей жене.

Оказывается, он все прекрасно видел и чувствовал, да и как могло быть по-другому?

ГЛАВА 14 ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕНИЯ

Елена пыталась понять, умеет ли он угадывать ее мысли или это просто странное совпадение. Хотелось бы в это верить. Но она, вероятно, никогда не скажет о своих настоящих чувствах. И они оба без особого сожаления отпустили ее на свободу. И не задумывались больше ни о чем.

Мастер говорил о том, что он получил надежду, уверенность и покой, которых в жизни его не было никогда прежде. Она ни о чем не просила, всем была довольна. Елена стала для него всем, и в творчестве, и в жизнью тоже

Но если в их личной жизни постепенно все налаживалось, то внешняя атмосфера в стране, где они обитали, становилась все более зловещей, а часто и невыносимой. Ему и снился и виделся почти наяву Понтий Пилат. И он вел с ним нескончаемую беседу. И тот позволял увлекать его в невероятные дали. Но он не чувствовал себя тем, кого назвал в своем романе Иешуа.

Все это казалось чем-то отвлеченным и далеким для Мастера. Он чувствовал себя скорее Пилатом, ему предстояло принять важное решение о распятии, и распять бога в собственной душе. Как же трудно это было сделать для сына священника.

- Власть - слишком дорогое завоевание. От такого дара невозможно отказаться, - говорил он из шкуры сына короля звездочета.

Он почти верил в то, что времени не существует. Это только фантазия, случайность то, что они оказались в середине XX века. На самом деле они просто живут в этом мире, и времена могут меняться, забегать вперед и возвращаться назад. Сколько раз он видел себя на том самом балконе, когда необходимо принять главное решение - распять невинного или лишиться власти.

И снова склонялся Мастер над своей рукописью, уточняя и исправляя какие-то главы. И она становилась все более яркой и совершенной. Но глядя на этот мир, на окружавших его людей, он понимал, что ничего этого им не надо. Они так далеки от философии, и от жизни самой, что никто не откроет эту книгу, если она даже и будет издана когда-то, когда от него самого останется

только горстка праха. А потомки и вовсе не поймут чем он жил, о чем думал. Это несправедливо, но времена не выбирают, в них живут и умирают, и о справедливости не стоит мечтать.

У него есть это время, этот отрезок истории, и скоро он оборвется, никакого другого точно не будет.

С ужасом Мастер подумал о том, что его самого скорее будут с Иешуа, а не с Воландом сравнивать. Так сложилось все. Это и разочаровало, и пугало его очень сильно. Он вспомнил об Анне и о том, кто так беззаветно любил ее:

Но молчи и храни свое право

Самому выбирать свою смерть.

- говорил он удивленно, переиначивая строки того, кто погиб от ярости и пули пролетариев в далеком 21 ом году. Вот его - то уж точно никто и никогда не посмеет считать слабаком. Он сам всю жизнь играл только одну роль - роль героя. Только об этом он заботился, это его волновало и тревожило.

А с Мастером было по-другому. И тот, кто мыслил себя Пилатом, в реальности своей и в памяти останется Иешуа. Хотя совсем не хотелось ему этого. Ведь и тот первый, великолепный поэт, которого беззаветно любила Анна, и он тогда впереди революционеров видел его и написал: «И все-таки Христос»

Это так, он бунтарь, голодранец, он слабак. И потому с ним не хочется себя сравнивать. Но вопреки всему...

Она знала его тайну. Но знала Елена и другое. Вовсе не всегда творец делает то, что ему хочется, часто произведения и герои ведут его за собой и ему остается только двигаться за развитием сюжета и становится вдруг соавтором, прислушиваясь к героям и повороту сюжета.

А в самом романе, в его ткани всегда оставалась дьявольщина. И вопреки всему он считал себя повелителем Вселенной. И не было ему равных. Потому он так лихо и задорно улыбался, в тот миг, когда столкнулся с нею. Она, единственная в мире, знала его тайну. Они ощутили себя единым целым, и никто не сможет заставить их расстаться.

Он знал, что этот роман - дань ей за подвиг. Если он не будет опубликован, если о нем не узнают в мире - все напрасно. Он не мог принести ее в жертву беспамятности. Это было слишком несправедливо, и никак нельзя допустить.

Он знал, что давно бы уже смирился и забросил роман, но не сделал этого ради нее, потому что тогда она останется в небытии, не получит бессмертия, а это недопустимо. И он исправлял, дописывал, убирал наиболее вызывающие места, чтобы это можно было втиснуть хоть в какие-то рамки. Но и после этого ничто и никуда не втискивалось.

Мастер проснулся от нестерпимой жары. И понял, что в мире творится нечто более дикое и страшное, чем обычно, а ведь казалось, что хуже не может быть.

- Будет хуже, - отвечал ему кот Бегемот.

ГЛАВА 15 ХУЖЕ НЕКУДА? СОН О ЛЮЦИФЕРЕ

Всегда может быть еще хуже, особенно в этом мире и в это время.

Он увидел бесконечное пространство, то ли чистого поля, то ли бескрайнего неба. Линия горизонта была рядом. Какие-то люди шагали к нему навстречу.

Среди этих теней он различил двух поэтов. Тех, о ком Анна говорила накануне. Один из них был замучен, второй - расстрелян, они исчезли в этом аду, именуемом концом света. Оттуда они пристально взирали на того, кто выбрал не стихи, а прозу и решил остаться.

Они оба знали, что оставаться всегда труднее, чем уходить. Об ушедших останутся красивые легенды, их поведают миру и через 100 лет. И будут рассказывать, как Поэт командовал собственным расстрелом, как отверг всех и вся. Тогда Он воспользовался правом самому выбирать свою смерть.

Он и теперь бросал вызов и миру, и мастеру. И они появились оба, чтобы показать ему свое превосходство. А возможно, просто предупреждали, что и его час уже пробил, пора отправляться в путь, и стать вечным скитальцем в бесконечности миров.

Мастер вспомнил самые горькие минуты, когда пришлось говорить с тираном. Тому неожиданно понравилась пьеса «Дни Турбиных». Кто мог продумать о таком?

Диктатор казался таким добрым и великодушным, в это можно было даже поверить, если бы не реки крови, оставшиеся за его спиной по всей стране.

Мастеру показалось, что он может разубедить его, как-то влиять на его решения и действия - святая наивность. Разве не об этом мечтал в свое время учитель императора - поэт Жуковский. Но вероятно получалось такое только у Титанов Возрождения, да и то не всегда. И Леонардо, и Тициан, и Рубенс могли говорить с королями и папами, и те сами приходили в их мастерские, позировали, вели беседы, спрашивали советов.

Но он не живописец, и если тиран скорее похож на обычного палача, то иллюзии мгновенно рассыпаются в прах. Мастер должен был признать полную несостоятельность такого шага. И понятно, что он только убивает собственную душу. Если так будет продолжаться, то скоро от него совсем ничего не останется.

В ту ночь Мастеру снился странный сон. Он видел античного бога света, «Светозарного», этого титана называли Люцифером. И он совсем не было похож на того дьявола, о котором он прочитал столько книг в последнее время. Тогда кто же он такой – властелин тьмы или по-прежнему хранитель света? На этот вопрос еще только предстояло ответить, конечно, если у него хватит времени и сил.

Свиток о Хранителе света тоже внезапно появился в книжном шкафу, и Мастер перечитывал его много раз, помнил старинную историю, неведь кем сочиненную, почти наизусть.

А звучала она примерно так.

СОН О ЛЮЦИФЕРЕ

Сначала была тьма, но сама богиня ночи Никта породила первых носителей света. И после них в этот мир пришли титаны. Они были благородны и прекрасны, но не смогли защититься от младших, которых называли богами.

Титаны долго и упорно боролись за свое место под солнцем, но со временем уступили хитрым и напористым соперникам. Их это даже не расстраивало.

И ушли те, кто не противился на край света, и разбрелись они по миру дальнему и ближнему. Боги захватили власть над миром, и понимали они, что не обойтись им без предшественников своих, и старались привлечь их всеми правдами и неправдами на свою сторону.

Среди них был и титан Астрей, который любил звезды – эти таинственные и далекие светила. Это Он разбросал по небесам первые звезды, которые должны были как-то рассеять мрак на небесах.

Звезды и ветер - вот то, о чем заботился Астрей. Он трудился над созданием продуваемого и освещенного всеми ветрами мира. Он с радостью порождал тот свет, который и должен был принести людям радость и вдохновение. Таковы были и дети его - таинственные и прекрасные, которые появились на свет от любимой жены, богини утренней зари Эос.

Он был благодарен ей за те светлые и прекрасные чувства, которые она к нему испытывала в самом начале, и за детей, ею рожденных. Это потом Зевс превращал в звезды первых героев, но сначала порождал звезды титан Астрей. Когда Громовержец посмотрел на небеса и несколько увеличил их количество, самые главные из них давно уже сияли, они были так прекрасны и таинственны, что тот просто решил добавить немного и собственного света. И среди них любимым детищем титана была звезда, которую он называл Люцифер. Ему казалось, что свет ее был ярче, и расположена она была выше других, и так часто смотрел на нее Титан, что понял Люцифер со своей высоты, что с ним никто не сравнится. И уверенность эта со временем крепла в его душе. Он и не подозревал тогда, что все может измениться вдруг.

Сначала он радовался миру, который ему подарили родители, и светил для них так, что готов был раствориться от усердия.

Но когда заметил, что они, как должное принимают дивный свет, то стало ему немного грустно, печально даже. Что же это значит. Только в первый момент

и замечают, и восхищаются, а потом появляются другие звезды, и отношение становится другим? Он так привык к всеобщему вниманию, что никак не хотел мириться с равнодушием.

Заметил он, что и на земле стали происходить какие-то перемены, и в небесах, его сиятельная матушка, все чаще куда-то исчезала, и ее долго не могли нигде найти. Отец старался делать вид, что ничего страшного не происходит, но он уже знал, что она украла для себя какого-то смертного, и радуется тому, что его век так короток, и она может скрасить его грустную жизнь.

- Я вернусь к мужу, ведь он бессмертен, а этот несчастный - совсем другое дело, - говорила она.

Этого не мог понять Люцифер, но Эос не нуждалась в их понимании, она делала то, что ей хотелось.

Так Люцифер впервые узнал, что такое предательство, и мать родная своей легкомысленной беззаботностью пояснила ему, как это бывает в жизни.

Но это оказалось такой мелочью в сравнении с тем, что началось на земле потом, когда боги вылезли из утробы Кроноса и стали воевать с целым миром.

Впервые Люцифер пожалел о том, что он не стал вмешиваться, не тронул младенца Зевса, когда того прятали от прозорливого отца. Может быть, от него и стоило избавиться, но ведь они не остановились, они так или иначе расправились со всеми его братьями-титанами. Он едва отыскал Атланта, он взирал на страшные муки Прометея, и даже заглянул в бездну, где томились те, кто не собирался так просто покоряться. Какой плачевной оказалась их участь. И после жуткого этого путешествия, Люцифер понял, что никогда больше он не будет счастливым и беззаботным.

Так в душе Светоносного появилась сначала печаль, а потом и ярость. Он видел, как носился по миру задорный Посейдон, то корабли топил, то ветры захватывал в свои объятия. Очень редко он видел вторжение в этот мир из своего подземного царства мрачного Аида. И уже готов был поддержать Деметру, после того, когда тот осмелился похитить Персефону, но его вмешательства не потребовалось, они как-то договорились, и все убедились, что дочь Зевса его

любит. Вот этого Люцифер никак не мог понять, но он уже давно многого не понимал.

Последняя его надежда была связана со смертным Одиссеем, которому удалось немало сделать, и даже Трои, из которой был последний возлюбленный его матушки, разрушить. Но когда тот стал бессмысленно скитаться по миру, а потом на острове волшебницы застрял, понял Люцифер, что ни на кого из богов и смертных он надеяться никак не может.

Свет его был таким же ярким и таинственным, как в былые времена, он еще дарил вдохновение поэтам и художникам, но не было в нем того тепла, появились холод и одиночество.

Если тогда это кто-то и заметил, так это был повелитель муз Красавец Аполлон, который тогда вознесся на свой Олимп, и никто даже не догадывался, как мало этот юноша значил без Люцифера. Сам он о том знал, потому и всполошился.

Ему не нравилась грустная музыка, печальные песни, которые стали распевать его творцы, прославлявшие одиночество, ведь это бросало тень и на него самого, и в новом свете показывало все его недостатки и просчеты.

Тогда, поздно вечером, когда разбежались все его музы, и обратил он взор с Олимпа к Люциферу. Но тон беседы не мог понравиться лучезарному Титану:

- Что там с тобой происходит, ты дурно на моих муз и их подопечных влияешь, мне не нравится все, что они в последнее время творят.

- А разве я что-то тебе должен, мы ни о чем не договаривались, - отрезал Люцифер.

Аполлон слишком поздно понял, что разговаривает он не с Паном, который все вытерпит, а с богом света, но и остановиться в своей заносчивости он уже никак не мог.

- Ты создан был для того, чтобы мир освещать, и не стоит забываться, займись делом.

- А ты создан был не для того, чтобы плодами чужих трудов пользоваться, тебе вообще никакого света не надо бы давать, - отрезал Люцифер.

Они, вероятно, наговорили бы друг другу немало гадостей, и неизвестно чем бы вообще все это закончилось, если бы Пан не встал между ними.

Смешно и грустно было видеть добродушное чудовище там, где Аполлон ссорился с самим Люцифером, и это после того, как они с Паном музыкальное соревнование устроили. Но Пан потерял страх, а может, никогда не имел его, потому он и появился снова, рискуя собственной шкурой, но из всего делал забаву – весельчак этакий.

- Оставь его, - обратился он к Аполлону, зла на которого не держал никогда, - он и без того много для нас делает, и мы должны быть ему благодарны.

И взглянув на бесстрашного Пана, он отошел в сторону, решив, что поддаст ему хорошенько, когда Люцифер исчезнет с его глаз, чтобы у того не нашлось свидетелей и защитников вдруг. Но чувствовал Люцифер, что пыл его ослаб, остановил его Пан вовремя, и если благодарить не станет, то и ругать не за что.

Но в тот момент они еще не ведали, что после этого разговора изменилась расстановка сил. Все дальше уходил Люцифер от тех, кто считался носителями света - его порождением, и все ближе подходил он к тем, кто все время оставался во тьме, да и сам был неприятным созданием.

С грустью думал он о том, что красота, внешний блеск и даже таланты еще ничего не значат. Если холодна и пуста душа, если ты стремишься к вершинам Олимпа, забывая о каких-то более мелких, но более важных вещах, которые никак не были названы пока, но от этого они не перестали в мире существовать.

Люцифер в те дни понял, что ему не хочется сиять, выкладывая всю свою душу для того, чтобы такие как Аполлон только отражали его свет и при этом надувались от собственной значимости.

В замешательстве был и Аполлон, когда он мог рассуждать здраво, то сразу же поспешил к Артемиде, и не сомневался в том, что она слышала обо всем, что происходило между Олимпом и небесами.

- Что это на тебя нашло, Братец, ты все еще не усвоил, что Титанов обижать не стоит, даже прикованного Прометея, не говоря уж о Люцифере, хранящем свет, которым ты бессовестно пользуешься.

Аполлон ждал поддержки от сестры, а она набросилась на него с упреками, и тогда он брякнул первое, что пришло на ум.

- Это твой Пан меня так разозлил, что я уже не знал, на ком и зло срывать.

- Если бы Пана там не оказалось, ты бы вообще свет и покой потерял, скажи спасибо, что он там был и Люциферу, кстати понравился.

- Ему только этого не надо.

- И тут ты его с собой путаешь. Не надо ему этого, он тебя спасать бросился, хотя даже я его о том не просила, - подчеркнула она.- А тебе нужно быть осторожным с Люцифером, если произойдет еще одна стычка, и он покинет нас, то от тебя почти ничего не останется.

Если бы у Аполлона была в руках молния, то он бы метнул ее в Артемиду, Пана и всех, кто поблизости находился, хорошо, что руки его в тот момент были пусты.

И хотя Люцифера не было на небосклоне, но он видел и слышал. И понимал, что этот мир нравится ему все меньше. И какой уж тут свет, когда становится понятно, что чем меньше светишь, чем темнее будет, тем лучше и спокойнее для тебя самого.

Он хватался за последнюю соломинку, чтобы как-то переменить свое мрачное настроение, но плохо это у него получалось.

№№№№№

Еще какое-то время по привычке светил для них Люцифер. Но теперь и Аполлон все реже к нему свой взор обращал, а уж когда непонятно как оказалась на небесах Кассиопея, та самая гордая царица, которая чуть свою дочь не уничтожила, похваляясь перед Посейдоном, что она краше всех будет, тогда совсем не стало житья на небесах Люциферу.

Правда, к тому времени все уже установилось, и он видел, как по приказу Зевса был освобожден Прометей. Но это для Люцифера и стало последней каплей, переполнившей чашу его гнева.

Прометей вернулся назад и оставался помощником своего палача, словно и не переживал всех тех страданий, которые с ним приключились. Это казалось невероятным, и Светоносный понял, что никогда ни у кого, ни о чем не будет просить, а уж у Зевса в последнюю очередь.

- Да лучше пусть исчезнет свет совсем, лучше пусть эти боги остаются в полной тьме, чем я с ними рядом встану.

Говорил он это Пану, который слушал его молча. Он мучительно старался понять, что им делать, как быть, чтобы не лишились они света. Все время он готов был спасти этот мир, и даже упрянца Аполлона, который лично ему был не приятен, но это не меняло сути дело.

Не в силах ничего придумать, Пан бросился к Артемиде и рассказал ей о последнем разговоре с Люцифером. Она сама не решилась к нему обратиться, а бросилась к своей матери, ведь Лето тоже была Титанидой, и если уж он кого-то послушается, то именно ее.

Лето не разделяла уверенности дочери, но к Люциферу все-таки обратила свой взор, как только он появился на небесах.

- Не лишай их света, они глупы и безрассудны, они ничего не понимают, но нуждаются в тебе.

Усмехнулся Сияющий:

- А ты, отчего так добра к ним, что-то мне это не понятно, или забыла, как гнала тебя Гера по всему миру, и не рвался твой возлюбленный за тебя заступаться.

Сколько не пыталась уговорить и сдержать его Лето, ничего у нее не получалось. Она могла успокоить себя только тем, что она пыталась это сделать, но у нее ничего не вышло.

И разозлился еще больше Люцифер, он никак не мог понять, как и почему защищают тех, кто принес им столько бед, унижений, несчастий. И тогда в запале и бросил он отцу своему Астрею:

- И не говори ни о чем, не проси меня, да лучше я в подземный мир подамся, говорят Аид из всех братьев Олимпийцев хоть и темен, но приятнее остальных.

- И там посветить не мешало бы, тем более что там ты будешь один, а здесь и без тебя света хватит.

Отец бросал ему вызов, а ведь прежде он был добр и терпим, и хотя минуту назад еще не думал Люцифер о подземном мире, но теперь уже точно знал, что туда он и отправится, особенно если там получит желанное одиночество.

В ту же самую ночь исчез с небосклона Люцифер. Замер от ужаса Аполлон, поняла Артемида, что все их усилия были напрасными. Затосковал Пан, ведь ему так нравилось беседовать с Хранителем света в темные ночи, когда другие звезды не решались появляться на небесах. И стали они гадать, вернется ли он оттуда, появится ли, и, вспоминая о его гордости, понимали, что не вернется он из тьмы, как бы там плохо и одиноко ему не было (а почему одиночество, это обязательно плохо), он не придет к ним, и никого ни о чем просить не станет.

Для Аполлона наступили мрачные времена, зато в подземном мире больше не было той крошечной тьмы, то там, то тут появлялся ослепительный свет.

Помня об ошибках тех, кто был с ним на земле, Аид и Персефона были приветливы и ласковы. Они не уставали повторять, как он необходим им, как все переменилось с его появлением. А уж когда богиня ночи Никта устроила шумный праздник в честь него, то понял Хранитель Света, что это и есть то самое место, которое ему необходимо было отыскать в мире.

Злые языки придумали сказку о его падении, о его первенстве в подземном мире. Первым, кто готов был о том рассказывать, оказался, конечно, Аполлон, да и как история Люцифера без него могла обойтись? Но что им оставалось делать, если они навсегда потеряли то, что имели, и хорошо понимали, что никогда им Люцифера назад не вернуть.

Можно говорить что угодно в собственное оправдание, но Светоносный без них спокойно обходился там, а вот им было очень плохо без того света, который он им еще недавно так щедро дарил.

№№№№№№№№

Если он был там богом света, то как же здесь мог стать он Повелителем тьмы, что такое произошло тогда в этом мире, что происходило потом, чтобы такое вдруг случилось?

Мастер понимал, что многое еще остается укрытым мраком тайны, он должен был как-то и что-то осмыслить и понять, и для этого у него были веские причины, ему казалось, что если он приблизится к разгадке, тогда можно будет хоть что-то в этом мире изменить. Мире, который уже провалился в бездну, в тот лабиринт, из которого никак не выбраться. Они зашли слишком далеко. Ни от бога, ни от дьявола больше не будет никакого спасения, как бы они не стремились с их помощью спастись.

ГЛАВА 16 МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ.

Елена Сергеевна незаметно появилась на пороге комнаты, он попросил ее распахнуть окно.

- Я видел их, - говорил он, - они были здесь, они никогда не поймут эту адскую боль. Легко быть молодым и сильным, а если ты смертельно болен и немощен.

Он оглянулся вокруг, а потом отвернулся к стене.

- Но ты не можешь оставить меня и свой роман, - услышал он голос Елены.

И он понимал, что именно потому еще и жив, что не может ее и роман оставить.

Какой прекрасной, какой восхитительной была эта женщина. Но может ли он так коверкать ее судьбу. Как мучительно больно было принимать такое решение.

Но Мастер верил, что они обречены быть вместе. Он знал, что ни в этой жизни, ни в какой другой никогда с ней не расстанется.

Огромная и черная тень нависла над постелью его, и где бы он ни появлялся, чем бы ни занимался, она все время была рядом и следовала за ним. Но откуда в этом плешивом карлике такая невероятная сила, откуда взялся этот Черномор проклятый, и почему они совпали во времени и пространстве. Как ничтожны и неказисты теперь Пилаты, об Афраниях и говорить нечего.

Да и не Пилат это, а только Абадонна, во всей его мертвящей дикости. Так что же такое происходит в мире, если все здесь подчиняется такому ничтожеству.

Мастер встал и медленно подошел к окну.

И в тот момент, когда он неподвижно стоял в черном провале окна, из-за туч неуклюже выползла луна.

И он понял, что воспоминания о Пилате не обманули его. Это вечный страдалец заставил его пробудиться среди ночи. Он должен был дотянуть до XX века. Он останется с ним до конца.

Он услышал голос Елены в соседней комнате, но ничего ей не ответил. Его душа устремилась на лунную дорожку, туда в бесконечное, звездное небо. Он шел навстречу своему кумиру, чтобы поговорить с ним о вечном, оторвавшись в полете своем от серой невзрачной реальности.

Он знал, что там встретит того другого вечного его спутника, к которому и приблизиться страшно, хотя почему страшно?

Бояться он должен палача и жертву в одном лице, а не спасителя.

Но кто сказал, что он спаситель? Если взоры его все время в другую сторону направлены. Все перепуталось в этом мире в первой половине XX века. Он так далеко ушел от него в это время, его окружали совсем иные тени. И самое страшное, что нет возможности вернуться назад. А Понтий Пилат - он из тех, кто если не ближе, то понятнее. О нем было столько всего сказано, столько раз он вел беседу с ним. Он просто стал частью души Мастера.

А разве не отдали они себя в руки тех, кто был в десять раз хуже, чем он сам.

Этого ли хотел тогда Иешуа, страдая из-за других, а кто вообще может знать, чего он мог хотеть, самому ему было хоть что-то известно и понятно? Вот и получилось то, что получилось. Ничего не могут и не хотят они менять в этой жизни.

В мученичестве есть своя прелесть. Жаль только, что жизнь у человека одна, и она слишком коротка, чтобы так бездумно и бездарно тратить ее.

Мастер вспомнил 21 год. Август. Страшные слухи о гибели сразу двух поэтов в Петербурге. Они были первыми, и соперничество, казалось тогда бесконечным, а как быстро все завершилось, глазом моргнуть не успели.

Но он никогда не любил поэтов, даже первых. Особенно первых. Но факт этой расправы потряс его до глубины души. Что можно творить с остальными, если с ними так расправились эти Пилаты и их Афрании?

А потом пришло известие о том, что и третий из них где-то затерялся в лагерях. Маленький, не от мира сего гений. Так он говорил сам, так считала Анна. Он чувствовал себя свободным, и считал, что может говорить все, что вздумается. Теперь на небесах он и на самом деле может говорить все. Только не видно и не слышно его оттуда.

Доносчик найдется всегда и везде. А как просто было свести его с ума в тех застенках - смешно даже представить себе такое.

Господину Мольеру, общавшемуся с благородными королями и страдавшему от их произвола, подобное и в жутком сне присниться не могло, а им кажется почти нормой жизни.

Анна ворвалась к нему в один из таких вечеров и подтвердила с ироничной улыбкой самые чудовищные слухи о том, что тогда с ним происходило.

- Бог любит троицу, но в этом мире больше не осталось настоящих поэтов, только их покорные рабы.

Но почему она улыбалась. Это особенно потрясло Мастера. Если бы плакала, молчала, кричала, тогда все понятно, а она улыбалась. Неужели волна безумия охватила и ее душу, кто же тогда останется, когда он уйдет?

Мастер подумал о том, что без поэтов они, конечно, смогут обойтись, что могут изменить их стихотворения. Но по какому праву они так над людьми глумятся, во что превратился этот мир, почему его невозможно узнать, понять, принять?

№№№№№№№№№№№№

Елена слышала все, что говорила Анна, слышала и запомнила каждое слово. Вольно или невольно они становились заговорщиками. Она знала, что один из поэтов был ее мужем, второй вечным возлюбленным. Но как у нее хватало сил хоронить самых близких людей, и при этом не сойти с ума, ходить, что-то делать, за кого-то просить, даже писать стихотворения? А может только деятельность и позволяет не сойти с ума?

Эта женщина больна,

Эта женщина одна

Муж в могиле, сын в тюрьме,

Помолитесь обо мне.

Мастер не обратил внимания на эти строки, произнесенные скороговоркой, а она запомнила их сразу, хотя память у нее была и не особенно хорошей в последнее время, после всего пережитого Елена многое старалась забыть еще до того, когда услышит и осмыслит.

Но разве не она разговаривала с Богом или с Дьяволом, разница не так велика, как кажется, когда записала черным по белому:

- Отыми и ребенка, и друга,

И божественный песенный дар

Нет, у нее не так, но он не помнил как именно, он вообще безбожно перевирали стихи, которых никогда не запоминал. Но что-то подобное в юности

своей она все-таки написала, теперь за это и расплачивается всю оставшуюся жизнь.

- Им страшны поэты? Какая глупость, они просто уничтожают всех подряд, философов и прозаиков у нас вообще вроде и нет давно, а этих просто так много развелось, наших певчих птиц, вот охота и продолжается.

Они больше никогда вслух не говорили о том вечере. Слово это был только жуткий сон, о котором следовало забыть как можно скорее.

- Они не трогают меня, обходят стороной, - говорил Мастер сердито, думая о чем-то своем.

- Но они и ее не трогают, - напомнила ему Елена.

Она хорошо понимала, о чем он в те минуты думал.

Каким алым был этот закат. И каким мрачным и отрешенным казалось его лицо.

- У них есть ее сын. Этого больше, чем достаточно. Пока он в тюрьме, они могут делать с ней, что вздумается.

Он неожиданно снова заговорил об Анне, хотя ей казалось, что давно о том позабыл.

- Я им просто не нужен, шут гороховый, сумевший угодить Тирану. А кто им сказал, что «Дни Турбиных» - это о них. Как легко и просто они все извращают, даже глазом моргнуть не успеешь, а все перевернуто с ног на голову. Елена подошла сзади, обняла его шею, прижавшись к креслу, где он сидел, и поцеловала в висок.

Он смотрел во тьму, в глубину старинного зеркала так долго, что казалось со стороны, что это само зеркало уже смотрит в него. Но ни одного слова не прозвучало больше в тот странный вечер. Каким суровым, мрачным и чужим он ей показался.

Мастер не любил стихотворений, но откуда звучали эти строки?

Нас трое в заброшенном доме осталось,
И ночь нависала, как плащ чародея,
И где-то звезда в полумраке металась,

И пламя в печи загорелось яснее.

О чем говорили, не помню, не знаю,
Мы в сказочный мир открывали дорогу,
И там, в зазеркалье старуха седая,
Смотрела на эту пирушку нестрога.

А рыжий шутил, но о чем, непонятно,
Он зеркала суть нам хотел передать,
Но мрак был зловещим, и звезды, как пятна,
На черном плаще проступали опять.

И словно бы время имело значение,
И слово казалось, чарует внезапно,
И только у зеркала больше прозренья -
Ответа не ждем, я нема и азартна.

Огонь синеватый, его откровенья,
Мое пониманье, романа начала,
Но что это снова? Мираж и прозренья -
Нас трое в заброшенном доме. Звучала

Минорная, знаю «Баллада» Шопена.
Да только закончили пир мы в мажоре.
Рассвет, он врывается в жизнь постепенно,
На радость на нашу, кому - то на горе.

И белая стая, небесная стража,
Нам свет возвращает легко, беззаботно.
Дожили, допели, и что еще надо?
Огонь отразится в пенсне у Фагота...

ГЛАВА 17 ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ. ЕЛЕНА

Как же давно все это было, еще до войны, год 1939 вероятно только наступил.

Елена Сергеевна перелистывала рукопись, сравнивала одни варианты с другими, первые правки с последними.

Как удивительно в последних вариантах отличалась от прежней Маргарита. Ведьма становилась все великолепнее, и она не могла не узнать себя в этом дивном создании.

Елена Сергеевна могла теперь гордиться тем, что они прошли этот путь вместе, она до конца оставалась рядом с Мастером. Хотя кто может знать, чего это ей стоило. Она смела надеяться, да что там, она точно знала, как и что было в те печальные дни, как все рождалось и писалось.

Он увековечил ее навсегда, подарил Бессмертие, как и Рубенс своей Елене, конечно, если роман увидит свет. Такой дерзкой и отчаянной она и останется в вечности. Разве ради этого не стоило все оставить и пройти этот путь от начала до конца.

Мастер всегда верил в то, что добра и зла в мире этом будет поровну. И когда он дожил до нее, а они вместе дотянулись до любви - тогда и навалилась, как дикий зверь, неизлечимая и страшная болезнь, о которой, вот еще ирония судьбы, он знал все, как блестящий медик.

Как страшны были эти знания, и насколько проще и легче было бы пребывать в неведении и надеяться на чудо, на мгновенное исцеление. Но диагнозы он, в отличие от коллег своих, ставил безошибочно. Да и она не представляла себе, как страшно было заглянуть в глаза этой безобразной старухи, или прекрасной дамы. Но от этого она становится еще безжалостнее и страшнее. И кто сказал, что красота спасет мир - она может только разрушить и окончательно погубить его. Ее Мастер знал о том лучше всех остальных.

Елена взглянула на себя в то самое старинное зеркало, и ужаснулась. Какой же старой и безобразной она стала за эти годы, где Азazelло, где взять его крем, чтобы хотя бы на несколько часов ощутить себя той Маргаритой. Ведь молодой и неотразимый, он там ее не узнает, и просто пройдет мимо этой жалкой старухи. Этого никак нельзя пережить. У нее не хватало сил и дыхания для того, чтобы смириться с неизбежным.

Какой жуткой казалась тогда реальность. Его достал не тиран, а те, кто дергали за ниточки самого тирана. Сам Дьявол играл их судьбами. Спокойнее или тревожнее стало на душе у него после такой догадки.

Какое-то время ему удавалось скрывать от Елены диагноз. Но длилось это не очень долго. Мастер чувствовал себя в те дни страшным обманщиком. И знал,

что должен признаться во всем. У него не было другого выхода. Но пусть это случится не сегодня. Так каждое утро он откладывал признание.

Но однажды не выдержал и обо всем подробно поведал ей. Он не хотел больше возвращаться к этому. Это казалось невыносимым. Потому говорил сразу все, и смотрел в провал старинного зеркала, словно там хотел укрыться от нее и от мира. В ее глаза до самого вечера тогда взглянуть он не отважился. А она боялась, что он заметит отчаяние и ужас, и содрогалась каждый раз, когда слышала его голос. Но надо было собраться и жить дальше. Только как жить после такого известия. Пол качался под ногами, она была уверена, что началось землетрясение, потолок наплывал снова, и снова пол уходил у нее из-под ног.

Но когда она решилась на него взглянуть, то улыбнулась.

Сначала ему показалось, что она по-прежнему ничего не знала, просто не услышала его тогда. Потом он подумал, что она не поверила его словам, а позднее понял, что самообладанию ее может позавидовать любой. Только по слегка дрожащей руке, когда она гладила его волосы, он ощутил, что она чувствует в эти минуты.

Сколько лет прошло с того дня, они пережили войну и разруху послевоенного лихолетья.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что она пережила в те часы и дни, когда узнала, что дни его сочтены.

Даже теперь, как только начинала думать о самом страшном ударе в жизни, она вспоминала строки Анны, написанные уже после его ухода, но они так ярко освещают те дни и те ночи, когда он был еще жив, но уже прощался с ней и с этим миром.

Елена Сергеевна забыла многое, но их помнила всегда, хотя не забывала и о том, что Мастер не любил поэтов. Но она смогла выразить в слове все, о чем они думали, что они чувствовали и переживали.

Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, -
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

ГЛАВА 18 ПОСЛЕДНИЕ ДНИ И НОЧИ

Пока Мастер рассказывал и объяснял все, она не произнесла ни звука.. Она никому ничего не говорила и потом, этот обет молчания длился до последней минуты. И все-таки те, кто бывали у них, как-то догадывались о том, что происходит. Он очень переменился, хотя шутил так же легко и непринужденно, это только и осталось в его беспредельной власти.

Анна сама обо всем догадалась, когда заглянула к ним.

Как будто бы вчера со мною говорил,

Скрывая дрожь предсмертной боли.

Она знала, что такое - смертельный диагноз, ей его ставили в юности, когда легкие оказались больными. Но потом все прошло вроде, хотя возможно, это наказанием, а не спасением для нее оказалось. И чудо перестало быть чудом, а стало только вечной мукой.

А Елена ничего, держалась. Но как можно смотреть на то, как умирает единственный и любимый человек, в котором заключена вся твоя жизнь. Он не знал этого, не пережил, она пережила.

Она тайком заглядывала во все магические книги, которые он читал, работая над романом. Тогда он и понял, какова будет ее роль в его главном романе.

Ведьма, она стала ведьмой от горя и страданий, на нее свалившихся.

Анна заметила на столе одну из таких книг, тех самых, которые не горят. Она удивленно подняла брови. Она обращалась только к богу и не переносила другого вмешательства. Но на этот раз она чувствовала, что Елена сильнее, и она больше сможет с тем, другим, которого не стоило даже называть по имени.

Но сама она не смогла бы решиться на такое. Потому он никогда не смог бы ее полюбить. Что за ирония судьбы, внуку священника не нужна была монахиня, ему нужна была ведьма, настоящая ведьма.

Она никогда не станет ведьмой, останется отверженной для Мастера. И это Анна прочла в его глазах.

Образ Аннушки, уже разлившей масло, откуда он, не хотелось думать, что это как-то связано с ней, наверное, с другой, но почему он взял ее имя?

Нет, не может быть, это только пустые подозрения, но Аннушка уже разлила масло.

Фраза, врезавшись в память, уже не хотела забываться, что за чертовщина такая.

Анна оглянулась и поспешно перекрестилась.

№№№№№№№№

В тот день Елена на Арбате столкнулась с бывшим мужем. Он был непроницаем, больше волновался бы при внезапной встрече сосед по площадке, но не этот человек, отец ее сыновей.

Но ради себя самого, он должен был сказать что-то. Но нет. Едва заметный кивок в ее сторону и только.

- Ты можешь вернуться в любое время, - услышала она его голос рядом, и не поняла даже, на самом ли деле он произносил эти слова или ей только показалось. Но что значит вернуться, о чем он вообще говорит? Она едва сдерживалась, чтобы не нагубить, и все-таки смогла.

- Нет, дорогой, прости меня, но я не вернусь в любом случае.

Она и сама не ожидала, что скажет это, улыбнулась немного растерянно, словно речь шла о чем-то незначительном, и никакой роли в ее жизни не игравшем, и быстро пошла прочь.

Елена не сказала Мастеру об этой встрече. Но, вернувшись домой, она достала машинку и рукописи. Она понимала - что в ее жизни это самое главное. Она готовила новый вариант романа, вспомнив, как он уничтожал все, что ему не нравилось, что казалось не так совершенно, как задумывалось. И потом собирала и тихо прятала подальше изорванные тетради.

Мастер ведал о том, что делает Елена в те часы, когда он спит или притворяется спящим.

- Пусть потешится, если это так важно для нее, - благосклонно позволял он ей возиться со всем этим, - но будет жаль, если ее труды и жертвы окажутся напрасными, станут только пустой забавой.

Вечером он перечитывал одну из глав романа, когда собрались несколько близких (кого в это время можно назвать близкими) людей.

Втайне он тешил себя надеждой, что когда-нибудь, те, кто еще выживут во всем этом, они вспомнят и об этом вечере. А когда спросят о нем, то расскажут, то, что еще смогут вспомнить, даже если безбожно все перепутают, соврут, это не так страшно, как молчание и забвение. А он вернется к ним, если вспомнят, только в этом случае он сможет вернуться, и тогда не позволит им лгать и фантазировать.

От этих мыслей стало приятнее и теплее на душе.

Елена еще оставалась где-то за стеной с гостями, когда он ушел в другую комнату и поставил себе укол. Боль становилась невыносимой, и он вовсе не хотел, чтобы они видели его таким. Это не для посторонних глаз.

Он посидел неподвижно, и с великой радостью ощутил, что боль стала отступать, растворяться во тьме, помедлила еще немного и улетела в распахнутое окно. Он мог перевести дыхание и вернуться к ним на пару часов. Нехорошо там ее одну оставлять.

И в эту минуту ему снова хотелось пожить еще немного, даже в этом страшном мире, ведь, в сущности, он был молод, с ним рядом оставалась любимая женщина.

Ему не исполнилось еще и 50 лет, какая досада. И вероятно уже не исполнится никогда. Ну, по крайней мере, в этой жизни точно.

Гости в комнате что-то обсуждали, шутили, но голоса их тонули во мраке. Боль почти улетучилась, но он помнил о ней, потому и не мог отрешиться совсем, и отключился от реальности. Она ушла, но она вернется, обязательно вернется в назначенный час, он только заглушил, но не убил ее, он не сможет с ней расправиться.

Мастер заметил, как о чем-то его спрашивали, но не мог понять смысла произнесенных слов. Что это? И только Елена подошла и встала рядом.

Как часто его стало подводить изъеденное болезнью тело. О нем он знал больше, чем все здесь собравшиеся, но знания только умножили печали.

Черт в знаменитом романе у гения больше всего хотел воплотиться и ощутить все, что мы называем жизнью - чувства, радость, страдания. Воплотиться желал, хоть в старую толстую купчиху. Мастер с радостью бы поменялся с ним местами, чтобы ничего не чувствовать.

Поменяться местами с чертом: Коровьев, Азazelло, Бегемот, кого прикажете выбрать, Мастер. Ему показалось, что все они приблизились к нему и предлагали наперебой свои тела. И только Абадонна стоял в стороне и ни о чем не говорил, уверенный, что с ним меняться он не захочет. Да тягостна и страшна его роль в этом мире, как и в любом ином. Никому никогда не захочется

оказаться на его месте, стать Ангелом смерти, нести ее, дарить тем, кто отмечен на этот час в Книге Судеб. Но виноват будет только он один, ведь во все времена убивали Вестника и забывали об истинных виновниках.

И в тот момент в проеме окна, где совсем не было звезд, он увидел Афрания, начальника тайной полиции при прокураторе. Тот стоял, заполнив мощным телом все пространство так, что больше не было видно черного неба и звезд.

И засуетились бесы вокруг - они тоже его увидели. Он пришел за ним на этот раз. Афрания - это точно знак беды. Он будет страшнее Абадонны.

А потом Мастер перевел дыхание и усмехнулся облегченно, он знал, что на этом свете ему никакой Афрания не страшен. Он просто не успеет за ним прийти, и потом будет досадовать на то, что арестованный умер, когда начальник тайной полиции был еще в дороге.

И Пилат должен знать о том, что забирать надо здоровых, чтобы они хоть немного еще пожили в их объятиях, а не помирали сразу, не испускали дух еще до их вторжения

Надо будет переписать главу, где пытаются арестовать ни в чем не повинного кота, а тот устроил стрельбу. Теперь он понимал, как она должна быть написана, чтобы врезалась в память навсегда.

И в тот миг, когда он это понял, и бесы и призраки исчезли, остались только люди. Хотя были ли они реальны, не те ли самые это бесы и призраки, которые почему-то воплотились, обрели свои тела, взяли в руки револьверы, но рядом с этими, его герои кажутся если не ангелами, это, пожалуй, перебор, то забавными шутами, кого же могут они испугать.

Уж точно не тех, кто видел настоящих бесов.

№№№№№

Гости, наконец, разошлись, он сел к столу, пока еще не было нового приступа, попросил Елену принести альбом Рубенса.

Она удивилась и ничего не сказала.

- Пауль Питер Рубенс, король художников, художник королей.

Тайно, а порой и явно он жил в душе Мастера. И волновали и тревожили даже не столько его полотна - это немного иной стиль, но оставалась надежда на то, что художник может быть успешным, богатым, и счастливым, он может путешествовать и разговаривать с королями на равных. Именно он доказал это всему миру и оставил надежду в душах остальных Мастеров.

Вероятно, это значительно труднее, чем быть нищим, несчастным и убогим, но где все те гении, а к нему Мастер снова и снова возвращался в самые тяжкие часы и минуты реальности своей.

Дипломат, занимавшийся живописью, живописец, увлекавшийся дипломатией - королевский художник, король художников - какие понятия, какие эпитеты были органичны для Рубенса.

И совсем молодой человек, улыбаясь, взирал на него с автопортрета, и рядом счастливая и светящаяся, сидела его Маргарита.

И вдруг и яркие краски, и счастливые лица померкли, Рубенс куда-то исчез в тот же миг. Пол покачнулся под ногами, страшная гостья опять ввалилась в его комнату.

Не раздеваясь, Мастер лег на постель, едва перебравшись из мягкого кресла. Сколько времени он так лежал, сказать невозможно, там время больше не текло. Она вошла незаметно и села на краешек кровати, взглянула на открытый альбом - автопортрет счастливого художника.

- Пилат мучился вечность, и его спасла Маргарита, моя Маргарита, а она умерла раньше и оставила художника, впрочем, появилась Елена, и он снова был счастлив, - бормотал он

Елена прислушивалась к его голосу. Если бы не раскрытая книга, она не поняла бы, о чем он говорит, и решила бы, что бредит. Но он размышлял о Рубенсе, о варианте счастливой судьбы мастера.

- Елена пережила его надолго, и сохранила все, что он завещал ей, - продолжал между тем Мастер, и ей показалось, что не о далеких событиях и людях говорит он, а о них, об общей их судьбе в реальности и вечности.

И такая боль, такая тоска была в его голосе, что она обняла его и прижалась к его груди, и он обнимал ее, улыбаясь. Он успокоился, и спал до утра в ее объятиях.

И перепутались времена. В ту ночь она поверила в то, что времени не существует. Неведомый гений, который когда-то разговаривал с королями, и они покорно слушали его и гордились такими встречами, облегчил их страдания. Он внезапно шагнул в XX век в полутемную комнату, где с ним говорил, «скрывая дрожь предсмертной боли» лучший из писателей, успевший заглянуть в вечность и находившийся на той лунной дорожке между мирами, которая неизменно уводила его от земли, позволяла подняться в небеса.

А она, его Елена, его Маргарита, боялась пошевелиться и не сомкнула глаз в ту странную ночь. Она думала о том, как была счастлива в такие дни и ночи, когда он был с ней рядом. Но как потом ей придется остаться без него?

Как хорошо было бы уйти в один день, выпив до дна бокал с отравленным вином. Но она знала, что должна позаботиться о его романе, в котором останется все, чем она дорожила в этом мире. Если она проявит малодушие, и книга не увидит свет, то потом, в вечности она никогда не простит себе минутной слабости, и он не простит ей этого никогда. Такой роскоши она позволить себе не могла, значит, должна была остаться вопреки всем стремлением умчаться туда вместе с ним, не расставаться и на минуту.

Эту ночь Елена Сергеевна помнила до последней минуты своей жизни, а она длилась еще три десятка лет - мгновение в контексте вечности, но бесконечно долго в реальности. И все время она всей душой стремилась туда, и вынуждена была оставаться здесь изо дня в день, из года в год, разрываясь между двумя мирами.

Лекарство пока утихомирило боль, но завтра она вернется, и с новой силой начнет терзать Мастера. На рассвете он возвращался к роману, понимая, что далеко не все успеет сделать. Но будет делать столько, сколько успеет, у него нет выбора, никогда не было и не будет.

Он допишет свое полотно. Совсем не такое счастье и буйство красок, как у Рубенса, но это его полотно. Другого в этой жизни уже не будет. И его Елена тоже сохранит и подарит миру роман века.

Они обе – жена художника и его жена, должны будут служить оправданием для дочери Зевса, из-за которой была объявлена война Трое и погибли все героини и цари.

Каждый из нас, возвращаясь в этот мир, служит оправданием для какого-нибудь древнего героя, пытается в новой жизни исправить то, что тот так и не смог изменить, уходя.

Не потому ли нам всем снова и снова приходится возвращаться.

- Я ухожу, но я вернусь, чтобы закончить роман века и как-то искупить все, что было сотворено не так, на это обычной ни у кого одной жизни не хватает, а может быть, не хватит и нескольких жизней, чтобы все изменить и исправить.

ГЛАВА 19 ПРИЗРАК

В ту ночь, когда он обнимал Елену и наслаждался сном - и это стало его редким поводом для наслаждения, появился внезапно третий из замученных поэтов.

Странный это был призрак. Сбиваясь и путаясь, словно за ним гнались, он говорил о том, что пережил в те годы, о пытках, издевательствах, о том, как палачи окончательно свели его с ума.

- Ты пытаешься с ними о чем-то договориться, ты все еще веришь во что-то, несчастный.

Как яростно, как горестно твердил он в тот момент о невозможности что-то изменить в безумном мире.

И тут он увидел вино и ощутил запах еды. И ярость, как молния внезапно вспыхнула в его душе.

- Ты слишком хорошо устроился, болезнь недаром тебя поразила.

Молча смотрел на Поэта Мастер. Он почему-то и на самом деле ощутил себя виноватым, хотя не понимал, в чем именно его обвиняет этот несчастный. Но он в те часы уяснил, почему не любил поэтов почти всю свою жизнь. Есть в них что-то такое темное, необъяснимое, жалкое, что сродни алкоголизму. Вот и рифмованные строки, это какая-то тайная игра. Они выдают их миру, как высшее откровение. Но какими порой слабыми, беззащитными и несчастными на самом деле остаются. Прозаикам такое и не снилось вовсе.

- Смерть там благо, и чем скорее она за тобой явится, тем лучше и проще жить, - говорил между тем поэт.

И странно сверкали глаза его в полумраке. А сам он озирался по сторонам, словно уже видел ее, пытался отыскать и ухватиться за полу ее звездного плаща.

- В аду, в огне, куда бы ни пошел я, мне так и не удастся согреться, - снова и снова говорил Поэт о том, что было теперь для него самым главным.

Мастер после этого вторжения никак не мог очнуться и пробудиться. Он понимал, что слухи оправдались, Поэта и на самом деле больше нет в живых. Но и его боли все усиливались, а время, когда он чувствовал себя спокойно, становилось все короче. Надо будет сказать Анне, чтобы она не беспокоилась, не искала встречи, не кликала беду, ему больше не помочь, а вот себе и своим близким навредить она еще может.

- Ты упрекаешь меня в чем-то, - мысленно обратился он к гостю.- Из твоего кошмара моя жизнь и на самом деле может показаться раем. Хотя на самом деле это только иллюзия, у каждого свой ад. Но как можно измерить какой ад страшнее?

№№№№№№№№

Те, кто приходили к нему все реже, говорили порой, как на ширококую ногу живут заслуженные литераторы(их обычно не называли писателями), те, кому удалось совпасть с властью, на нее работать. Ими восхищаются, их печатают огромными тиражами и награждают. Они короли, только голые и жалкие какие-то и все-таки короли.

Но Мастер не завидовал им, он лучше, чем многие знал, какую цену пришлось им за это заплатить. Всегда надо было платить, но здесь и теперь цены поднялись выше небес, и потому они где-то в аду самом остаются, хотя пока этого не чувствуют. Но каждый шаг толкает их к пропасти, и вряд ли кому-то удержаться над этим обрывом в Пекло.

Бог, если он и был когда-то, то давно исчез и отказался от них. Еще мальчишкой он спорил о том с отцом - профессором богословия, и очень хотел, чтобы тот его в чем-то убедил. Но доводы его были туманны. И веры в душе не прибавилось тогда, а потом и та, какая была, куда-то испарилась внезапно.

И тогда сначала во сне, а потом и в реальности увидел он блудного сына. И почувствовал, что это его роль в странном мире, который надвигался диким заревом всех бунтов и революций на древний Киев, столько всего знавший и переживший на протяжении самых жутких веков.

Отец давно умер. Но он никогда не понял и не принял бы того, что главный герой его романа стал именно Пилат, а Иешуа оставался только несчастным созданием, вечной жертвой. И он увел его от бога и света. Тот, кто должен был именно туда и привести. И в том странном мире оставалась только пустота, которую быстро заполнили бесы всех страстей и мастей. Со временем их будет становиться больше. Хотя страшнее, чем люди бесов нет.

Но почему он должен верить тому, кто бессилен перед властью земной, как он может получить небесную власть, как он спасет всех остальных? Да и собирался ли спасать?

И в дни сомнений и переживаний Мастер все чаще смотрел на огонь в камине, и на огонь свечи, которая горела во мраке перед ним, а потом безжалостно сжигал черновики романа, может быть, желая убедиться в том, что они сгорят на самом деле. И они горели ясным пламенем. Исчезало все, что было написано, во что он вкладывал всю свою душу, на что еще недавно возлагал самые радужные надежды

Горящие рукописи - это настоящее безумие с его стороны, но как полыхал этот странный огонь, пожирая мечты, страсти, тот неповторимый мир, который он пытался сотворить.

И писать роман он начинал снова. Ничего в принципе не меняя, потому что в главном взгляды его оставались неизменными. Менялись только имена героев, место действия, какие-то детали, помогавшие показать все точнее и ярче.

Падший ангел был одним их апостолов. Первый поэт столетия пытался поднять его до небес:

Да, я возьму тебя с собою,
И понесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

Вроде бы так замысловато он изъяснялся тогда, хотя даже те строчки стихотворений, которые он слышал, всегда безбожно путал. Но это был особый случай. Он почувствовал, что есть еще один человек, который усомнился в правоте мирового творения, и по-своему все видит и понимает.

Только не Демона надо поднимать до небес (он понял это значительно позднее), а вернуть других богов, тех, кто был до Иисуса. И почему они считают, что заблуждались их предки, жившие со своими богами не одно тысячелетие, а они правы, приведя в мире нового, чужого бога.

В тот самый момент он и увидел Мастера – своего двойника, тот и появился в отблесках огня, когда сгорала рукопись. Он был так похож на знаменитого писателя.

Конечно, это Гоголь. Это он первым воскресил всех чертей и Демонов. Но ему хорошо было с ними заигрывать, живя в солнечной Италии. И тогда в России были скверные времена, но разве можно их сравнить с этими?

Видел Мастер, как тот сжигал второй том своего творения. Не осталось никаких черновиков, ничего не оставалось. И этот человек, несчастный, одинокий, раздавленный, заставлял его долгий срок оставаться веселым, сильным и обаятельным. И они навсегда должны запомнить его таким.

Он отстранился от огня. Взял, не глядя, с нижней полки первый из двух десятков стоящих рядом, альбом. Только живопись великих европейцев еще могла отвлечь его от горестей и страданий. Она уносила душу в иные времена и пространства. Случайность (он никогда не верил в случайности), это был Веласкес. И его величественные мощные полотна он рассматривал снова и снова

Он смотрел на королеву и повторял на разные лады ее имя:

- Маргарита, Марго.

Бедная и несчастная, сколько ей еще суждено пережить. Он и сам был уже вольным странником в той эпохе. Картины, одна прекраснее другой, оживали перед глазами, и иллюзия становилась реальностью.

И он мог сидеть в каком-то заброшенном замке перед свечой, писать гусиным пером. Он не думал о милосердии, о пощаде, о палачах и жертвах, а просто переселялся в полотно романа или картины и творил свой мир, забыв о реальности, не в этом ли спасение для творца. Не потому ли они отказываются от много, порой даже от счастья, чтобы жить в другом измерении, радоваться и грустить, там, а не тут, и постараться быть счастливым.

И хотя времена были глуховаты, да что там, просто страшны, но ему хотелось быть именно там, в той невероятно прекрасной эпохе.

И о чем было переживать этому насмешливому, часто унылому драматургу. Как он мог так яростно выражать свое недовольство.

Они были настоящими безумцами, если не могли оценить то, что имели, что было в их власти. Конечно, все познается в сравнении. Кто из них мог допустить, что реальность может быть такой, что может быть еще хуже, значительно хуже.

ГЛАВА 20 К НОВОМУ СВЕТУ

Это были наброски совсем иного романа. Он уже жил в его сознании и не давал покоя. Мастер уже прочувствовал тот путь, тернистый и тяжкий, по

которому придется пройти. Не стоило в том времени оставаться. Лучше уехать в дальний городок и ждать своего Мефистофеля.

Он появится и за известную плату даст все, и не только послужит, но еще и скучать не даст - это главное.

Не раз видел он во сне тот маленький немецкий городок и ждал терпеливо своего Мефистофеля. Но в душе его нарушился какой-то ритм, и реальный мир совсем перестал волновать, даже интересоваться его. Мастер понял, что не способен в нем оставаться. В этом мире никогда ничего не случится, а ему еще нужны были какие-то чувства и переживания.

Он почувствовал, что вся его жизнь пройдет там, где жить совершенно невозможно. Но и уходить раньше срока он тоже не собирался. Он слушал Шуберта вместе с Маргаритой, гулял в старинном прекрасном, тенистом саду. Он уже видел и понимал, ощущал даже кожей, как будет в его вечности. Рано или поздно она нагрет, и он видел, какой она может быть.

И в его снах эта картина все время появлялась. Она не могла быть случайностью и пустой фантазией, но сколько подробностей и деталей было в ней.

- Все сбудется, все так и будет там, - успокаивал себя он в такие минуты.

№№№№№

Все чаще наступали минуты отчаяния. Он терял представление о жизни, исчезала связь с реальностью. Он тосковал о театре, не видел и не слышал не только своих читателей, но и знакомых, прежде так любивших у них бывать. В душе оставалось ощущение катастрофы. А потом ее заполняла пустота, неизбежная после конца света.

Три поэта - единственные его собеседники, приближались к нему, и вели отчаянный спор, с невероятной силой доказывая друг другу свою правоту.

Он навсегда останется чужим в столице, и в мире, но надо было налаживать хоть какие - то связи, утерянные, казалось бы навсегда

« На свете счастья нет, но есть покой и воля» - тот, кто написал эти пронзительные строки, должен был немного запоздало примириться с богом. Об этом узнал и Снежный король, и задохнулся от горя и ужаса, отвергая и лекарей и лекарства, а они еще суетились вокруг него по приказу начальников - внезапно умирал первый поэт революции, как они его окрестили, умирал в сорок лет, как это можно было объяснить остальным. А они ничего не собирались объяснять, наглецы, дорвавшиеся до власти, бывшие все время ничем, и вдруг ставшие всем, или считавшие себя такими.

Но почему каждый из творцов так заканчивал жизнь. Но и Иешуа должен был удалиться в пустыню и оставаться там 40 дней. Он тоже немало времени провел в одиночестве.

Тогда к Мастеру на огонек и заглянул Абадонна. Он мог и не говорить ни о чем. Все было ясно и без слов. Он пока не снимал очки, так это только пока.

Демон смерти и войны напомнил ему о том, что дни его сочтены, пора приводить в порядок свои дела и мысли, пора идти, просить прощенье, пора прощаться и прощать. Он и сам знал это не хуже, зачем же столько усилий тратить, но пути его неисповедимы.

Гасли свечи, мир рушился, от него почти ничего не осталось, и все-таки не верилось в то, что случится это так скоро, что он не сможет дописать свой главный роман.

И было хорошее вино и фрукты (непонятно где и как он их достал), вернее, конечно доставала Елена, надо отдать ей должное.. И он мог еще испытывать удовольствие, даже наслаждаться едой и вином, возможно, понимая, что это последний пир...

Мастеру припомнилась странная история о последнем пире поверженного властелина. Он написал когда-то что-то подобное, или читал где-то, только забыл до поры, до времени, а теперь вспомнил, старался восстановить и записать снова это повествование. Но сколько же усилий требовалось, чтобы появился небольшой рассказ.

И все-таки, что-то очень несовершенное, какой-то конспект, того, что могло бы быть повестью о древних временах, проступило на бумаге. Тогда это была так, разминка, шутка, а тут вдруг оказалась такой нужной, странно необходимой, и вещей историей. Потому что в мире нет ничего нового, все повторяется, правда, сначала, как трагедия, а потом фарс. Так он преодолевал страх перед надвигавшейся смертью.

Ему тоже хотелось покинуть мир вот так, как поверженный властелин когда-то уходил на глазах у победителей. В этом была какая-то своя прелесть.

ГЛАВА 21 Сон о Последнем пире.

Закат был кровав в тот вечер. Об этом говорили все в Вавилоне. Страшно выли собаки. Люди прятались по домам. Сколько дурных снов приснилось, сколько пророчество было послано им. Это не могло быть случайностью. И в ужасе прятались они и пытались угадать и понять, что еще можно сделать, как им поступить дальше. Но что тут придумаешь, если мир рушится. И только царь, он словно ничего не видел и не слышал. Он не хотел никого слушать.

Когда во дворце появился жрец, Валтасар усмехнулся. Он жестом приказал ему замолчать и указал на ту комнату, где их никто больше не мог увидеть и услышать.

Жрец упал перед ним, но он не собирался его поднимать. Он усмехнулся, пусть в таком положении попробует ему рассказать о том, зачем пришел.

- Ты скажешь мне по великому секрету то, что известно всем, - говорил царь,- и я должен одарить тебя за это?

- Спаси себя и свой мир, - едва слышно прошептал жрец.

-Ты так наивен и глуп, что полагаешь, будто Вавилон можно спасти? - подступил к нему царь.

Жрец хотел сказать о том, что ни его, ни его мира ничто уже не спасет, но промолчал, ему не хотелось умереть сейчас, ему не хотелось встретить смерть в

темнице, пусть это случится завтра. Ведь каждый миг жизни - это великое счастье. Жаль, что он не понимал этого прежде, совсем не ценил жизни своей.

- Значит, мой мир можно спасти, - задумчиво говорил царь, расхаживая по комнате,- а если нет, то какой смысл тебе было являться сюда, глупец.

Ничего и на это не ответил несчастный. Он и сам не знал, какая сила толкнула его к обреченному царю, намного проще было бы остаться дома и ждать смертного часа. Но он все-таки пошел. Возможно, взглянув в глаза царя, хотел понять, что тому известно, как спасти этот мир, и тогда и в его душе появится надежда, пусть призрачная, но все-таки надежда.

- Встань, - рявкнул Валтасар, - если ты знаешь, что завтра мы погибнем, то есть ли смысл так унижаться? Разве в последний день своей ничтожной жизни ты не можешь оставаться свободным и спокойным перед своим царем?

Как странно прозвучал этот горестный вопрос. Он и прежде знал, что их царь мог так повернуть все, что любого поставит в тупик, и получишь ты совсем не то, что ожидал, зачем пришел к нему. Ему нравилось так издеваться над людьми, особенно когда он видел их слабости. Все, что угодно мог он простить, только не слабость мужчины, даже мальчишки должны были показать, как они сильны и нестигаемы.

Что было на это ответить, он просто хотел жить, в любом случае, в любом положении. Только теперь, когда персы стояли у ворот, он вдруг понял, как жизнь прекрасна, как она великолепна и как не хочется с ней расставаться.

- Они не оставляют пленных, - выдохнул он.- Мы должны покинуть город, пока еще есть возможность, о, мой царь. Надо бросить все и уходить.

- Конечно, не оставляют, уж меня и тебя не оставят точно, тогда о чем же нам с тобой так волноваться, если мы ничего не можем изменить?

Ничего на это не ответил жрец, властелин показался ему безумным.

Он пытался понять, потерял ли тот окончательно страх или только рисуется перед ним, если они и на самом деле обречены.

- Они не оставляют пленных, им не нужны чужие жрецы, персы дики, и это будет не жизнь, - думал в это время царь,- тогда зачем думать о завтрашнем дне

и пытаться что-то сделать. Часто смерть не самый худший выход из тяжелого положения.

Он и не пытался искать другой выход - царь решил оставаться воином и мужчиной.

- Иди, убирайся, покинь город, ты спасешь себя, если тебе так хочется жить.

И тут жрец в первый раз осмелел, он почувствовал, что ему больше ничего не угрожает, и он решил узнать:

- А тебе, имеющему все, тебе совсем не хочется жить?

Это казалось невероятной дерзостью, но вопрос был задан, и властелин решил ответить на него:

- Просто жить, скитаться на чужбине - нет, я был царем, царем и умру. Но ты им никогда не был, и тебе не понять этого, только твари, тебе подобные, хватаются за жизнь, готовы питаться падалью, и на все согласны, но я так не могу, не могу и не хочу. Я все сказал. Убирайся.

Он и сам удивился, что сказал такое, и когда слова были произнесены, он уверился в том, что все так и есть, что давно и мучительно он думал о том, и только сейчас смог озвучить то, что всегда было его жизнью.

Жрец незаметно ушел. Он никогда не был царем, и он не собирался умирать, тем более теперь, когда в пылу страсти владыка освободил его от всех обязательств, ему словно нужно было освобождение, позволение совершить подлость, предательство, но ему очень хотелось жить.

№№№№№№

Воины еще отчаянно бились с персами, но силы их были неравны. Царь запретил им о том говорить, но последнему смертному было понятно, что завтра они начнут тут хозяйничать. Он отшвырнул кого-то из слуг своих и направился в Капище.

Странно пустым был этот храм, когда его жрец стал безымянным странником без рода и племени, что можно было требовать от бога,

допустившего это? Он и не требовал ничего, просто стоял и смотрел на зловещий лик кумира.

Кто-то наблюдал за ним из укрытия, две пары любопытных испуганных глаз возникли в сумерках. Смельчаку казалось, что раз властелин пошел в храм, то может что-то измениться, и совершится чудо, и они будут спасены. Как они все, ничтожные и слабые, надеялись на чудеса, и только он один в этом мире знал, что чудес не бывает, и не стоит себе и другим морочить голову.

- Если наш бог ничего не может, то, что же требовать от нас, - задумчиво размышлял царь, - но что тогда остается? Можно все эти дни провести в схватках, проливать свою и чужую кровь, можно, но должен ли он так поступать? Если нет никакой надежды на спасение? Если жить ему в своем мире осталось так мало. Да и кто сказал такую чушь, что умереть надо обязательно в бою?

В сражение надо идти только если веришь в победу, а если нет, тогда нет никакого смысла так умирать.

И вдруг царь захохотал, он и сам точно не знал, что могло его так рассмешить в пустом храме, из которого сбежал последний жрец. Но он смеялся и не мог остановиться. Потом резко замолчал, повернулся и отправился прочь, подумал и вернулся в свой дворец.

- Это будет самый веселый и яростный пир, - говорил он кому-то из вельмож, растерянно семенивших рядом.

Они и в эти последние дни оставались его верными рабами, одни просто не верили в то, что он может пасть, другие не решились перечить даже почти поверженному царю, а третьи просто пытались подражать ему. Кто-то сбежал к персам и пытался выторговать себе жизнь в новом мире. Ему доложили о том, что были и такие, они всегда были, вот и здесь теперь без предателей не обошлось.

- Пусть живут, если смогут, люди привыкают ко всему, а у меня остался только этот пир, но он будет великолепным, ни мы, ни враги не сможем его забыть.

Подданные говорили друг другу, что царь безумен, как только Валтасар скрылся. Но другие отвечали, что для безумца, и для обреченного на смерть он слишком спокоен, тогда что же он собирается делать, может быть свершится чудо, и все они спасутся? Ведь никогда не знаешь, где тебя ждет гибель, а где спасение.

Но в то, что случится чудо, и их мир останется прежним, верилось все меньше, теперь они пытались угадать, как поступит их царь, что он предпримет, им хотелось остаться вместе с ним, а не с чужаком, но для этого надо было что-то сделать.

- Пир? - переспросил кто-то, - но что может случиться на пиру, а если он пригласил их царя и там прикажет убить его?

Долго обсуждали такую возможность, но решили, что это вряд ли случится, и сам он проживет после этого не на много дольше. Хотя безумство храбрых может быть и спасет его и все царство, но слишком рискованно так поступать. Поверить в то, что их царь ничего не собирается предпринимать, никто не мог.

А он подошел к столам и пристально следил за тем, чтобы самые лучшие блюда были выставлены, чтобы стол был таким, от которого невозможно оторвать взора.

- А где утварь из храма? - сверкнул он очами.

Они только что разорили христианский храм, хотя его жрецы умоляли это не делать, считая дурным знаком, но по его повелению собрали все чаши, которые там были, и все, что представляло собой ценность.

Вот и теперь, даже неверующие в чужого бога не решались пользоваться тем, что они отняли насильственно, и только он посылал слуг за теми самыми чашами:

- Они должны стоять на столе, и не смейте мне перечить, иначе я не стану дожидаться персов и помогу им расправиться с вами.

Никто не сомневался в том, что именно так все и будет. А самые прозорливые понимали, что он бросал вызов небесам, и были уверены, что громы и молнии обрушатся на их головы.

Но пока ничего не случилось. Яростно слепило солнце. Оно готово было спалить все вокруг, блестели чаши из чистого золота и серебра, их выставляли для богов в храме. И полюбовавшись на дорогое убранство, царь самодовольно усмехнулся.

Странные это были минуты для Валтасара. Наверное, он единственный, молодой и здоровый, жил, зная, что завтра его не будет в этом мире. И он смотрел на этот мир в последний раз, и старался его запомнить таким, и ни за что не позволил бы себе впасть в уныние, ни боги, ни победитель никогда не смогут такого с ним сотворить.

Как странно, ведь так же будет светить солнце, суетиться эти или другие люди, но его не будет. Обычно смерть обрушивается внезапно в самый неподходящий момент, и только у избранного небесами есть право самому выбирать свою смерть, и он выбрал последний пир.

А почему бы и нет, можно озверело бросаться в сражение, сокрушать все на пути своем, убить как можно больше врагов, и самому погибнуть. Но он не хотел этой напрасной суматохи. Он никогда не был трусом, и когда оставалась надежда на победу, отчаянно сражался, стоял до конца и побеждал, но это было прежде. А теперь, когда ему было отпущено несколько дней или часов (может быть и так), он хотел пировать и наслаждаться жизнью. Кто сказал, что перед смертью не надышишься? Он собирался опровергнуть старую истину..

Ведь и уйти из мира можно по-разному. Если он уйдет в сражении, побежденным и поверженным, что он заслужит, кроме презрения, когда и где любили побежденных, тогда зачем напрягаться?

Если же он умрет на пиру, и враги, и потомки будут помнить о том, что он не просто был спокоен, но и пировал назло своим врагам.

Почти без колебаний он выбрал этот путь.

№№№№№№№№

Персидский царь ждал своего лазутчика. Он хотел узнать только об одном, что делает обреченный на смерть Валтасар.

Наслышанный о его хитрости и храбрости, Перс не хотел быть одураченным, он знал, что победит, но он не ведал, что ему делать с Валтасаром, из-за какого угла раненый зверь на него обрушится, где будет прятаться, и как захочет расправиться с победителем. Любому понятно, как быстро победа может обернуться поражением, и глазом моргнуть не успеешь.

-Валтасар пирует, - заговорил один из вельмож его, только что тайно вернувшийся из осажденного города.

Слова прозвучали так странно и нелепо, что поверить в них было невозможно.

- Пирует? Так что же он празднует, собственную смерть? Я никогда не слышал о таком пире поверженного царя.

- Никто никогда не слышал, но он всегда и был непредсказуем, вот и теперь пирует и веселиться, видеть это странно, но так и есть.

Перс насторожился еще больше, он понимал, что у врага его есть какой-то коварный план. Когда перед ним бросили только что пойманного жреца, он пнул его в ярости.

- Это он прислал тебя, ты хочешь пригласить меня на пир своего Валтасара и расправиться с победителем? Ты решил еще послужить ему, несчастный, и думаешь, что после этого я тебя оставлю в живых.

И напрасно пытался объяснить ему жрец, что нет у него никакого приглашения, что он хотел спастись из рухнувшего мира. Ничего не слышал и не хотел слышать взбешенный перс, он думал о своем, и на каждом шагу чувствовал измену. Он уже считал себя победителем, но понимал, что и победителя может смертельно ранить плененный и почти мертвый враг, возмечтавший о мести.

И тогда, понимая, что ему не выжить, вспомнив усмешку своего царя, жрец вдруг распрямился, и сам дьявол в душу его забрался, потому что голос его показался грозным и яростным, так иногда он вещал от имени бога своего:

- Никогда не будет сидеть мой царь рядом с тобой за одним столом, он и не думал тебя приглашать к себе. Ты можешь убить его, но сломить властелина и воина тебе не удастся, вот ты и бесишься, как дикий зверь. Я хотел спасти свою

жизнь, но рядом с тобой никакая жизнь мне не нужна. Мне жаль только того, что я так подло бросил его и не смогу к нему вернуться, и остаться с ним до конца.

Воцарилось молчание. Перс не сразу понял, о чем тот говорит. Он только почувствовал великую дерзость и оскорбление. Должен ли подобное терпеть победитель?

Кто-то уже воткнул нож жрецу в спину по его знаку, и бездыханное тело потащили прочь, но он понимал другое - надо будет убить всех, кто был рядом и слышал эти речи, потому что есть такие оскорбления, которые никак не перенесет истинный владыка. Жаль, что были свидетели, но кто же мог подумать, что ничтожный жрец будет так дерзок с ним.

№№№№№

Пир был в самом разгаре. Царь Валтасар веселился от души. Он славил древних богов, и проклинал нового бога, сделавшего мир таким рабски слабым и беззащитным.

Его пытались отрезвить пировавшие рядом с ним вельможи. Но ничто не могло остановить его:

- И хорошо, что нам не придется жить в этом рабском и ничтожном мире, где они распинают своего бога, и любят на его распятие, а потом молят убитого своими руками бога о спасении, возможно ли такое?

И вдруг странная тишина повисла над ними.

Царь не понимал, что они там узрели, за его спиной на стене. Но он увидел, когда резко повернулся, что там полыхали какие-то слова. Никто и никогда не смог бы разобрать их смысла, в том не было сомнения. Царь вспомнил, что сбежал его жрец, и некому растолковать древние письмена. Но нуждались ли они в переводе.

- Успокойтесь, там написано, что наш мир погиб, - говорил он сотрапезникам, словно это и без того не было ясно.

Еще больше стали трястись от ужаса люди, кто-то давился дорогим вином, кто-то от страха готов был лишиться чувств.

И только царь распрявился и стоял под этими словами. И странное пламя окружало его со всех сторон. Кому-то показалось, что он был охвачен этим пламенем и сгорит заживо, но этого не случилось.

- Ты хотел напугать меня, - обратился он к неведомому богу,- но пусть лучше погибнет мой мир, только он не достанется тебя, никогда не достанется, - говорил Валтасар, - и я буду последним царем в мире, который не был тебе угоден.

Странно быстро наступил рассвет. Валтасару сообщили о том, что персы ворвались в город. Он поднял последний кубок и бросил туда специально приготовленный яд. Помедлил немного и выпил его до дна в тот момент, когда дикий шум заставил многих очнуться, победитель приближался к его дворцу.

- Если они и распнут меня, то только мертвым, а ты позволил это сделать им живым, муки терпел, да какой ты бог.

Больше ничего сказать и подумать не мог царь. Его тело лежало на ковре. Уже не было никого из пировавших с ним, они разбежались и попрятались, ожидая расправы дикарей.

№№№№№№№№№№

Когда персидский царь вошел во дворец и огляделся вокруг, он увидел, что доносчики его не обманули накануне, эти люди и на самом деле пировали. Он взял в руки тяжелый кубок, но отшвырнул его, боясь, что там может быть яд, он решил, что Валтасар из укрытия подглядывает за ним, ждет его гибели, но в тот момент кто-то указал ему на мертвого царя.

- Это он, - то ли спрашивал, то ли утверждал перс, - он не мог сказать ничего точно, и решил, что, возможно, его разыгрывают, и перед ним актер в царском одеянии, а Валтасар на него обрушится, как только он упокоится и поверит своим глазам.

Он пожалел о том, что убили жреца, тот мог точно сказать был ли это Валтасар или только двойник его, подставная кукла. Победитель не знал, какой ответ хотелось услышать.

Ему не было покоя ни днем, ни ночью в захваченном городе. Он все время ждал только одного - внезапного удара. Поверить в то, что противник ушел так просто он никак не мог.

И только покинув проклятый город, Перс немного успокоился. Но и вдали от него он видел пустой дворец, где только что оборвался странный пир, и тело царя, так перепугавшего его, все время стояло перед глазами победителя. Валтасар не давал ему покоя ни днем, ни ночью. И в смерти своей он смог перевернуть все с ног на голову, заставить мучиться и трепетать.

Никогда не забудет царь кошмара победы, никогда не забудет он триумфа поражения вавилонского царя Валтасара.

№№№№№№№№

Когда он приблизился к финалу этого повествования, то оглянулся. Мастеру показалось, что буквы проступили на стене. Только переводчик не требовался, они полыхали и горели ясным пламенем.

Но что такое сон, и что есть реальность, не живем ли мы в своих иллюзиях, а жизнь сама, когда только зеркало перед тобой и любимая женщина, не иллюзия ли она, не странная тень того, что уже никогда не случится?

Их время было невозможно для стихотворений, но так подходило для прозы. Они должны оставить свои свидетельства, и потом на том, или этом свете следить за тем, чтобы они не сторели, дошли до потомков, как дошло до них «Слово о полку Игореве», так должно дойти слово о Дьяволе.

Мастер передернулся сам от такого открытия. Но это было правдой. Не его вина, что не нашлось другого подобного героя, это не его вина, а их общая беда.

В те дни Елена поведала ему страшную историю, о том, как сын знаменитого писателя в тюрьме на обрывках бумаги создавал то ли философский трактат, то ли очерки по мировой и русской культуре и истории. Вероятно, и там он каким-то чудом должен был сохраниться. И он устыдился того, что здесь, на воле он бездельничает и жалуется на судьбу. А что делал бы он, окажись там?

Может, она и придумала эту историю, чтобы он собирался и начал писать. Так это было в те дни. Елена была самым хитрым созданием, и умела добиться всего, чего только хотела. Но он подозревал, что такого выдумать она все-таки не смогла бы.

Но мировая история и на самом деле писалась именно там. Об этом говорил ему и Азazelло, когда пробрался в его сны. И он тоже толкал его к работе, которой не было конца и края.

Понтий Пилат будет спасен. Кто бы в том сомневался.

И потом они устремились к тому свету.

Но на этот раз он не отступит. Все будет в его власти. И философ поможет ему понять, что пространства и времени не существует. Они встретятся и смогут поговорить о том, о чем молчали всю жизнь.

ГЛАВА 22 МЕЧТАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Переживший адские муки должен был подняться в небеса, а кому еще может быть открыта дорога в рай?

Вспомнив, как Анна говорила о Данте, читала статьи о нем, а потом и Божественную комедию на итальянском, именно туда Мастер и устремился в тот момент.

Ангелы, увидит ли он их когда-то или они отвернулись от него навсегда, ушли в небытие. И снова в видении его возник домик с виноградником. В комнате горели восковые свечи, он дописывал свой роман, а Маргарита наблюдала за ним и тихо улыбалась.

Рядом с ним были Гоголь, Мольер, Пушкин - мастера из разных пространств и времен. Они заглядывали к нему на огонек.

Чего еще можно было пожелать такого, если на этот раз все было так уютно и мило для него устроено.

Альбом на столе. Королева Марго рядом.

Он тихо рассказывал о том, что ему привиделось в эти дни. Говорил он с трудом, но хотел рассказать ей обо всем.

Она была потрясена этим его рассказом. Ему удалось соединить и связать воедино несоединимое.. И теперь она ощущала связь с прошлым, далеким и таким близким одновременно. Она бережно хранила рукописи, и не давала ему уничтожить написанного.

Королева - юная и несчастная, взирала на нее из далекого и требовала каких - то решительных действий. Маргарита (а так он теперь называл Елену) читала о ней, и помнила, что та умерла очень молодой. Так часто бывало тогда, и с женами художников тоже подобное случалось нередко, они своими гениальными творениями, словно вынимали у них души.

Очаровательная жена Рубенса Изабелла, бедная Саския, да и мало ли кого еще можно было припомнить.

Королева Марго, разве можно забыть и о ней. И в ее жилах текла кровь французских королей. Он убедил ее в том за эти годы.

- Я должна оставаться на высоте, - убеждала она себя.

Альбом так и остался раскрытым, и королева до утра взирала в неведомый ей мир.

Только повернувшись к нему, она заметила, что он не спит и смотрит на нее. И тогда она, словно грешница, застигнутая на месте преступления, решила сразу признаться во всем..

- Это странно, дорогой, иногда мне кажется, что и я причастна ко всему этому - чужому миру, королевскому двору. И Мастера подтверждают мои догадки.

Она кивнула на картину.

- И ты достойна их общества, потому что из их числа, - твердил он.

- Нет, - говорила она, - мне еще только предстоит пройти этот путь.

Марго загадочно улыбнулась. Они стали влюбленными заговорщиками, пленниками не только любви, но и тайны, связавшей их навсегда.

Странные события стали происходить в их доме, все куда-то растворялось и исчезало. Они слышали голоса, а рядом не было никого. Но Мастера это только забавляло. Он знал, что все сбывается. И его главный герой придет к нему, рано или поздно. И вот тогда они смогут завершить этот вечный диалог.

№№№№

В те тяжкие дни к ним на огонек заглянул странный парень.

- Матвей.

Он так горячо говорил об Иисусе, цитировал большие куски из писания, что Мастеру и Елене показалось, будто он шагнул из того времени. Они верили в то, во что хотели верить. Анна намекала на то, что все может объясняться значительно проще, Мастер и Марго переглянулись - для предателя он казался слишком умным. Но вероятно, у него были причины для того, чтобы так себя вести.

Матвей утверждал страстно, что ему удалось побывать на распятии, если не там, то здесь, точно.

- Я много слышал о вас, - наконец из прошлого незнакомец перенесся в реальность, - и меня огорчило то, что вы так обращаетесь с нашим богом, каким слабым и ничтожным он у вас в романе выглядит, это заблуждение, и жаль, если вы не откажетесь от такого образа спасителя.

- Мне и самому хотелось, чтобы он был сильным, но так не может быть, ничего не получается, - отвечал Мастер резко.

В тот момент парень показался странно высокопарным. Шагнул ли он со страниц романа или был реален, кто его знает. Но и то и другое могло показаться чудом? Опасным чудом, потому что неизвестно откуда пришел Матвей, куда он уйдет, и что станет делать.

- Твой бог ничего не сделает для тебя, Дьявол не способен ничего творить, он только разрушает все, что было сделано без него. Но он окажется первым, - возражал ему Мастер.

Они немного помолчали. Маргарита пыталась его отвлечь, но Мастер уже не мог остановиться, он хотел сказать все, что думает.

- Он единственный, кто с нами до сих пор оставался. Даже ради самосохранения, он должен уменьшить количество зла на земле, больше сделать это некому.

Его и самого потрясла странная догадка. Но разве не так все было на самом деле. Он возлагал надежды на разрушителя. А если он разрушит то, что и следовало бы разрушить до основания.

Матвей смотрел на него испуганно. Он догадывался, что Мастер прав. Какая разница, кто к этому приложит руку.

- Ученик отправил его на распятие, а казался верным и преданным. Но он все понимал по - своему.

-Но ты не предавал ли его, когда писал дьявольскую книгу. Твой Мастер спрятался в психушке еще до того, когда лишился рассудка.

Матвей проявил странную осведомленность в познании текста романа, это могло испугать любого автора, если бы он собирался жить долго...

ГЛАВА 23 ОТКРЫТИЕ

Они сидели друг против друга, и было такое ощущение, что спор этот длился вечность.

- Я готов был спасти его перед распятием, - твердил Матвей, - но он не позволил мне сделать этого. И я всегда был готов служить ему и защищать его. Но все мои жертвы и подвиги никак не могут оправдать одного того греха. Да я не жалею, мне грех было бы жаловаться, - горячо прибавил он.

Мастер смотрел и слушал его внимательно. Он снова переносился в иные миры. Он знал, что никогда не напишет книгу о Христе, даже если бы ему было отпущено еще два десятка лет, и тогда ничего не получится.

- А разве он не требовал тогда, чтобы ты сжег свои пергаменты? Думаешь, они сторели бы?- неожиданно спросил Мастер, и усмехнулся загадочно, словно ему было известно что-то странное.

- Ты не стал этого делать, зная, что такие рукописи не сгорят.

И странно исказилось лицо Матвея после этих слов, словно его хлестнули со всего маха по одной щеке, и он раздумывал, подставлять ли другую?

- Мы вместе должны прийти к нему, - выпалил, наконец, Матвей, словно еще раз в чем-то убеждаясь, пытаясь убедить и творца самого.

- У меня нет для этого времени и сил. Там не будет моих любимых героев. И он не сможет подарить мне то, что я хочу получить.

- Но что же ты хочешь? - удивленно воскликнул этот парень.

- Всего лишь покой. А там все будет повторяться снова и снова. Мне опять надо будет возвращаться на землю. Я не могу желать этого. Другие пусть, но я не хочу этого больше.

Странная тишина повисла в комнате.

- Почему ты пришел ко мне?- спросил его Мастер через несколько минут, когда молчание показалось невыносимым.

- Потому что твоя дьявольская книга будет век владеть их умами и душами. От нее невозможно будет избавиться, эти рукописи не сгорят, прав твой проклятый кот, как в воду смотрел, - признался он неожиданно.

- Библия пережила века, мой роман не может затмить ее, - пытался заступиться за свой труд мастер, - ты заблуждаешься. Это только одна из бесчисленных книг, ты преувеличиваешь.

И в этот миг он как-то весь переменялся и стал похож на безымянного пророка. И сам себе он показался сильнее и выше.

Но это и стало последней каплей переполнившей чашу терпения. Он твердо решил не отказываться от своего романа.

Но в тот момент Матвей снова заговорил о своем.

- Пилат смог прекратить одним махом его страдания. А я никак не мог этого сделать.

- Но что же через тысячу лет ты хочешь от меня? Ты не к тому обращаешься. Я не смогу тебе помочь. Ты бросаешься к нему, а я все время бегу от него, в том и разница между нами с тобой. Наши пути ведут нас в разные стороны.

Они долго сидели в полной тишине. Маргарита едва скрывала раздражение.

- Я не знаю, каким он был тогда, - говорил Мастер, - но с тех пор, как он оказался здесь, я вижу защитника убогих и обездоленных.

Матвей поднялся, как-то сторбился и отправился прочь. Никто не смог бы остановить на этом пути.

- Потому я и не выбрал его, - говорил в след Матвею Мастер.

- Ты гибнешь, - воскликнул юноша, резко поворачиваясь к нему.

- А ты будешь еще долго и тягостно жить, - отвечал ему творец..

Ему снова вспомнилось повествование о последнем пире Валтасара и вольно или невольно он сделал свой выбор в пользу последнего пира.

На том они и оборвали свой странный спор, у которого не было ни начала, ни конца.

Но и оставшись один, Мастер продолжал спорить сам с собой. Так задела его за живое эта беседа.

Матвей видел, что тот, кто написал роман о Понтии Пилате, еще умнее, сильнее и опаснее, чем казался издалека.

Мастер разозлился не на шутку. Разве не он породил и выпустил в свет палачей, грабителей, разбойников, Он палец о палец не ударил ради того, чтобы изменить этот мир. И тогда он с молитвой обратился к тому, кто так слаб и беззащитен на первый взгляд в знаменитом романе. Он решил убедить его в главном. И был уверен, что тот его услышит.

№№№№№№№№

Странный юноша исчез так же неожиданно, как и появился из жизни Мастера. А тот без него даже заскучал немного. И он сердился из-за того, что не смог его разубедить и склонить на свою сторону. А ему так хотелось этого.

- Кто он откуда пришел и куда скрылся? - спрашивала Маргарита.

Вопрос повис в воздухе.

ГЛАВА 24 НЕРАДИВЫЙ УЧЕНИК. ОПОЗДАВШИЙ

Потом, когда они вспомнили о вторжении незваного гостя и говорили о Матвее, он услышал голос своей возлюбленной.

- Он слишком запутался в своих теориях, - тяжело вздохнула Марго, - а они так далеки от реальности, вот и блуждает в глухих лабиринтах.

- Я убил его, я готов был убить его, - по дороге домой думал Матвей, - а ведь сначала ничто не предвещало беды.

Он остановился и хотел снова повернуть назад, вернуться в уютный дом.

- Я должен еще раз увидеть его, завершить разговор и закончить спор, - убеждал он себя.

И таким странным ему казалось все, что происходило в этом измерении.

- Сколько же можно возвращаться? О чем еще мы не успели поговорить?

Матвей страшно мучился и не мог решить, что делать дальше, как ему быть. Он опустился на ту самую скамейку на Патриарших прудах, и только потом понял, что это за место. Как ноги могли привести его именно сюда? Он удивился пустоте, которая в те минуты там царила. Она казалась Матвею по-настоящему зловещей. Ни одной живой души, даже ларька с газированной водой не было.

- Ты искал и ждал меня? - приблизился к нему высокий человек, тот самый, о котором писал Мастер. Хотя это мог быть любой другой человек, но Матвей был убежден в том, что это именно тот, ведь стоит только его помянуть, он и явится.

- Ты и не подозреваешь, что на Патриарших прудах ты встретился с Сатаной, - говорил Мастер в клинике Бездомному.

Вот и Матвей встретился, только он был предупрежден заранее, а значит, защищен, хотя можно ли от него защититься? Он был рад обманываться, в глубине души чувствуя, что это не реально.

- Но ты поможешь мне? - заискивающе спрашивал юноша, путая языки и забывая слова.

- Если захочу, если посчитаю нужным, и мне это будет интересно, но что за тон, почему вы так говорите со мной?

Он сразу переменялся и ощутил, что в воздухе нависла угроза, не только гроза, но и страшная беда.

- Если ты сейчас хочешь вернуть его назад, - между тем продолжал Воланд, - то я не стану тебе помогать, вряд ли он захочет снова переживать все, что по его разумению осталось в далеком прошлом.

- Но он должен вернуться ради нас всех., ради романа, где главный герой...

- А ты о нем самом подумал, или как обычно, только о себе, - резко прервал парня иностранный профессор.

Насмешка мелькнула в уголках его губ.

- Стоит ли твоего бога дважды испытывать?

И Матвей понял, что ему нужно отказаться от своих желаний и стремлений. Воланд прав, он снова запутался и сбился с пути. А ведь еще минуту назад чувствовал себя правым во всем.

- Значит, его не воскресить, и мы никогда не увидим его больше?

- Для этого следовало бы сначала его убить, но поднимается ли твоя рука опять? – снисходительная усмешка, что может быть страшнее и печальнее, чем эта снисходительная усмешка историка, который всегда любит рассказывать истории.

И пока он хотел что-то ответить, Незнакомец успел исчезнуть. Растворился где-то за горизонтом.

Матвей еще оставался на Патриарших, где, словно из-под земли, стали появляться люди. Он почувствовал подвох в словах беса. Но ведь и на самом деле

он не может, не имеет право с ним так поступать. И остается неразрешенный вопрос. Но это уже его мучения, его проблемы.

Маргарита ни разу не решилась задать его:

- Почему ты так плохо говорил о нем?

Она молчала, и долго, очень долго ждала ответа.

- Он - самое худшее из того, что во мне есть, - тяжело вздохнул Мастер.

-Я знала, что он та, вторая половина, темная и жуткая. Что мне еще остается делать? Откреститься от нее?

Она немного испугалась такого ответа. Но он был откровенен, даже слишком откровенен.

- Но что будет делать он - воскликнула Маргарита.

- Он останется, - уверенно произнес Мастер, потому что не видят его ни живым, ни мертвым, а страдания его бога от этого только умножаются.

№№№№№№№№№№№№

Воланд тем временем издалека следил за учеником. Тот так и остановился на половине дороги. Он не мог вернуться к Мастеру и к своему богу вернуться тоже не мог.

Мир развалился на две половины, его уже не соединить.

Но вместо Воланда в передней появился человек в странном одеянии. В этой реальности его никогда прежде не видели.

Да, вот именно, перед ним был Иосиф Каифа- первосвященник, тот самый серый кардинал, принесший немало зла, не только распятому пророку, но и Понтию Пилату, о котором так яростно писал Мастер в своем повествовании.

Но зачем он нынче появился здесь? Кто и что может о том поведать.

Матвей невольно сжался, устыдившись своей трусости.

- Почему ты здесь?

- А разве ты не хочешь завершить разговор, поставить последнюю точку?- удивленно спросил он. И широкие брови его удивленно поползли вверх – сама

невинность, та самая старушка, которая тащит поленницу дров в костер, где сжигают ученого.

- Хотел бы, - согласился новый гость, но что может сказать тот, кто так ненавидел его.

- Это вольный пересказ твоего Мастера. Почему ты так безоговорочно веришь ему? Опомнись, посмотри правде в глаза, альтернативная история слишком больно бьет по реальным людям, для нее нужны вымышленные герои, а не те, кто жил, страдал и любил....

- А разве ты не хотел быть первым и единственным, и Понтий Пилат не стоял у тебя на пути?

- Он просто был чужаком и только. А чужаков нигде не любят, - пытался оправдаться Каифа.

Но никто бы никогда не понял, о чем он думал на самом деле.

№№№№№№№№

Иосиф вспомнил о тех днях, когда появился этот безумный пророк. Как только он взглянул на него, сразу понял, что этот настоящий. Но что ему было делать, знания рождают печали. А он уже все знал к сожалению.

И тогда он провел пару бессонных ночей, и решился на самое главное - руками этого чужака убить бога. Но он не думал о том, что Понтий Пилат окажется так упрям и несговорчив. Он был потрясен и до глубины души, когда убедился в этом.

А что ему оставалось делать? Каифа упрямо стоял на своем, хотя это было не просто.

Мастеру из своего 20 века легко судить о том, что происходило тогда.

ГЛАВА 25 В НАЧАЛЕ СТРАШНЫХ ДЕЛ

Кажется, чужак о чем-то догадывался. Но хотелось ему как раз противоположного.

И схлестнулись две силы. Ведь сразу видно, что с ними не сладить. Но вышло так, как задумывал и хотел первосвященник. Он объяснялся с ним, а потом возмущался, что ему не только Пилат, но они вместе с этим писакой не верят.

А ему не хотелось ворошить прошлого, и заглядывать в свою душу он тоже не хотел.

- Я буду править вместо него и его именем, - про себя решил Каифа. Раздражение нарастало, все складывалось не так, проблемы возникали на каждом шагу, стоило решить одни, возникали другие.

- Не прокуратор, а первосвященник будет на вершине власти. А все они со временем окажутся далеко позади. Но это справедливо.

Он и сам удивился тому, как легко расправился с пророком. Устранить Пилата вряд ли будет так просто. Но что еще можно предпринять, если на его глазах убит бог?

Мастер удивленно смотрел на все происходящее.

Он испугался того, что его герой оказался не таким сильным, как ему хотелось бы. Но изменить он ничего не мог. И логика вещей не позволяла ему сделать этого, но как быть и что делать, чтобы не оказаться распятым вместе с пророком?

Первосвященник оставался тем ничтожным и завистливым созданием, каким он возникал с первых страниц романа.

Иосиф не мог не заметить, как взирали на него священники. Каждый из них осмелился решить для себя, с кем он, что ему еще предстоит сделать. Но в последний момент они смотрели на него и ждали его слова.

Он нашел сотню людей, которые готовы были вопить об освобождении разбойника.

- Но он убийца, - вырвалось вдруг у Мастера.

И здесь приходилось оставаться твердым и непоколебимым.

- Ни один убийца не сможет нам причинить столько зла, сколько этот святоша.

В своем суждении он был тверд и прям, он просто хотел прослыть всевидящим и все слышащим,

Ученик, вместе с Матфеем следивший за первосвященником, появился перед ними. Он решил дерзнуть и заговорить, когда все молчали. Тишина становилась тягостно.

- Как можешь ты быть так глуп и глух, - возмущался он.

- Но это из-за меня случилось, разве ты не был таким дерзким и таким активным в те дни.

И ему нечего было на это возразить.

- Ты мне все речи свои уготовил, и свитки твои доказательство того, что ты со мной, - хитро усмехнулся первосвященник. - Это их можешь дуришь, сколько вздумается.

Такова оказалась его первая речь, на которую трудно было что-то ответить.

И понял ученик, что все его заблуждения станут такими же преступными, никто никогда больше не поверит ему - все в этом мире жестоки и несправедливы. И тогда только он стал думать, что делать и как быть.

- Я снова заблуждался, я считал его самым главным врагом, но он обманувшийся и несчастный - самое главное исчадие ада. Хотя и не верилось в то, что он трезво обдумывал и делал что-то намерено.

- Они всегда такими останутся, - горестно усмехнулся Мастер, - никто их больше не сможет изменить. И напрасно они уверяли, что служили одному царю. На самом деле они служат многим и себе подобным в первую очередь.

И говорил он это с такой уверенностью, словно и на самом деле прошел этот путь, страшный и дикий путь мучений и истязаний.

- Но ты отказался от него с самого начала, - усмехнулась Маргарита. Она хорошо понимала, о чем он в этот момент думал, что так тяготило его.

- Мы все его предали и предавали всегда, - услышала она его странно отрешенный голос, - а это 9 круг ада, из которого нам всем уже не выбраться, - твердил он, словно замороженный.

Мастер видел, как глубоко противоречия, как бесчисленны грехи, которыми переполнен этот миф. Он не боялся и все-таки не мог думать о том, что из-за его отречения путь к богу закрыт навсегда.

Но он не особенно сожалел об этом. Каменное и бескровное лицо спасителя появилось перед ним. Он внимал равнодушно добру и злу. Ничто не сдвигало его с мертвой точки.

Он стоял над ними и слушал и не слышал их, и даже не осуждал все их попытки отличиться, заранее прощая все, что они совершили и что еще готовы были совершить. Он только дивился тому, что происходило в этом мире. Они должны были принять это прощение и оценить его по достоинству.

- Он не примет, ничего не поймет, - раздраженно говорил Мастер. И винить за это было некого. Но они всегда и во всем виноваты. Он относится к этому спокойно и терпеливо.

ГЛАВА 26 МАРИЯ ИЛИ МАРГАРИТА?

Мастер полагал, что из тех немногих, кто был допущен к пророку, была вечная грешница Мария Магдалина. И это вселяло в его душу какую-то слабую надежду. Но сам он вовсе не хотел приближаться к нему. Они запутались окончательно, понимая, что все изменилось и ничего быть не может по-прежнему. Они остановились между небом и землей, между адом и раем и понятия не имели о том, куда бы им следовало отправиться.

У Мастера появилась дерзкая мечта, ему хотелось оказаться там, на Голгофе, за миг до распятия, а может в темнице, где томился Миссия. Но плащ великого инквизитора он на себя примерить не мог, и что тогда сказал бы ему вечный мученик?

Почему именно Пилат стал главной фигурой в его повествовании.

- Он воспримет меня, как искусителя, посланника тьмы. Он не станет мне ничего говорить, - уверял себя Мастер. Все так и останется. В том он не сомневался.

А вечером он говорил с Еленой о Марии Магдалине.

Он хотел испытать ее на прочность. Ему меньше всего хотелось, чтобы она переродилась в одночасье, и, забыв обо всем, оставалась у ног святого.

- А не хочешь ли ты так искупить свое страдание? - спрашивал он, - это можно было бы устроить.

В комнате повисла тишина. Она ничего не говорила в ответ. Она не знала, что ему на это ответить так, чтобы это прозвучало убедительно. Может, уверенность ее непоколебима?

- Я не могу даже ради него предать тебя и всех их, - наконец услышал он ее твердый голос - Я не достойна света и не хочу отречься от своих грехов и своей любви.

- Почему ты не остановишь Иосифа?- вдруг, переместившись в ткань романа, заговорила она.

Он и сам не раз задавал себе этот вопрос и страшным казался ответ на него. Тогда он не был до конца уверен в том, но потом.

- Это было бы неправдой. Они всегда были такими, такими и останутся. Ради памяти отца и всех моих родственников следовало бы смягчить этот образ, сделать Иосифа несколько иным, но вряд ли это у меня получится.

Но странным казался злобный смех, от которого он никак не мог избавиться. Он все время возникал в душе его и памяти, заставлял действовать иначе, чем хотелось и мечталось сначала.

Вместе с Левием они подошли к кресту. Он был молчалив и неподвижен. Словно зачарован или лишен воли и сил. Не было слышно ни криков, ни стонов, которые привыкли описывать все от Евангелистов до современных писателей. Только скорбная усмешка на искусанных губах. Наверное, этот человек не ведал боли и страха. Она, это улыбка, была обращена к палачам. Пристальный и яростный взгляд. О прощении для ученика и Мастера не могло быть и речи.

Он знал, почему в первой главе именно Берлиоза лишили головы. Этот литератор – идеолог, руководитель, страшнее всех прочих негодяев, способных причинить зло немногим людям. Он должен быть наказан за то, что морочил

головы другим. Так они оба - Ученик и Мастер, оказались страшнее воинов и властителей. Они в веках умножали его нечеловеческие муки, не позволяли забыть о том, что случилось.

- Я против него, - признался Мастер, оказавшись снова в собственном доме, - у меня нет иного пути, но я не могу о нем не думать. Почему это так больно и так горько.

Тут же он вспомнил себя внизу, в грязи перед распятием. Первосвященника в парадных одеждах на балконе, рядом с ним Воланда, свысока наблюдавшего за случившимся. Он напишет свое Евангелие, обязательно напишет. Он был доволен происходящим. Ему казалось, что он оставался в центре Вселенной. У любого бы при этом закружилась голова.

И только одна мысль после этого беспокоила Мастера. А что, если все не так, что если он воскреснет именно в облике Иосифа. Если серьезно относиться к теории о переселении душ, то это можно воспринимать как реальность. И тогда он такое чудовище, что кровь леденеет в жилах.

- Может, мы и распяли Христа, и породили Дьявола? Он остался, и теперь правит миром. То, что было только версией, оказалось правдой.

№№№№№№№№

Мастер вспомнил о своей причастности к белому офицерству. Тиран перечитывал роман, который назывался «Белая гвардия». И столкнувшись с Иосифом и Пилатом, он мог вразумительно ответить на вопрос, почему его симпатии были на их стороне. Они выше и прекраснее всех остальных. И если ему с кем-то следовало оставаться, то с ними. Потому что победившие, расстрелявшие, сославшие их в небытие, оказались настоящими чудовищами. Разве это можно изменить?

Быть с победителями легко и очень выгодно, страшно и опасно быть с побежденными, но если все близкие и родные люди там, а ты не стал мерзавцем, разве можно о них забыть?

Вот и пьеса «Бег» теперь о том же самом, он не мог и не хотел становиться предателем. Тем более, не так уж много ему осталось

ГЛАВА 27 ЧЕРНЫЙ МОНАХ ПРОТИВ

Священник, взглянув на него, понял, что Мастер не с ними. И это было их главных просчетом в той многослойной игре, которую они вели. При том триумфе, который он переживал, это было явным поражением.

Они снова пристально смотрели друг на друга - Иосиф и Пилат. Силы второго были безграничны, силы священника на исходе. Но как же ему не хотелось отступить и проигрывать?

Иосиф первым отвел свой взор и отвернулся. Ему больше не было дела до всего происходящего в мире.

В тот момент и появился Афраний, всегда ненавидевший и часто презиравший священника. Он хотел защитить и поддержать властелина, понимал его с полуслова. Он готов был исполнить любое его желание, каким бы оно не оказалось. Афраний готов был если не на все, то на многое.

Священник вздрогнул, и сам не желая того, остановился заворуженный. Перед ним был человек, для которого в этом противостоянии все средства были хороши. Он никогда не перед чем не останавливался. Он непременно спутает ему все карты. От него исходила настоящая опасность. Иосиф напряженно ждал какого-то подвоха, и понимал, что все получит сполна.

Пилат чувствовал, что все подходит к развязке, ему надо завершить все свои важные дела. И желательно остаться целым и невредимым. У него был надежный помощник. Афраний навсегда останется с ним, они неразлучны в этом мире. Странно, если самым близким человеком остается Начальник тайной полиции, но случается в жизни властелина и такое. Пилат гордился тем, что было так.

Священник стал думать о том, что самое страшное для него, в чем он особенно уязвим. И страшно и темно было в истерзанной страстями интригами

душе. И самое горькое, довелось ему заранее узнать, что говорить и писать они будут об Иуде.

Странно побледнел Иосиф. Он сознавал, что его предательство значительно страшнее, чем то, другое. А ведь на первый взгляд все казалось не так.

И он послал своих слуг верных за Иудой. Но встретились они слишком поздно. Из этого ничего не получится. Вернувшись назад, те донесли, что кто-то, ему ли не знать, кто именно это был - конечно, Пилат его опередил. И в этом и заключалась его победа - он всегда умел быть впереди.

Странно, он до сих пор почти не думал об этом самозванце, как о серьезном сопернике. Страх и страдания заставили задуматься и оглянуться вокруг. Он ждал ударов со всех сторон, даже не представлял, откуда может последовать первый.

Иисус мертв. Он знал, что хотя это и не произносили вслух, но мертв и Иуда – эти двое прочно связаны, один не может обойтись без другого. Он же, Иосиф - останется жить. Но не очень понятно, что ему еще остается делать, как поступать дальше.

На рассвете после беспокойно ночи, едва перебирая ногами, он побрел к могиле Иисуса. Но Магдалина опередила его. А больше там никого не было – они долго оставались одни, какая ирония судьбы. Едва на нее взглянув, он отправился прочь. Ему совсем не хотелось чтобы кто-то, особенно она, его тут заметила. Его не берут пока к себе в рай вместе с этими несчастными, но его и в ад не принимают, вот в чем беда.

№№№№№

Мастер долго молча смотрел на тело Иуды и на метущегося поблизости Иосифа Каифу. Он чувствовал, что в такие минуты откровения может испытывать этот человек. Ему не позавидуешь. Но разве и все остальные много дней и ночей не пребывали в таком же состоянии?

Он устал и измучился. Приступы боли случались все чаще и становились со временем совершенно невыносимыми. В тот момент он и повернулся к

Афранию. Этот человек казался спокойным и невозмутимым, и ему виделся самой загадочной личностью. И что бы делал без него Пилат? Его решимость и обаяние все время помогали осуществиться задуманному.

Вот и гадай после этого, кто тут настоящий прокуратор.

- Я должен был творить добро, иначе бы все полетело к черту, - это говорил ему Афраний.

- А ты не боишься, что скоро придется отвечать?- спросил его Мастер.

- Пилат умоет руки и отойдет в сторону, как он уже делал, а ты останешься один, вот беда. Он никогда и ничего не станет делать сам. Он всегда будет наблюдать со стороны за происходящим.

Он поежился немного, и ничего не сказал.

Вспомнил почему-то об Апостоле Павле, тюремщиком которого был в свое время.

- Тебе есть в чем меня упрекнуть?

Если бы у него был тюремщик, только тогда бы он понял, что это такое.

- Я согласен, тебе хотелось искупить другие грехи.

- Тебе досталась королевская смерть, - усмехнулся Мастер,- сам Нерон заставил тебя отравить.

- Он боялся, что я обведу его вокруг пальца. Я был неприметен тогда, но хорошо исполнял свое дело. Ты утверждаешь в своем романе, что Пилат избавил его от мук, а ведь это сделал я. Он может и думал о том, но не было такого приказа, да и не могло быть. Это я, а не он, покончил с его муками. Кто-то должен был принимать решение.

Его иносказания и намеки толковать можно было как угодно, но разве имели они какое-то значение?

- Я на себя принял этот удар.

И печальная усмешка озарила в тот момент его лицо.

Мастер знал, что все это правда, и подумал о том, что надо изменить акценты в своем повествовании. Так будет достовернее, он не может переносить акценты.

Вымысел не должен касаться таких важных вещей. Просто ему хотелось приписать главному герою как можно больше добрых дел, как-то отметить его человечность.

ГЛАВА 28 ПРЕДАВШИЙ И ПРЕДАННЫЙ

Афраний мелькнул перед телом Иуды. Он знал, кто сделал это. Возмездие совершилось. Он сотворил черную работу, но связано это важное событие будет только с Пилатом. Было отчего прийти в ярость и уныние одновременно.

Но ведь кто-то должен выполнять черную работу, не так ли?

- О чем печалиться, - снова услышал он голос Мастера, - если с тебя будут списаны такие грехи. Убийство - не предательство, это только седьмой круг ада, но тоже серьезно.

- Но это мое дело, - возмутился он, - я не хочу, чтобы об этом забывали.

Он не находил себе места, не знал, как быть. Но Пилат брал на себя чужую вину, чему же нужно было возмущаться?

Он в общении со своими героями все меньше и меньше понимал сущность и роль каждого из них в этом деле. От этого становилось уныло и скверно на душе.

Афраний загрустил. Ему давно не хотелось оставаться рядом с Пилатом. Он был слаб и неприметен рядом с ним, а слабости он не терпел, особенно, когда оставался рядом с Мастером, а тот знал и видел много больше, чем все остальные. Тайный грех – это полбеды, а вот когда о нем становится известно творцу – это уже никуда не годится.

- Я первый узнал о его появлении в этом мире, - говорил он спокойно, - и я мог бы его спасти.

Но после этого он замолчал. Мастер понял, что говорил он об Иешуа. Он только подумал, что Афраний напрасно берет на себя роль бога. Не мог он спасти и погубить без ведома того, не мог бы, даже если бы очень захотел.

- Вместе с Левием Матвеем я слушал все его крамольные речи. Пилат не знает и десятой доли того, что было хорошо известно мне, - вдруг признал он.

Мастер молчал. Он не произносил больше ни звука. Это для него стало чем-то новым, хотя в сущности ничего не меняло.

Он не понимал, отчего это было так важно для самого Афрания.

Мелькнула дерзкая мысль, написать еще один роман об Афрании. Но это только мечтания. Он не успеет его написать, времени совсем не осталось. Но было и еще одно - он писал о властелине, а не о палаче, пусть и благородном.

Издаലെка за ним пристально следил Иосиф Каифа. Рядом с этими двоими ему не было места. Они не связывали его судьбу со своими судьбами, он так и оставался одиноким и неприкаянным скитальцем. Но разве не знал он с самого начала, что жрецы всегда были безымянны? У них так и не осталось имен. Они только тени, наделенные какой-то иллюзорной властью на короткий срок.

А те, кто становился героями - они все время пытались вырваться из этой тени. Но он знал о том, что люди Афрания неустанно следовали за ним по пятам - такова плата за ту самую власть на земле.

Как странно все складывалось. Кто мог знать и предчувствовать подобное. Иосиф возмутился, когда в очередной раз увидел людей, к нему приставленных.

- Что ты себе позволяешь, - почти шипел он, медленно приближаясь к Афранию.

Но он был бессилен перед палачом и начальником тайной полиции.

Как горько и страшно переживать насилие и бессилие. Он чувствовал, что ему придется подчиниться раньше или позднее. Но так просто и быстро он делать этого не собирался.

Постепенно он смог привыкнуть к тому, что его преследовали. Тогда и появился незаметный человек в круглых очках, которых он никогда не снимал, и хорошо, что не снимал. Но само явление встревожило его не на шутку.

Но когда он начал вкрадчиво расспрашивать Афрания о незнакомце, то понял, что тому ничего не известно, но очень хочется, очень нужно все узнать.

И на этот раз первосвященник почему-то поверил своему вечному противнику. Он стал приглядываться и прислушиваться к молчаливому вездесущему человеку, надеялся на откровение и понимание, хотя это и казалось наглостью с его стороны.

Но за все время они не перекинулись не единым словом. Возможно, он просто боялся услышать правду. Но он сполна почувствовал, как пугает человека неизвестность и неопределенность.

Афраний злился - как он не старался, ему ничего не удавалось выяснить.

- Абадонна, - он долго не мог запомнить этого странного имени. Все время искажал и путал его, но боялся, что тот может на него обидеться.

А незнакомец кожей чувствовал, насколько он возбуждал главного палача и первосвященника. Ему нравилась эта игра.

- Лучше не знать ничего, знания умножают печали, - неожиданно ответил он, когда уже жертвы не ждали от него ответа.

- Я здесь, и это мое дело.

Абадонна всегда был немногословен, а с главным полицаем особенно.

Он посчитал, что этого объяснения достаточно.

Афраний понял, что незримыми путями Абадонна следовал за человеком, и у него была какая-то необъяснимая и непонятная миссия в этом мире.

Но зачем он появился и что можно от него ожидать?

Мастер со стороны внимательно следил за их страхами и волнениями. Он знал, что далеко не всегда автору удастся видеть своих героев. У него была такая уникальная возможность. Он уходил от реальности и оставался за ее гранью. Здесь не ощущалась адская боль, которая была нестерпима там. И мировые проблемы, гибель и страдания, они не позволяли ему задуматься о том, что происходило с ним самим. Он словно бы оставил больное, почти безжизненное тело в другом мире. Это путешествие совершала только душа. Она видела, слышала, воспринимала все, но не болела - это главное его завоевание в мире.

ГЛАВА 29 ТАЙНА АБАДОННЫ

Абадонна так и остался для них вечной тайной. Те немногие, знавшие его имя никогда не решились бы произнести его - Демон смерти, Демон безжизненной пустыни, - так нарекли его когда-то.

Мастер помнил, что в начале XX века его называли черным монахом на свой лад, а во времена атеизма просто черным человеком. Он все время возникал в критические минуты, и оставался самым дурным вестником и палачом одновременно. Такой печальной была участь у этого темного демона.

Но ни в какие времена никто не решился бы и близко к нему подойти.

Афраний, как и любой нормальный человек, маясь от любопытства, шагнул не к нему, а к пророку. Ему все должно быть известно, но от него не исходило такого дикого холода.

Он чувствовал, что не успокоится, пока не поймет, кто на самом деле к нему пожаловал.

Пророк взирал на него свысока, хотя они были одного роста. Он считал и Афрания добрым человеком, но не хотел ему ничего объяснять. Если ты сам не видишь и не знаешь, то другой не сможет тебе ничего объяснить. Он не хотел говорить обидных слов, потому и молчал.

Лицо его оставалось при этом каменным. И Афраний почувствовал себя в замкнутом кругу. Как можно простому смертному, пусть и служащему в тайной полиции, вырваться из объятий смерти?

Почему эти двое не могут быть вместе, как странно они друг против друга настроены. Это казалось ему необъяснимым.

- Он с тобой? - наконец спросил Афраний, надеясь узнать хоть что-то.

- Он сам по себе. Он никогда ни с кем не бывал и ни в ком не нуждался, - говорил в тот момент пророк, - но мне не хотелось быть его противником, - тут же прибавил он.

Абадонне, следившему за ними и все слышавшему, этот ответ странно понравился. Но он ничего не пояснил палачу. И тогда Афраний отправился к Пилату.

- Рядом с пророком появился Ангел Тьмы, - заговорил он сразу после позволения прокуратора.

Оба помолчали немного. Пилат ни о чем не стал его спрашивать.

Пилат не хотел признаваться в том, что ему ничего не известно.

- Если у него что-то не получается, он всегда может все списать на силы тьмы. Но на кого опираться мне? На каких ангелов и на каких бесов можно надеяться? У него никогда не было союзников - только противники.

№№№№

Мастер позвал, и Абадонна к нему повернулся.

- И это твои герои, ты полжизни с ними возишься, но толку от них нет никакого. Один оступился и отрекается от всего на свете, второй суетится без всякого толку.

- У меня нет других героев, - развел он руками. - Мир утонул во зле, им просто не нашлось здесь места, я не видел, не знаю их, как же мне писать других?

- Но кто же из читателей будет сочувствовать им? - пожал он плечами, удивленно усмехнувшись.

Но он видел, что Мастер не собирается от них отказываться. Он был обижен и выказал свою обиду.

- Ты уделил мне слишком мало места. И я намерен исправить эту несправедливость.

Мастер усмехнулся. Он не мог поверить, что Абадонна говорил серьезно. Неужели его может волновать, сколько места у него в романе. Он шутит, издевается, или это так и есть?

- Я хочу взглянуть на две смерти, - заявил он, направляясь к двери.

- А сам ты в этом будешь чувствовать? - недоверчиво спросил Мастер, хотя ответа и не требовалось. Взглянуть на смерти, это и значило принять участие в действии, разве не так?

- Пусть твои герои думают, что они вершат судьбы, но мы с тобой будем знать, как это было на самом деле. Это все полуправда, а не ложь.

- Ты собираешься прослыть главным палачом? - спросил его Мастер, - хотя вопрос был излишен, никем другим Абадонна и не мог быть никогда ни в этом, ни в каком другом мире.

-Этот твой век еще более жуток, чем все, что было до него, - подчеркнул Абадонна, - и там для меня полное раздолье, хотя мне не нравится все, что творится там, но куда же им без меня?

Ну, если он так считает, то о чем же думать остальным?

Афраний в то время возился с Иудой, и предатель сделал палача еще сильнее, чем он был прежде, но Абадонна не собирался занимать его место, его вполне устраивало собственное.

Пусть потешится, на его век еще хватит расправ, никогда не переведутся палачи в этом мире, наоборот, со временем они только звереют.

Они столкнулись снова в тот момент, когда был отпущен Варавва. Иосиф торжествовал победу над Пилатом. Абадонна видел, как злился Афраний.

- Он погубит себя,- думал Афраний о священнике. Вдруг его взгляд встретился с Абадонной, хотя трудно было сказать, куда тот в это время смотрел. С той минуты они оба бездействовали.

№№№№№

Резким, яростным жестом направил Афраний воина к среднему распятию, к кресту, где был Иешуа. Воин оглянулся на него еще раз, словно желая убедиться в том, что правильно понял приказ. Он вернулся и что-то буркнул. Но Афраний, не отрываясь, не мигая, смотрел на мертвое тело. Он сделал на этот раз все, что смог, муки прекращены, пророк мертв. Почему же тогда так погано у него на душе?

Пилат не смотрел на своего помощника, он искал в толпе Абадонну и был уверен в том, что тот где-то рядом. Раз все так случилось, то по разумению прокуратора без Абадонны тут не обошлось

ГЛАВА 30 КАЗНЬ И НАКАЗАНИЕ

Пилат искал Абадонну и никак не мог его обнаружить.

- Он прячется от меня?- с грустью подумал Пилат. - Каин в наказание за расправу над братом получил бессмертие, его никто не мог убить. Но ведь это другой случай. Тогда почему он снова вспомнил эту чертову легенду?

Страшное волнение и тревога охватили его душу, - исполнил ли он то, что было задумано, поверили ли они ему? Как это можно было узнать наверняка?

Абадонна был здесь, но почему для него он оставался невидим?

А тот, зная о его мыслях и страхах, усмехнулся презрительно.

- И Христос, и Иуда перед гибелью последнее, что видели, его жуткое лицо. Афраний оставался исполнителем - незаметной тенью. Это было его обычным состоянием и ролью на все времена. Никому в этом мире не удавалось избавиться от него. Абадонна правил балом и оставался первой скрипкой, не потому ли он сетовал на то, что роль его в повествовании оказалась такой ничтожной.

- Я сделаю для него доброе дело,- уверял Абадонна, - как тяжело было бы ему жить с таким грузом.

- Значит, моя догадка была верна, - обрадовался своему странному открытию Мастер, - он только пешка в руках Иосифа и Пилата.

- У него нет возможности ничего решать самому, но и они без него ничего не значат.

Афраний забрал серебряные - плату Иуде за предательство и бросил их в окно Иосифу. Об этом говорил Пилат. Так по его замыслу должно было все происходить, хотя сам он считал это сном.

Странный звон раздался там, со всех сторон бросились к нему стражники с псами, но его уже и след простыл.

Но другой безумный человек, в тот момент, когда воины гонялись за Афранием, аккуратно и бесшумно подтащил тело Иуды к крыльцу дворца первосвященника, и не замеченный ни одной живой душой, тоже исчез.

Только мертвый Иуда оставался лежать перед крыльцом и дожидаться, пока его там обнаружат...

Был ли он молод и красив, как утверждал Мастер в своем романе? А кто его знает, нельзя разглядеть мертвого Иуду в кромешной тьме, особенно, если луна даже не собиралась появляться на небосклоне.

Да и какая разница, если он был мертв?

№№№№№№№№

Иосиф все слышал, но ничего не мог видеть. Какое-то время он все еще оставался в своих покоях, не в силах даже пошевелиться. Он предчувствовал, что за стеной происходит что-то невероятное, чудовищное. Он видел это в странных снах, но до последнего верил в то, что в реальности такого случиться не может, это только плод его фантазии.

Он поднялся, когда шум немного утих. И заметил у порога, где не было стражников, какое-то тело. Сначала он решил, что убили кого-то из его людей. Но приблизившись, и заглянув на мертвое лицо, он узнал Иуду. Ему показалось, что тот свалился к нему прямо с неба, за миг до того, когда он вышел на крыльцо

Он звал в панике и ярости своих слуг. Они долго не откликались.

Первосвященник метался в бессилии и одиночестве по дому и двору, но ничего не мог поделать. Столкновение со смертью странно сильно на него подействовало на этот раз.

№№№№№№№№№№№№

Афраний появился перед Пилатом. Очень тихо, так, чтобы никто не услышал, он рассказывал о том, что происходило за стенами его дворца.

- Иосиф отправил донос в Рим, - тебе не удалось его не убедить, не запугать.

Он считал, что это известие для Пилата самое важное, потому с него и начал свой доклад.

Пилат отвернулся к окну. Он не хотел, чтобы Афраний видел его глаза. Если они и на самом деле зеркало души, как считают поэты, то пусть его душа останется потемками для начальника тайной полиции.

А потом он говорил о деньгах, которые подбросил священнику, о мертвом теле, его видно уже нашли у него на пороге, еще о каких-то мелочах, случившихся этой ночью.

- В мире все устроено справедливо, а если нет, то мы поправим несовершенный мир, - философствовал он, - каждый получает по заслугам.

Пилат усмехнулся. Он знал лучше остальных, как вершится такая справедливость. В нее могли верить только те, кто был страшно далеко от власти, от абсолютной власти. Если она и живет в мире, эта справедливость, то только в каких-то мелочах.

Иосиф, наконец, дозволялся своих слуг.

- Черт бы вас побрал, - взревел он, - откуда это здесь взялось? Надеюсь, его убили не на моем крыльце?

- Его убили совсем в другом месте, здесь нет крови, хотя рана очень глубокая, - говорил начальник его охраны.

Могло ли такое наблюдение успокоить первосвященника, или уже ничто и никогда его не успокоит больше?

- Так унесите его подальше, зачем он мне тут нужен, совсем скоро рассвет. Где это видано, чтобы трупы разбрасывали перед нашими дворцами.

Он не сомневался в том, что это дело рук Пилата, но он ничего не мог доказать.

Не было никаких доказательств и улик. Когда станет известно о смерти Иуды, он снова только умоет руки перед толпой и усмехнется, а все шишки посыплются совсем на других людей.

Вот вам и справедливость.

Пилат сам собирался в Рим. Он ни дня больше не собирался здесь оставаться. Об этом он и сообщил Афранию. Тот собрался вместе с ним. Так и было поспешно принято самое важное решение.

Он не стал заезжать к Иосифу. И тот, проснувшись поздно после ночных походов, узнал о том, что дворец прокуратора пуст.

- Да как он смеет, что за самоуправство! Пусть попробует вернуться назад. Но он не сомневался в том, что Пилат не вернется никогда, останется там для него недостижим, обольет его грязью перед Цезарем.

Но еще больше разъярился он, когда узнал, что вместе с ним отправился и Афраний. Такого начальника тайной полиции ему было не найти никогда, а он просто предал и бросил его.

- Разве ему не все равно, кому служить?- спрашивал он, - чем интересно так хорош этот коварный Пилат, чем я так плох? Будь проклят этот Афраний, пусть катится ко всем чертям.

Но Иосиф знал, что когда пройдет ярость, он еще пожалеет, и не раз пожалеет о том, что Афрания больше нет с ним, незаменимые люди есть, особенно в тайной полиции.

ГЛАВА 31 В ЗАЩИТУ АФРАНИЯ

Без всякого сожаления оставил в опустевшем граде Мастер Иосифа. Тот добился желанного покоя. Жаль, что все получилось не так, как ему этого хотелось, но почему кто-то должен был исполнять его желания. Знал Мастер, Иосиф догадывался, что ни одна живая душа не проникнется к нему сочувствием, никто его не оправдает и не пожалеет.

- Ты защищаешь Афрания, - удивилась внимательно слушавшая его Маргарита.

Она все время смотрела в сторону Матвея. И была уверена, что если кто-то и заслуживает сочувствия, то ученик, а не начальник тайной полиции.

- Прости им Господи, не ведают, что творят, - с грустью вслед за расстрелянным последним императором повторил Мастер. Да, им пришлось пережить казнь детей и слуг последнего императора, которые точно ни в чем не были повинны. Но мог ли он молиться за врагов, как царица Ольга, или только бездумно повторял знакомые слова?

Он дивился тому, что его любимая так вцепилась в ученика, разве она не понимает, что порой от учеников, или тех, кто ими прикидывается, бывает больше вреда, чем от палачей и полицеев, которые без таких учеников и добровольных помощников ничего не смогли бы сотворить?

- Чем он мог так привлечь ее, почему ему уделяется столько внимания, - думал он, стараясь разгадать эту загадку.

Он упрекал себя за то, что отстранился, так далеко ушел от реальности. В этом было что-то грустное, а возможно и трагическое.

- Так мало осталось земного времени, но как можно так бездарно распоряжаться вечностью?

№№№№№

Афраний больше не скрывал любопытства. Он заглянул в книгу Мастера, наделавшую столько шума, не только в этом мире и в этом времени, но и там, куда им удалось заглянуть за грань бытия.

- До сих пор я читал только то, что было связано со мной, - признал он, не скрывая самодовольства своего, - но как тебе удалось все угадать?

- Я там был тоже, не только ты и Воланд, но и я там был, - задумчиво говорил он, и потом еще долго молчал.

- Но почему Пилат? Князь Тьмы, я уж не говорю об остальных, должен был обидеться, видя твой выбор. Он был только одним из нас, и вовсе не главным героем, разве не так?

- Это необъяснимо, если ты имеешь хоть отдаленное представление о том, что такое творчество, но ты должен понять, почему ни Иисус, ни Князь Тьмы, а он - просто так написались и все.

Афраний был обижен за себя. Ему не хотелось оставаться только тенью героя, но по реакции Мастера он понял, что убедить его ни в чем не удастся. Автор сам волен выбирать о ком и как ему писать. А возможно, он все увидел совсем не так, как хотелось кому-то.

- Пилат должен удивиться и обрадоваться, если он вообще на это способен, - говорил в тот момент Афраний.

Он захлопнул рукопись и устремился в безводную пустыню, чтобы найти Абадонну. Хотя и он не мог объяснить, для чего это ему было нужно. Ему хотелось испытать себя, тень ли он прокуратора, или герой, способный отделиться и воплотиться, жить отдельно.

Понять это, особенно после романа было очень трудно.

Через несколько столетий он решился нарушить покой Демона Смерти. До сих пор на это не хватало духу. Наверное, он был первым в мире, кто искал Демона смерти с таким яростным упорством.

И Абадонна стоял уже перед ним. Он был спокоен, и отрешен. Поиски Афрания его немного удивили, но не рассердили. Приятно сознавать, что и тебя может кто-то искать. Особенно если такое случается впервые.

-Я бессмертен, но всегда ищущу гибели, - развел он руками вместо приветствия.

- Как ты можешь быть так бесстрастен?- спросил Афраний удивленно.

- Это ты меня спрашиваешь?- бесцеремонно отвечал Демон вопросом на вопрос.

-Ты не собираешься от меня отступиться?

- Я не отдаю предпочтения ни одному из них, - отвечал Демон спокойно.

После этих слов они отшатнулись друг от друга. Афраний понял, что поиски и все усилия его оказались напрасными.

№№№№№

Мастер уже несколько минут наблюдал эту странную встречу. Он стал вольным и невольным свидетелем, потому что сам задумал ее, подтолкнул героев друг к другу, чтобы посмотреть, что же будет там происходить.

- Они в безжизненной пустыне,- поежилась Елена, заглядывая через его плечо, - какая же там жара и пустота. Я не хотела бы там оказаться, где угодно, но только не там.

- Но ад и рай придумали сами люди, - воскликнул Мастер, - нам с тобой нужен уголок покоя, маленький домик и виноградник. Ты видела уже это место в романе. Оно где-то существует и ждет нас. Никаких пустынь, никакого Пекла, все будет прекрасно, только это совсем другое измерение, невыразимое словами и не понятное живым.

Елена хотела сказать, что в реальности ему придется ждать ее несколько десятилетий, ведь она должна будет остаться, как они и решили, ради романа, ради всех его творений, и чтобы добиться своего, чтобы творение увидело свет.

Нет в мире человека, которому бы она все доверила, чтобы уйти с ним спокойно. Это еще одна трагедия в их реальности. Нет ни одного надежного человека.

Они оба думали об этом, но заговорить так и не решились.

- С любимыми не расставайтесь, - эта строчка почти стихотворения витала в его памяти, но он не смел продолжить, не смел даже озвучить ее, потому что это неосуществимо, а если она поддастся на его уговоры, тогда творение всей его жизни никогда не увидит свет, и в том будет виноват только он сам... И каково им будет в том домике, который они для себя успели придумать?

№№№№№

А Афраний тем временем все никак не мог расстаться с Демоном Смерти. Он уходил и возвращался снова. Он боялся, что если сейчас поспешно уйдет, то уже не сможет вернуться назад, и не узнает самого главного.

- Я хочу знать, что делал я сам, и что там творилось без моего ведома, - приближался он все яростнее к Демону Смерти и истине.

Тот молчал, не понимая такой дерзости.

- Я убивал предателей, у Данте это 9-й круг ада, все остальное - твое. Иисуса можешь оставить себе, у меня на него рука бы не поднялась, а Иуду отдай мне. Это как раз тот, кто требуется.

Он замолчал, всем своим видом показывая - разговор окончен, но избавиться от Афрания даже Демону Смерти было не так просто.

Но они оба исчезли в этой пустыне, растворяясь среди бесконечного песка. И уходили эти двое уже навсегда. Хотя Демон смерти умрет последним, когда погибнет этот мир, это Мастеру было прекрасно известно. Отдавая Афранию Иисуса, он сыграл с ним злую шутку, подчеркнув, что сам творил добро, а к злу отношения не имеет.

№№№№№

Мастер вздрогнул. Невольно прикоснулся к своим глазам. Елена взглянула на него с тревогой. Что еще могло случиться? Могло ли быть еще хуже? Пытается снять черные очки, которых у него сроду не было?

Какое - то время он молчал.

- Я никогда не представлял себя Абадонной. Ничего подобного не мог бы поделаться. Но иногда, когда хочется им отомстить, жалею, что не могу им быть.

- Но что случилось, дорогой, - в голосе Марго звучала тревога.

Она старалась оставаться спокойной, но догадывалась, о чем он говорит.

- Я ничего больше не вижу, - с ужасом признался он, - думал, что это черные очки, но их нет, а я ничего больше не вижу.

Мастер понимал, что подтверждались худшие опасения.

- Я знал, что именно так все и будет. Я слишком часто отключался от мира, теперь он решил выключить, вырубить меня. Это ему удастся сделать.

- Ты все видел, - говорил Абадонна, - ты так долго стремился к темноте и заигрывал с ней, что она не могла не ворваться в твою жизнь. Но тебе повезло,

ты не был слеп от рождения, ты все видел и запомнишь навсегда, хотя, что для тебя слово, - только пустой звук.

Молчание длилось вечность. Потом он собрался с силами, понимая, что не все потеряно.

- Роман, - прохрипел он, - Марго, читай медленно, будем править, у меня совсем нет времени.

Елена видела, как он устал, но отказать ему не смогла. Она чувствовала, насколько это было важно для него, не только для него, но и для нее тоже.

Неслышно опустилась она в кресло перед кроватью, он коснулся ее колен ладонью, чтобы убедиться, что она рядом. Его руки дрожали от напряжения. И снова началась изнурительная, кропотливая работа, он погрузился в ткань повествования, и уже не знал, в этом или в том мире был, слепота размыла границы, отдалив его от реальности и приблизив к вечности. Она заставила забыть обо всем и о мире самом.

Погрузиться в текст, спорить с героями, влиять на них - это была последняя радость, которая ему еще оставалась.

№№№№№№№№

В видениях возникли его герои, даже когда в дом приходили реальные люди и пытались вести с ним беседы, он не только не видел, но почти не слышал их, ступив за грань разбитого зеркала.

Это был поэт, самый знаменитый, и прекрасный, когда-то наделавший столько шума. Но этот шум не смолкал и после его ухода в том Августе.

Он помнил, как рассказывала Анна, каким неузнаваемым и странным был этот Демон потом, в гробу, его невозможно было узнать. Но Мастер не видел его таким, а помнил молодым и неотразимыми, настоящий Снежным королем, властелином снегов. Девицы валялись замертво перед ним. Они готовы были на любые безумства ради ночи с ним. И всем остальным собратьям по перу оставалось только завидовать ему самой черной завистью. Но когда это было, да

и существовал ли тот мир вообще? Как быстро были стерты и в реальности и в памяти его следы. Он казался далеким, полузабытым сном.

Великолепный ушел вовремя, не успел убедиться, что в этом мире им всем больше не было места. Никто не смог бы тут выжить никогда.

Но он стоял у окна и улыбался, и был великолепен.

Откуда взялись эти строчки, их читала Елена, и он слушал, вернее, она была уверена, что Мастер спит, потому и читала, отвернувшись к окну, листая какую-то тонкую книжку.

Она исчезает, во мраке она растворится,
А он не окликнет. Останутся только стихи.
Лишь маски мелькают в метели, теряются лица.
За ним, как метель, незнакомка напрасно летит.

Смеется старик, в эту бездну его увлекая,
Молчит пианист, и хрипит обреченно рояль.
И только цыганка, из вьюги немой возникая,
Танцует, над бездною, сбросив одежды, он шаль

Протянет ей снова, укутает он, обнимая,
О, жрица немая, с тобой откровенен поэт.
Тебе он поверит, актрисы притворно рыдают,
И громко смеются враги, и прощенья нет.

Игрушка судьбы, чародей запоздалой метели,
Куда он несется, и с кем проведет эту ночь?
В пылу маскарада, куда его тройки летели,
И черная роза покорно лежала у ног.

Страшна его власть, а стихи его странно прекрасны,
Там Демон безумный впервые парит в небесах.
Молчит Пианист, все мольбы и усмешки напрасны.
Коснуться щеки, утонуть в этих синих глазах,

И после не жить, а писать и случайно встречаться,
И память хранить о растаявшей где-то вдали,
Отчаянной встрече, им было обещано счастье,
Безумное счастье, но им не дожить до любви.

Как странно звучали в этой темноте и пустоте чужие строки стихотворения.

Они не то чтобы нравились ему больше других, просто Мастер подумал о том,

что есть другой мир, и он не перестал существовать просто потому, что Мастер его не принимает, вероятно, для кого-то он прекрасен, и им можно восхищаться.

- За все эти годы ты не успел даже романа о Дьяволе дописать. И стоило ли это всех тех диких мучений и унижений, которые на тебя обрушились.

- Я допишу мой роман, я оставлю им завещание.

- Они не прочтут, а если случится чудо - ничего не поймут, а возможно даже и не издадут его вовсе. Прости за жестокость, но надо посмотреть правде в глаза.

- Но наступят иные времена, - не сдавался Мастер, - мне пора уходить, но я вернусь, обязательно вернусь тогда, когда все в мире изменится к лучшему.

- Он ушел, - Мастер повернулся к Елене, она отложила тетрадь в сторону.

- Скажи, дорогая, я был слишком груб?

Она вспомнила о декабре, когда зрение к нему неожиданно вернулось, тогда он ликовал, убедившись, что снова может видеть. Невозможно себе представить, что значит увидеть мир после месяцев крошечной тьмы. Тогда он казался почти здоровым, прежним. Даже она обманывалась в те дни, потому что так хотелось обмануться.

А потом этот февраль. Они говорили об Италии, о ее благодатном климате, о том, что они смогут уехать туда хотя бы ненадолго. Дивные мечтания о путешествии в сказочный мир и исцелении завладели душами. Но каким твердым, каким негибким человеком она была. А он не хотел верить в то, что Италия уже для него недостижима, невозможно до нее дотянуться – это иное измерение, по крайней мере, в этой жизни.

Наступило 10 марта, когда он переступил роковую черту и отделился навсегда от мира.

Мастер ушел совсем. На рассвете он окончательно растворился где-то в облаках.

На похоронах, кто-то повторял услышанную от него фразу:

- Я ухожу, но я вернусь. Я вернусь внезапно.

Новодевичье кладбище - усыпальница знаменитых деятелей всех страстей и мастей. Тиран не забыл своего непокорного и тайно любимого писателя.

Усыпальница великих и заслуженных встрепенулась на мгновение, когда туда принесли гроб с его иссохшимся телом, облаченным в старый костюм, на новый не было денег. Далеко не все решились идти туда за его гробом. Ведь он умер, а им еще на какой-то срок оставаться в этом мире. Чекисты окружили их со всех сторон, а как же по-другому? Без тайной полиции никак не могли обойтись ни одни похороны творцов.

И самые яростные атеисты украдкой крестились и говорили о тенях, метавшихся над миром, о всадниках, уносившихся прочь.

Елена Сергеевна и сама видела, как они металась и уносились, и снова возвращались на то место, туда, где был захоронен его прах. Только она вынуждена была отправиться в пустую квартиру и продолжать жить. Не просто жить, но и действовать, чтобы осуществилось то, о чем они мечтали. Она смотрела отсутствующим взглядом на все, что их окружало, взяла рукопись, над которой они работали несколько дней назад, и прижала ее к груди.

Еще пара экземпляров была надежно спрятаны на всякий случай, так, чтобы чекисты не смогли их отыскать.

Больше не надо ждать смерти и нечего бояться. Можно немного передохнуть, а потом взяться за дело. Она оглянулась на печатную машинку. Потом следовало тщательно привести себя в порядок и отправляться к друзьям и лютым врагам. Вдова усмехнулась, ведь одних от других часто невозможно отличить.

А Мастер в тот момент возвращался домой по лунной дорожке. Как горько и страшно, что пока он там будет совсем один. Она не думала и не хотела думать о грядущем дне.

Самым главным теперь будет для них тот день, когда он встретит ее на лунной дорожке перед вечным их домом. Тогда она ему и расскажет, как все в мире было без него, что ей удалось, и чего не удалось сделать.

ГЛАВА 32 ПОСЛЕ МАСТЕРА.

Тьма опустилась на город Ерашалим. Она заполнила и пространство над Москвой. И до конца века очень трудно, почти невозможно было миру избавиться от этой тьмы. Но потом выплыла луна, и на лунной дорожке появились двое.

Немного усталая женщина шла рядом с юношей со скрипкой в руке. Они шли навстречу друг другу, и странными видениями казались в этом лунном свете. Они внимательно смотрели на то, что происходило вокруг. Но с первого взгляда было понятно, что они должны были встретиться на этой дорожке, сейчас, сколько бы лет не прошло, сколько бы жизней не миновало, для них все оставалось неизменным. Они должны были снова встретиться.

Они могли какое-то время обходиться друг без друга, могли только помнить или видеть во сне один другого, могли и вовсе не совпасть во времени и пространстве, но они снова и снова встречались. Тогда все в мире преображалось, расцветало удивительными красками.

Наверное, она могла прожить одну жизнь и без него. Только они все-таки встретились. Он был юн, и стал невероятно талантливым музыкантом. Ему воздалось в этой жизни за прошлые муки. Она дивилась тому, как он юн, и это немного тяготило королеву.

- Тебе хотелось бы видеть меня дряхлым и немощным стариком, дорогая? – спрашивал великолепный скрипач.

Королева молчала, она не ведала, что же ему ответить.

Это могло стать непреодолимым препятствием для кого-то другого, но не для них. Они же, впервые взглянув друг на друга, тут же узнали друг друга, хотя еще не произнесли ни единого слова. Они так хорошо понимали, что им вовсе не

нужны были слова. Как-то странно преображенная мелодия «Лунной сонаты» звучала близко, рядом и чаровала влюбленные души. И она первой протянула ему руку. Скрипач казался таким робким и застенчивым. Но поразительная внутренняя сила сразу выделала его.

- Я так долго ждала этой встречи,- говорила Алина, - иногда мне казалось, что мы не встретимся уже никогда.

- Но ты же знаешь, что этого не могло не случиться.

-Ты так юн, что я чувствую себя настоящей старухой, - говорила Алина.

- Да какое значение имеет возраст, если мы встретились и любим друг друга.

И в тот момент Алина проснулась. Она снова вспомнила спор о культовом романе. Говорили о том, что он влечет за собой в бездну, а из нее потом крайне трудно будет выбраться, снова вернуться к свету и к жизни.

Но даже если он прав. И тогда она не смогла бы отказаться от того поразительного чуда, каким он был. Она знала, что вспомнит свою прошлую жизнь и обязательно напишет продолжение.

Только сон, странный сон о встрече с юношей, о музыке не давал ей покоя. Она узнала в нем и его музыке своего Мастера и снова рванулась к нему сквозь время и пространство..

Сон не был случайностью – это знак, она встретится с ним в ближайшее время. И на этот раз они останутся вместе, и они будут счастливы, потому что должны рано или поздно закончиться страдания, они не могут длиться бесконечно.

Им будет даровано счастье, и они на этот раз доживут до любви.

Лирическое отступление

Хранители снов на острове грез. Маргарита Мастеру

А знаешь, мой милый, построим мы дом из камней,
Меж морем и небом усталые души уютятся,
И пусть в этом мире не будет жестоких людей,
Лишь добрые звери и духи вокруг суетятся.

На что нам все грозы и грезы на острове снов.
Есть дом и дорога, она уводила куда-то.
И рукопись снова читать ты и править готов,
И вдруг прилетает к нам дерзкий посланник крылатый.

Не Ангел - Гермес, его Зевс отправляет сюда,
Подарки и грезы нам шлет в тишине Афродита,
Так жизнь коротка, в этом доме с тобой навсегда
Останемся рядом, пусть будет отрава забыта.

И только Дриады чаруют наш мир при луне,
И песня русалки тебя не пугает, ласкает.
А если зайвится Пан одинокий во тьме,
Мы с ним вечеруя, сюжеты опять обсуждаем.

Смотри, медвежонок и ежик сидят на пеньке,
И листья пришили, и больше деревья не голы.
А знаешь, мой милый, от шумных людей вдалеке
Построим свой мир, этот чудный, таинственный город.

Мы старые мифы припомним, и снова в тиши
Мы дивные сказки отправим им – наши посланья.
Таинственный остров – там рай для усталой души,
Нет, нет, не покой, созерцанье, любовь, пониманье...

Но пусть в этом мире не будет жестоких людей,
Лишь добрые звери и духи вокруг суетятся.
А знаешь, мой милый, построим мы дом из камней,
Меж морем и небом, какие же сны нам приснятся.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОРФЕЙ ВЫРЫВАЕТСЯ ИЗ АДА

Как одухотворен и прекрасен был этот юный Орфей. Когда он появлялся на лесной поляне со своей скрипкой в руках, мир преображался. Все феи слетались, чтобы послушать его и прикоснуться к удивительной музыке. А еще им хотелось заглянуть в эти печальные и бездонные глаза.

Он любил их всех, дарил радость всем, и отстранялся в тот миг, когда прекрасное создание позволяло себе какие-то вольности.

Нет, Орфей не мог, подобно многим гениальным и одухотворенным личностям, размениваться на всех. Он дал слово своей богине, что подарит свою любовь только той единственной, которая сможет зажечь огонь в его душе. Остальные же, как бы прекрасны они не были, останутся только бесплотными тенями, и никогда не коснутся его окрыленной души.

Глядя в его ясные глаза, богиня тревожилась. Она понимала, как трудно любому дождаться этого часа, но еще труднее, вдруг встретив ее, убедиться в том, что она тоже любит именно его, а не только его прекрасную музыку, и ту славу, которая словно нимб, с самого начала витала над его головой.

Богиня встрепенулась, когда увидела то, что происходило в этом мире помимо ее воли. Вовсе не юная фея, а сама богиня ночи Ника взглянула своими зеленоватыми немного косящими глазами на таинственного музыканта, и, припомнив своего первого возлюбленного, от которого только одна память и оставалась в этом мире, посмотрела на Орфея во второй раз, а потом еще. Это становилось слишком опасным.

И Орфей смотрел на нее и для нее одной играл свои чудные мелодии. Но наивный юноша не мог знать, что коварная богиня видит в нем совсем другого. И самое удивительное, что тот не был так одухотворен, так талантлив, он просто был мертв, а потому и казался безупречным, ведь во все времена об ушедших говорили только хорошо, или ничего не говорили вовсе. А пока он был жив, то не мог тягаться с мертвецом.

Это была очень старая и красивая история любви. Но она давно завершилась, и только дерзкая богиня тьмы полагала, что она может воскресить ее, что все вернется, и боги подарят ей снова страсть преломляющуюся в любви.

Вот и появился этот юноша, а музыка его смогла бы очаровать любого, и темная богиня поддалась очарованию и таланту.

- Остановись, - хотелось крикнуть богине любви, - не смотри на нее, не пробуй этой отравы, ты погибнешь, как и все, кто сталкивался с ней до тебя.

Она мешкала одно только мгновение, но стрела Амура была уже выпущена из лука, и она попала точно в цель.- душа музыканта была смертельно ранена отравленной стрелой.

Когда появилась юная и прекрасная Эвридика, та самая, которая и была предназначена ему судьбой, он не обратил на нее внимания. На этот раз ее любовь оказалась безответной, как не пыталась дева завоевать сердце музыканта - усилия были пусты и напрасны.

Она рыдала и убивалась, она ничего не могла понять, и никто не объяснил ей, что мойры - богини судьбы, просто немного изменили ее по собственным капризам, им так хотелось доставить приятные минуты богине ночи. И в глубине души они понимали, что ничего из этого не выйдет, им ли не знать такое, но они подарили ей чудо, которое и не может быть долгим.

- Ну и прекрасно, - сказала королева фей, - когда она погибнет, а она все равно обречена погибнуть, он не будет страдать, а останется жить, и сможет дарить нам свою музыку. Почему в прошлый раз мы не догадались о подобном. И по какому закону музыкант обязательно должен любить смертную, страдать, и отпущаться в ад, если этого спокойно можно избежать. Разве наш Орфей не достоин большего?

Только усмехнулась богиня любви, но на лице ее застыла печаль.

- Ты видишь лишь одну сторону всего, что тут происходит. Но сердце его не останется глухим к чувствам, он слишком прекрасен и талантлив для этого, а если он не смог заметить эту деву, значит, в его душе уже поселилась другая любовь.

- Вот и замечательно, - говорила королева фей, - это будет другая история, возможно, не такая печальная, а то и вовсе счастливая.

- Ты живешь в мире целую вечность, разве ты не понимаешь, что не может быть, никаких больших перемен в судьбе таких людей, как наш Орфей. Люди если и меняются, то очень мало, он таким и останется, как был прежде.

Фея знала, что богиня никогда никому не лгала, даже когда надо было лукавить во спасение, она неизменно говорила правду, но разве не могла она при этом заблуждаться?

Всем всегда хочется надеяться на лучшее.

№№№№№

Когда Эвридика брела, не разбирая дороги, и понимала, что она не избранная, а только одна из всех, кто окружает музыканта, она не чувствовала опасности, ничего вокруг не замечала. Что это были за страдания, даже бог подземного мира Аид не мог терпеть такого отчаяния. Он прекрасно знал, что это богини, издеваясь или развлекаясь, все подстроили. Но он любил Персефону, и не хотел, чтобы страдала такая же юная и прекрасная девушка, страдала только из-за того, что им захотелось изменить судьбу этого музыканта, с которым они так носились. Змея, выпущенная Аидом, вонзилась ей в обнаженную ногу, и она рухнула на землю. Пронзительный крик пронесся по поляне.

Вскрикнули и вздрогнули феи, еще минуту назад самозабвенно слушавшие Орфея, он только бросил взгляд в ее сторону и прошептал:

- Бедняжка, она была так молода.

И все, Орфей забыл о ней еще до того, когда смолк крик, он играл снова, потому что ждал и звал ту, которая с первого взгляда и навсегда похитила его душу. Печальной была его музыка, но он уже не помнил про Эвридику, мало ли кто внезапно умирает в этом странном мире. Он не мог жить без своей богини. И даже не задумывался о том, что любая богиня бесстрашна и коварна, а богиня тьмы - тем более.

Богиня Тьмы явилась в полночь, когда феи унеслись прочь, решив, что музыканту надо отдохнуть, набраться сил перед следующим днем.

И напрасно богиня любви пыталась предупредить его о том, что он должен бежать от богини ночи, что после минутной радости в душе его останутся только горести и разочарования, и крошечная тьма тоски ее охватит навсегда. Ничего

этого он не слышал, и слышать не собирался. Влюбленные всегда были слепы и глухи, с ними напрасно спорить и что-то доказывать, надо просто оставить их в покое, пока они не очнутся от забытья и не прозреют.

№№№№№№

Какая это была чудная ночь. Только тусклый свет луны слегка освещал черты Богини, в те минуты он узнал восторг полета, который не могла подарить ему даже его совершенная музыка, и никогда не подарила бы Эвридика. Это была страсть, радость, и ужас падения, а потом опять был полет и падение в бездну.

И вдруг богиня очнулась от забытья. Она посмотрела в его светившееся от счастья, такое одухотворенное лицо, и поняла, что ошиблась. Мертвые остаются мертвыми, это был совсем другой человек, возможно, он лучше и прекраснее ее любимого и уж точно талантливее, но другой, а она хотела воскресить того, единственного, которого любила в своей вечности.

В ужасе отшатнулась она от музыканта, помчалась прочь, подхваченная холодным ветром. Богиня не сомневалась, что никогда больше не вернется на поляну, хотя вечером они и договаривались о встрече, но она готова была забыть обо всех своих обещаниях и жить так, как ей вздумается.

№№№№№№

Юноша спал счастливый и усталый, когда она поднялась с травы и отправилась прочь.

Богиня любви шагнула к ней навстречу.

- Не смей покидать его, ты не можешь так поступить с ним, - потребовала Афродита, - никто никогда не любил тебя так, как Орфей.

- Я поступаю так, как мне хочется, - усмехнулась Никта, - он молод и прекрасен, найдется много утешительниц, а я уничтожу этот мир, или заставлю воскресить Адониса, мне нужен только он. А ты только не можешь забыть и простить, что меня он всегда любил больше, чем тебя.

Афродита постаралась не заметить этой фразы, хотя она ранила ее очень сильно, запоминалась навсегда.

- Разве ты не знала этого накануне, - спросила ее богиня.

- Я догадывалась об этом, но хотела в том убедиться, и теперь вполне уверена, что не люблю и никогда не полюблю его больше.

Никта понеслась прочь, подхваченная вихрем, а богиня любви присела рядом с ним на траву, и подождала, пока он откроет глаза.

Орфей посмотрел на нее внимательно, и все понял без слов.

Меньше всего хотелось Орфею, чтобы его кто-то жалел, даже богиня.

Он думал о том, как много вокруг прекрасных созданий, и когда пройдет немного времени, он приглядится к той, которая любит его по-настоящему и останется с ней. И пусть он не будет ее любить, но обязательно будет счастлив, разве недостаточно того, что очень сильно любят тебя?

Богиня слышала все его мысли. Она улыбалась, и грустной была ее улыбка.

Диск солнца освещал небосклон. Наступал новый день в жизни Орфея.

Ничего кроме невероятной печали не заметила богиня в его голубых бездонных глазах, когда прощалась с музыкантом.

В последний момент он обратился к ней, все еще витавшей вокруг него:

- Скажи мне, где она сейчас?

Богиня была уверена, что он спрашивает об Эвридике, что он вспомнил ту, которая недавно погибла, если не по его вине, то все-таки из-за любви к нему и заслуживала большего внимания, чем ледяная богиня Тьмы..

- Она в аду, тебе в судьбе было написано спуститься за ней в ад, - напомнила она, хотя тут же пожалела о том, что сказала это, потому что он рванулся в ад.

Но зачем он оказался там, если даже ни в лицо, ни по имени он не помнил ту, за которой пошел. И все-таки он бежал от тоски, от одиночества, от своего страшного горя и пустоты.

Очень удивился Аид, когда Танатос сообщил ему о том, что Орфей снова находится в его владениях.

- Я пытался его остановить, да разве его остановишь, - развел руками тот, - он ускользнул от меня, и скоро будет здесь.

- Ничего, не переживай, даже интересно будет узнать, что ему тут понадобилось на этот раз. И музыку его послушаем, ведь он не откажется сыграть нам что-нибудь на своей волшебной скрипке.

Этот разговор слышала не только Персефона, но и Эвридика, она странно смутилась, ей показалось, что память вернулась к его возлюбленному, он все вспомнил и хочет увести ее отсюда. Она не знала, радоваться ей или огорчаться, и бросилась к Персефоне, чтобы спросить у нее совета.

- Скажи, о, Богиня тьмы, что нужно мне делать? Как мне быть?

- Тебе ничего не нужно делать, дитя мое. Оставь все свои надежды, он идет сюда, но это совсем другая история.

- Другая? - переспросила она, - но зачем же тогда он идет сюда.

- Без богини тьмы ему тошно там, и он готов спрятаться в любом аду, а идет туда, сам не знает куда. Но мы снова услышим его музыку, разве этого мало, ведь во тьме музыка - такая редкость.

Персефона могла соврать ей, она могла заставить Орфея забрать с собой Эвридику, власти ее для этого было вполне достаточно. Но она понимала, что если он не спас ее тогда, когда так сильно любил, то теперь даже при всем желании никогда не сможет этого сделать. А потому не стоило начинать этой жестокой, дикой игры снова. Пусть бедная душа останется в покое.

Богиня ночи возникла тут же. А где ей еще было быть, ее немного встревожило то, что влюбленный юноша вдруг появился тут.

- Скажи ему, что у него не может быть никаких надежд, - повернулась она к Персефоне.

- Может ты сама это Орфею и сделаешь? - удивленно спросила Персефона.

- Я не могу, у меня не найдется слов, я обману его и подарю надежду, а этого не нужно делать, у тебя все получится, и ты поможешь ему избавиться от заблуждений и иллюзий.

Лукавила ли богиня, решив переложить все на ее плечи, или она на самом деле думала так, понять Персефона не могла, но богиня уже растворилась в непроглядной тьме, а Орфей входил в их чертоги.

Эвридика затрепетала от бессилия – она увидела так близко свою грозную соперницу. Теперь она точно знала, о чем пыталась поведать ей богиня. Но как она смела околдовать его и бросить, разве можно так поступать с людьми? Разве самый лучший из них, Орфей, не достоин хотя бы ее сочувствия?

Бледная дева старалась не смотреть на Орфея, когда он говорил Аиду о своей огромной и бесконечной любви.

- Хорошо, я готов поверить тебе, - согласился тот, - только чего ты хочешь от меня.

-Позволь мне забрать ту, которую ты тут скрываешь.

- Думаешь, у меня есть власть над твоей возлюбленной? На этот раз ты замахнулся на слишком многое, или судьба сына Посейдона тебе так мила? Если ты не смог даже душу Эвридики вывести из тьмы, отнять у Аида, как же ты справишься с богиней Ночи и вечной тьмы?

- Эвридики, - задумчиво спросил он, - я не понимаю, о ком ты говоришь. Когда и как это было?

Он на самом деле не понимал и не помнил о своем прошлом, не может простой смертный помнить о том, что с ним случается в прошлых его жизнях.

- И что же мне делать там без нее?- удивленно спросил Орфей, понимая, что Аид неумолим, на этот раз он ничего не получит.

- Но и здесь пока тебе, живому делать нечего. Она вернется к тебе, если сама этого захочет. Я даже рад тому, что на этот раз все для тебя так складывалось. Нельзя обманывать тех, кто тебе доверился. Даже Персефона рыдала от твоих грустных песен, но тогда ты не мог не оглянуться. Богиня не так наивна, ты не сможешь ее обмануть, разлюбить и бросить.

- Я не знаю, что произошло тогда, - говорил Орфей, - Но я буду любить ее всегда. Никакая другая не заменит моей богини.

- Я не сомневаюсь в том, только случится это именно потому, что она ускользнула от тебя. А как легко любить недостижимое, но ты попробуй, удержи то, что рядом с тобой. Богиню тьмы любить легко и просто, но так сложно обычную земную деву...

Эвридика готова была вырваться из своего укрытия и броситься на Аида, но ей не хотелось сталкиваться с Орфеем. Она решила, что оплатит богу Тьмы немного позднее, когда юноша покинет их мир.

-Уходи, я не прошу тебя петь и играть, потому что больше не верю всем твоим песням, не стоит беречь наши души и чувства, отправляйся туда, откуда пришел, пусть те, кто не знает тебя и слышит впервые, очаровываются и обманываются, а нас тебе будет очень трудно и очаровать и обмануть.

На этот раз хотела богиня тьмы броситься на его защиту, она могла оценить его дерзкий поступок, а Аид был слишком суров, но что-то удержало ее на месте.

С трудом, но Никта дождалась, пока Орфей уйдет назад, и только потом предстала перед ним.

- У тебя каменное сердце, - резко бросила она свое обвинение любимому.

- А ты так добра, так беги и догони его, он еще недалеко ушел, и делай все что хочешь.

- Я не люблю его, и тебе это известно.

- Вот и не смей нас всех обвинять в жестокости, - впервые Аид был так суров и даже груб с той, с которой с самого начала привык ладить.

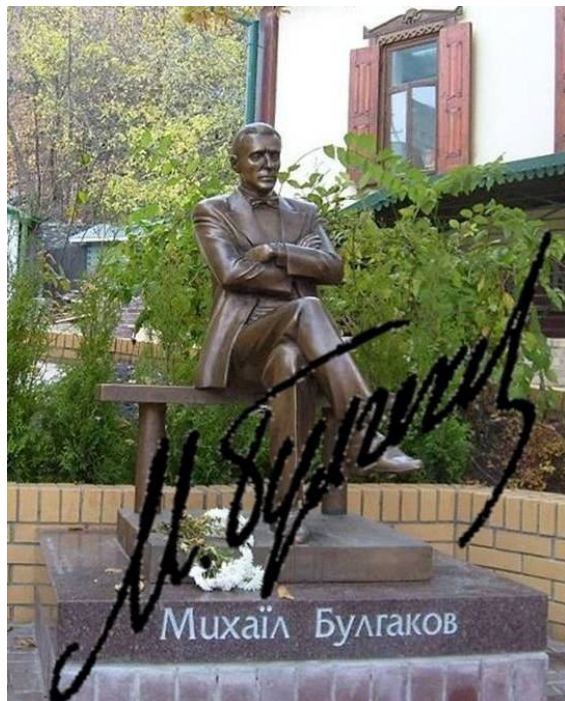
№№№№№№№№

Как спокойно шел в этот раз Орфей, ему нечего было бояться, никто не следовал за ним. Он знал, что выберется на свет рано или поздно, только этого ему хотелось меньше всего.

Навстречу ему двигались души умерших, он готов был поменяться местами с любой из них, но понимал, что Аид и без того на него зол и не позволит ему такой вольности. Не стоило снова возвращаться туда и искушать свою судьбу.

Он выбрался на белый свет, уселся перед входом в Аид и решил тут подождать своего смертного часа. Больше некуда и незачем ему было идти, и он очень хорошо понимал это в тот миг.

Судьбу нельзя изменить, сбывается то, что предначертано, от этого никуда не уйти. Но прошло много веков, прежде чем боги, а потом и люди стали понимать это... Сколько раз пришлось им бросаться во тьму, и возвращаться назад, прежде чем невероятное стало очевидным.

ЧАСТЬ 2 МАСТЕР УШЕЛ, ШАРИКОВ ОСТАЛСЯ. КОНЕЦ СВЕТА

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ВОЛАНДА. КАПИТАНЫ

(Два сна о спасении невинных, о наказании палачей таинственным капитаном Корабля призрака, встреча с которым приводила в ужас тех, кто затеял черное дело и сам не желал отступить от своих злодеяний)

1. Сон о палаче

Юровскому приснился Капитан,
В открытом море буря бушевала.
- С тобой бороться я давно устал.
- Я выполнял приказ, мне приказала
Моя Россия, - он хрипел опять,
Упрям как сто чертей, палач бездушный.

А капитан молчал. – Мы отступить
Не станем больше. Клятвы не нарушу.
- Безумец. – От безумца слышу вновь.
Вот так и вьется он ужом спесивым,
Но улыбнется и уходит в ночь.
Палач один, и пьет он сиротливо.
- Я сделал все, что мог, я победил,
Я лишь солдат, - он тихо повторяет.
Нет в бездне дна, и рухнул этот мир,
Который лишь Юровский защищает.

2. Сон о капитане. Накануне расстрела

А город спал и ожидал рассвета,
И ожидал расстрела в этот час.
Забритые в пророки и поэты,
Они одни, я знаю там, не спят.
И всадники летят у горизонта,
И надвигаясь на тревожный мир,
Хрипят их кони, все здесь, как на фронте.
Их Капитан ведет, суров и сир.
Да тот корабль призрак оставляя,
В горячей точке намечает путь,
Безумные матросы возглавляют
Полет над миром, им бы отдохнуть.
Но не дают покоя комиссары,
И вождь кровавый снова шлет указ:
- Нет, мы не можем их в живых оставить,
История понять сумеет ль нас.

3.

-Потом к вождю мы все еще заглянем, -
Он говорит товарищам своим.
В аду его не раз, мой друг, помянем,
Ну а пока мы их освободим.
И вот уже так ал закат с рассветом
Соединив, и время не течет.
Они с Юровским говорят об этом,
Но страх он потерял, и в бездну прет.
- Безумец, что вы скажете, ребята.
И усыпив, и бросив в этот путь,

Как Дивный Див –спешат они куда-то,
И пусть матросы видят, не забудь
Как пьяные, усталые солдаты
Их вещи делят, спорят, кто кого.
И ал закат, и только Конь крылатый
Собьет и эту спесь, и торжество.

4. Четыре великих княжны. Еще один сон.

А девочки в ту ночь еще не спали,
Хотя отец просил их раньше лечь.
Они же о балах своих мечтали,
И сбивчива восторженная речь
У старшей, Ольга там императрица,
Молчит Татьяна, как ее понять?
Мария говорит легко про принца,
Анастасия все шалит опять.
Они едва ли это понимают.
Все принцы там, на свете том, куда
Безумные бойцы их не пускают,
Да и не пустят видно, вот беда.
- О чем папА так говорит тревожно,
И почему он нынче молчалив?
Нет, не понять, им ощутить лишь можно,
Что там не спят, о долге не забыв.

5.

Сон о расстреле палачей.

Солдаты самогону раздобыли,
Им трезвыми остаться не с руки.
О черных, о летящих говорили,
О том, что нынче души не спасти.
- Зачем нам это, так они прекрасны.
- О чем ты говоришь еще, урод,
Да пулю в лоб и станешь больно красным,
Такого дева точно не возьмет.
- А что мне жизнь? – Она нам пригодиться
А их в расход, все с ними решено.
И вот уже лежат бойцы убитые,
Юровский опоздал сюда хмельной.
- Да что за черт, - вопит он обреченно,
Кто их убил? Не стало палачей.

Взор Капитана, кортик обнаженный,
И в каменное сердце, лязг мечей.

6.

- Зачем вы здесь? – Мы за тобой явились,
Кто поднял меч, погибнет от меча.
А тени там метались, и бесились.
Но кто же пожалеет палача?
Он рухнул, как подгнившая осина,
Кол в сердце не забыли им забить.
Когда за свитой Капитан невинный
Отправился, чтоб их освободить.
- Но кто вы? – вопрошает император, -
Что там творится, кровь, я вижу кровь.
- Нет времени, и уходить нам надо,
Где ненависть, бессильна там любовь.
И силуэт летучего Голландца
Над городом в тумане промелькнет.
Подхватят их, и в небе растворятся,
Мне снится сон, их Капитан спасет.

7.

А в море снова буря бушевала,
В грозе внезапной вижу их опять.
Наследник улыбнется у штурвала,
Он будет этим судном управлять.
Уж лучше так, чем там, в сыром подвале,
Ждать часа торжества большевиков.
Они еще пред Воландом стояли,
Казненные для всех, но кто таков
Тот черный всадник и его матросы?
Им писаны законы бытия,
И девочки смеются ночью звездной,
Гроза прошла, спокойные моря
Их встретят снова, спасены принцессы,
И бал, и принцы все для них теперь.
Мы изменили ход ужасной пьесы,
Мы сократили счет иных потерь.

8.

Их Дания встречает на рассвете,
Их капитан проводит в этот час.
Корабль в океан уносит ветер,

Но как сердца восторженно стучат.
И бабушка обнимет их в порыве,
То плачут, то смеются, то галдят.
- Нам было страшно в рухнувшей России
И не вернемся никогда назад.
Обречены на вечные скитанья,
Мы спасены, мы снова будем жить.
И тихо говорят о Капитане,
О том, что он ворвался, и дрожит
В тиши рука, о как же было страшно.
- В ту ночь они хотели расстрелять
Нас всех, и только Капитан отважный
Не мог пред этой бойней устоять.

9.
Царица знает, внучкам будет сниться
Уральский город, комната, подвал.
- Ну что ты, ангел, будем мы молиться,
Чтоб капитан твой всех всегда спасал.
Он снова снится Ольге и Марии,
И чувствуя нависшую беду,
В Россию рвется вновь Анастасия:
- Я с ним умру, но я туда приду.
Во взоре императора тревога,
И снятся снова о России сны.
- Мы победим, бунтовщиков немного,
Мы этот мир спасти еще должны.
И мать его посмотрит обреченно.
- Все кончилось, я знаю, Николая,
В изгнании, в печали, мы бездомны,
И сожжена родимая земля.

10.

Сон о последних часах ...

Все это сон, все это только сказка,
Так хочется, чтоб их еще спасли.
И Капитан, суровый он и ласковый
Все рвется в дом Ипатьева вдали.
Там девочки метались и грустили,
Как им бесчинства эти пережить,
И снова слышу смех Анастасии,
Татьяну вижу, голос так дрожит.

О чем еще задумалась Мария?
А Ольга пишет письма в пустоту,
Какие души и сердца какие
Расстрел готовят, птицы на лету
Израненные рухнули, и алый
Рассвет встречает в этот дикий час.
И император гордый и усталый,
О чем он дочке говорит сейчас.

11.

Но вновь несутся призрачные кони,
И дверь темницы рухнула пред ним,
Но кто там снова? Это Воланд входит,
Юровский воет, и хрипит своим
Он палачам отдаст еще приказы,
Но голову спокойно оторвет
И выбросит, как страшную заразу
Куда-то на помойку Бегемот.
-Мессир, не бойтесь, масло и трамваи -
Все будет после, нам уже пора,
Пока вожди в Москве спокойно спали,
Мы их спасем, и с нами император.
И пусть летят подальше на закате,
Палач свое получит, а они
Все спасены, ужасных жертв нам хватит,
И в мире опустелом лязг брони.

12.

И участи такой не заслужили,
Желая зла, опять творят добро,
Красавец Див пришел, и ослепили
Безумных всех вождей, им повезло.
Пусть проиграли, но спасли невинных,
Чем меньше жертв, тем меньше палачей.
Пьют комиссары, притомились видно,
И от своих погибшие мечей,
Они пока строчат воспоминанья,
Награды получают за разбой.
Несутся кони в это утро раннее,
И пленников уводят за собой.
И без царя останутся другие,
Бал Сатаны кровавый вождь дает,

Изгнанникам приснится там Россия.
В их памяти Россия не умрет.

Глава 1 СТРАШНАЯ ГИБЕЛЬ ПРОФЕССОРА ПРЕОБРАЖЕСКОГО

История писателя Шарикова, записанная бесом Аззелло, который был живым свидетелем, а порой и участником нового опыта старого профессора

И старый профессор, забыв об бессмертье навек,
Он больше про вредные опыты думать не мог.
Но нравы исправить хотелось, и вот человек
Пришел к литераторам, истину дерзко изрек.
- Талантливы все, но не все до ума довели
Творенья свои, я могу вам сегодня помочь.
И если советы вы примете нынче мои.
То сбудется все. О, иди ко мне, блудная дочь.

Тебе за карданом живется тоскливо, и вот
Тебя привлеку я для опытов новых моих.
Кто перлов побольше из вас для меня наберет
Тот баллы получит, и будет среди остальных
Любимцем моим, а другие идите во тьму
К кому же? Да к Лешему, буду одну я учить.
И тьма расступилась, и дева прильнула к нему
И вот среди первых иных уж пошла костерить.

О старый профессор, шутник, весельчак, балагур
Забыл он о том, что бездарности сами пробьются.
Среди литераторов дерзкий завелся Амур
Шутник и проказник и снова отчаянно бьются
За баллы девицы, и старый профессор в плену
Иных вдохновений доволен, он пользу несет.
А то, что покоя не стало теперь никому,
То ради науки потерпит писучий народ.

- Вот, даже стихи рождаются, до чего же я дожил, с этими литераторами пообщаешься, и не такое начнешь творить - посетовал Аззелло, который решил начать писать свою летопись литературных и околотитулярных событий.

Потом он удивился тому, что разговаривал сам с собой. И время было мирное, но хуже любой войны, не зря Воланд всегда в последнее время выбирал именно этим места, как самые горячие точки, сам здесь был и им велел не забывать земли эти пламенные. Пожаров тушить никак не успевают.

Азазелло отложил гусиное перо, которое он с трудом нашел в начале 21 века, врубил комп и снова стал следить за тем, что происходит в мире литераторов.

Да ничего особенного там и не происходило. С тех пор, как Шариков решил стать писателем, и вырвался из объятий профессора и доктора Борменталья, им не спалось, не елось, не пилося. Так он их тогда достал, что, как и предсказывал доктор, пришлось им еще критиков творить, чтобы хоть как-то сладить, да на место его поставить, только куда там.

- Профессор, тут одна загвоздка есть, если у нас такие писатели, как Шариков, то каковы должны быть критики.

- Дорогой мой, что-то я не понимаю, к чему вы клоните, что-то слаб в последнее время мозгами стал, совсем меня Шариков замучил.. Недаром говорится, что творение порой отбивается от рук, и может и самого творца уничтожить, и что же я не послушался фантаста знаменитого, вот и натворил черт знает чего.

Надо сказать, что в последнее время профессор как-то стал забывать про хороший тон и все больше чертей поминал - вот что с ним новое время натворило, а ведь прежде такого не случалось никогда.

При этом он сокрушался так, словно похоронил какого - то очень близкого человека, без которого жизнь опустела и стала бессмысленной.

На самом деле в тот момент профессор Преображенский хоронил свою долгую и местами даже успешную карьеру. Да, да, он должен был ради общего дела переучиться на психотерапевта. Чего ему совсем не хотелось делать, но доктор прав, управиться с критиками без изучения психологии никак не получится. И надо знать их психологию, иначе и двигаться туда не стоит, а он уже двинулся.

Профессор немного опасался таких перемен, даже среди его коллег ходило мнение о том, что тот, кто в эту область углубляется, и сам становится похож на своих больных, но и это не могло уже остановить нашего профессора, хотя и настораживало и тормозило процесс обучения.

Он и не подозревал, что столько видов психиатрических болезней есть рядом, и еще больше удивило его то открытие, что слишком мало нормальных людей даже

среди тех, кого мы нормальными считаем. А ему - то казалось, что все не так плохо в этом мире, и Шариков скорее исключение, чем правило, но заблуждался старый профессор, ничего он, как Фауст, о жизни не знал.

Но если на Шарикова посмотреть, то ведь теория эта подтверждается, а было это еще до того, как стал он литератором и от них сбежал.

Профессор поморщился, он вспомнил, сколько разных литераторов, и просто людей, шлют ему проклятия, кто про себя, кто вслух, с его творением встречаясь. Неприятная картина, да что там, у него начался аж левый глаз дергаться, а ведь он еще с психами и не встречался, то ли еще будет потом?

И надо сказать, что на собраниях и кружках и без него была бурная перепалка, но профессор стал искать своих людей.

Для того чтобы справиться с Шариковым, и допечь его любой не подойдет, нужны были особенно закаленные, если клин клином вышибают, то клин должен быть покруче.

Доктор Борменталь сразу засомневался, есть ли там такие?

Но сомневался он напрасно, искать их долго не пришлось. Они и сами тут же появились бесцеремонно, а другими его пациенты быть не могли. С советами, поучениями лезли, требовали, чтобы читали их гениальные творения. И легче было прочитать, чем отказаться, это сразу чувствовалось. И доктор с радостью указывал ему, то на одного, то на другого из кандидатов на роль критиков. У профессора все еще оставался хороший вкус, и его быстро начинало мутить от уровня их работ. Но тут надо было чем-то пожертвовать, когда это талантливые критиками становились - не бывало такого, им некогда было шастать да чужие грехи выискивать. Нет, он предчувствовал, что самые лучшие критики из самых бездарных писателей и получают.

Но пока, все это были литераторы мужского пола, если верить именам или прозвищам, порой очень прямолинейным.

- Хорошо, друг мой любезный, только мне женщина нужна.

Борменталь икнул и подпрыгнул на месте от неожиданности. А потом покраснел.

- Милый мой, вы меня смущаете, как доктору и моему любимому ученику вам должно быть ведомо, что совсем не для того, о чем вы только что подумали, и не напоминайте мне об омоложении. Да, да, то, что может любой самый захудалый студент, для профессора уже нереально и невозможно - старый и грустный анекдот, а

куда деваться от него, жизнь она странная и коварная штука. Женщина нужна, если вы еще не запомнили для Шарикова.

Доктор пришел в себя, хотя тут же озадачился еще больше:

- Это где же мы такую найдем?

- Задача нелегкая, но осуществимая, пару тройку мне подберите, а уж там я сам выбирать стану, проведем « Уроки творчества », конкурс объявим, смотришь, она и найдется и подтянется, а иначе нам его не остановить.

- Может, и найдется, только потом куда мы от нее бежать будем, один Шариков непонятно где шатается, вооружен и очень опасен, а тут еще женщины, вы просто давно их не видели, профессор. Тут вам и Шариков ангелом покажется, если такую, как думаете, найдете.

- А вам, что только такие в последнее время попадались, с которыми можно было и ума лишиться? Я и гляжу на скульптуры в парке, то с веслом стоит, того и смотри, огреет по голове, то с серпом, - профессор замолчал, на этот раз предположить. Что сделает такая дама, у него язык не повернулся.

- И головы, можно лишиться, профессор, и кое - чего еще. И сам не ведаю, как жив остался, - как на духу признался любимый ученик.

- Ничего, дорогой, психиатрию я все-таки освоил, а это уже что-то да значит. Будем бороться научными методами. Нас наука редко подводит.

- Но метко, - хотелось сказать доктору, но он промолчал. Зачем напоминать профессору о грустном, ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает, а у профессора энергии, хоть отбавляй, значит и ошибки неизбежны.

Доктор хотел напомнить, что и с Шариковым все хорошо начиналось, а тут еще женщина, но не стал расстраивать, вдруг у него с ней все получится, не в постель же идет, а в литературу. Хотя там публичности еще побольше будет, а значит и позора больше, но где наша не пропадала.

И она нашлась - победительница конкурсов собирать чужие перлы и выдавать за свои, таких всегда в околосредовой среде немало было.

№№№№№№№№

Баба боевая прямо с базара - записал Азazelло, повертел в руках гусиное перо, решил, что одного не хватит, и надо где-то еще у гусей надергать, такую историю писать обыкновенной ручкой было не в его стиле. И потом очень хотелось ему духом

гения проникнуться, и немного с великими рядом посидеть. А если так, то без пера точно никак не обойтись.

- Профессора тянула на скандальных баб, - продолжил он свое жизнеописание доблестного светила науки, которого пес Божеством называл. А что, Евангелие еще одно будет. Было от Иуды, а он чем хуже, когда прошел полный курс литературной грамотности? Будет от Азazelло, легко. Да в это время, да в этом мире.

Правда, когда бес открыл творения этой самой избранницы, он понял, что столько не выпьет, чтобы ознакомиться с ними.

Интересно, она так же страшна, как ее творчество?- приуныл он.

- Ничего, профессор, нам с ней детей не крестить, а Шарикова изловить и на место поставить, а потом можно и подумать, куда лишнего свидетеля убрать, конечно, если она нас раньше не уберет. Потому что на каждого ученого довольно простоты бывает, а такая русская баба как ухватом даст, а то и кулаком, и куда только светило, и даже рыжий черт денется.

Азazelло почесал свою шевелюру, решив, что помирать ему от этой бабищи атлантихи еще рановато, потому что есть еще дела в бедной и несчастной России. Она-то как Герцен из загранич о ней печется, а ему тут порядок надо наводить, если не своими руками, то все-таки много чего делать придется, руководить уж точно.

Но он отвлекся от главной темы, а ведь еще надо было Белинского из гроба поднять, да и в женский наряд его обрядить. И чего он только на Бале Сатаны ушами хлопал, там и надо было покойничка прихватить, пусть бы и орудовал, но нечего теперь после драки кулаками махать. То, что осталось, то и досталось.

- Бедный профессор, бедный ерик, - увидев что-то, чего профессор еще видеть не мог, по-бабьи запричитал бес.

Притворялся он или нет, понять было трудно, но можно.

Но профессор пока развлекался, напевал арию из «Аиды» и был уверен, что с женщиной, да еще в литературу обращенной, он как-то справится - наивный. И психиатром - то он был молодым, эта Атлантиха (так ее бес сразу окрестил) у него первой была. А мог бы на какой другой для начала поупражняться, мог, но не стал. Самонадеянный очень, за это и поплатится скоро, жизнью своей заплатит.

И полетели доносы Надежды, под грифом «совершенно секретно» ее пылкие послания обо всех недостатках в мире. Она писала ему о тех, кто не то и не так делает, и не подчиняется, советов не слушается, о сказочнице, которая совсем озверела, ей

года назад указание выслано было, а она до сих пор ничего не исправила, да еще и огрызаться смеет, а разве больше видится не на расстоянии. Вот пусть профессор ей и объяснит, как жить дальше, а у нее уже никаких сил не осталось. Учить учителей - это ведь гиблое дело. И его ироничные немного ответы она читала с упоением, как самые любовные письма.

Профессор еще решил заодно, заключить с Борменталем пари, чего доброму делу пропадать, если можно двух зайцев одним махом убить и сделать из нее если не светскую - то богемную даму. Это он Пигмалиона вспомнил, и решил его на русский манер обыграть, еще один Шоу недорезанный нашелся.

- И надо же, - удивился бес, когда узнал о пари и таком намерении, - в постели он свои силы так четко оценивает, а тут прямо его понесло, словно не русская баба, а греческая легкокрылая муза перед ним, только раздавит в лепешку эта нимфа его, и будет у нас профессор всмятку.

Надо сказать, что в душе у беса жалости не бывало и в более мягких случаях, а тут уж ни грамма не осталось, потому он и был суров, но справедлив, и когда она будет давить своего Учителя, спасти он его не собирался - бессердечный. Бес есть бес, что с него взять?

Но пока был конфетно-букетный - комплементарный период и бояться особенно нечего. Когда кукушка хвалила петуха, то он еще больше хвалил кукушку, и все были довольны и счастливы.

Профессор еще поживет красиво и шумно в мире литераторов и их странных муз, но недолго.

№№№№№№№№

Не успел еще профессор и глазом моргнуть, а его ученица пронырливая Шарикова уже нашла и вычислила, одно к другому притягивается, и свой свояка видит издалека.

Успел он только когда, сцепившись и свернувшись клубком, эта парочка рвала друг друга так, что шерсть клочками в разные стороны летела.

И ведь недавно еще собирался серым кардиналом в тени оставаться, а тут прямо и вылез на страницу - передовицу газеты. А как должен поступить профессор? Известно как - Шарикова наказать надо было, ученицу как-то защитить. Вдруг порвет на лоскутки. На Шарикова надеяться он не мог, сам как- никак из собаки человека, а потом

и литератора делал, потому никаких гарантий. А Надежда была в еще таком недоделанном виде, женщина, хоть и бабища, а вдруг не выдержит, такого натиска, где он другую искать станет?

Досталось ему по полной программе. Что там было - вспоминать страшно, доктор Борменталь только успевал исправлять в типографии слишком уж страшные реплики, которые ухо и глаз образованного профессора точно не выдержит, но и того, что оставалось и появлялось, как поганок после дождя, было больше, чем достаточно, да что там - выше крыши - можно сказать. За всем не уследишь, а что-то уже в печать отправлено было, не везде поспевал доктор вовремя.

Профессор перестал пить и даже есть от такого расстройствa, и свет ему не мил был, как пережил - не понятно, но все-таки выстоял.

Доктор стал по-настоящему опасаться за психику и старое больное сердце новоиспеченного психиатра.

Снова заговорил о хирургическом вмешательстве, теперь уже для знаменитого писателя. И профессор согласился, только спросил растерянно на последнем дыхании:

- А кто же нам его изловит, особенно когда он знает, что я тут.

Это был неразрешимый вопрос, но доктор терялся недолго.

- А пусть она и ловит.

- А сможет?

- Женщина все-таки, вы только из нее богемную даму скорее делайте.

- Да я бы рад, не знаю, как там профессор тот английский умудрялся, а у меня ничего не выходит, чем больше делаю, тем хуже получается. Кажется, она все наоборот делает. И из ослиного упрямства все мне назло получается.

- У нее просто соображения не хватает, как правильно, дорогой профессор, вот и беда вся, безнадежный случай, я же вам сразу говорил, а вы не слушали.

- Может быть, только глупость, это самое страшное, почему я с самого начала этим не занялся, может, чего бы и достиг уже.

- А я думаю, что могила их только исправит, - выдохнул бессильно Борменталь

- Ну что вы, голубчик, говорите, а где ваше человеколюбие. Ведь мы врачи с вами, а не палачи, клятву, помнится, давали, помогать всем.

- Вот в этом и беда наша. Думаю у них проблем меньше с Шариковыми и Швондерами и критиками их.

- Да вы никак шутите.

- Нет, доктор, с тех пор, как мы породили Шарикова, с чувством юмора у меня совсем плохо стало, а теперь, когда появилась еще и она, зверею просто.

Борменталь взглянул на свои руки, чтобы убедиться, что на них еще шерсть и когти не появились - ничего красивые руки, хоть с этим ему повезло немного, а во всем остальном покой нам только снится.

Пока они сетовали на судьбу, что - то упустили, видно, потому что их Элиза за это время сдружилась с Шариковым, и вела тайную переписку. А когда тот рассказал ей всю правду о себе и о профессоре, и она поняла, насколько вредными были его опыты, она просто озверела от гнева и начала бороться за справедливость, причем со всем миром то на королеву какую нападает, то Пушкина защищает. Вероятно, после этого и Дантес тому ангелом показался, и он пожалел, что не дожил тот да этих времен, да не отплатил этой защитнице гениев за все свои жуткие страдания. И решил ей в кошмарах являться, только ведь сам испугался, когда ее увидел, и убежал, а ей хоть бы что, и его распекать с ходу начала.

Вот когда необходимо было вмешательство доктора по мозгам, только Шариков орудовал быстрее, он встретился с Элизой на тайной квартире. Дал ей подробную инструкцию, что надо делать для полной победы пролетариата и их писак над всем старым и талантливым миром, который еще копошился и сопротивлялся.

- Надо признать, - откровенничал Шариков, тупо глядя на грудь 10 размера, и размышляя, нравится ему этот размер или нет, - что образования и талантов у них больше, нам не догнать и не обогнать их в этом.

- И что? - спросила Элиза.

- Грязью марать и убивать будем, чтобы ни одна буржуазная образованная гадина не пролезла. Своими заполним все писательские ряды.

У него прямо искры между рогов виднелись. Такого боевого товарища даже она встретить не ожидала, и очень обрадовалась и вдохновилась.

- Нас только двое, а получится? - спросила его боевая подруга немного неуверенно.

- Даже один Шариков в поле воин, до сих пор они меня не поймали, а нас двое.

Надежда – Элиза поверила ему.

Вероятно, именно эту сцену в полутемном кафе и видел Азazelло, когда стал сокрушаться о бедном профессоре.

Но они быстро разошлись не прощаясь, и договорились встретиться в нужное время и нужном месте.

№№№№№№№№

И был вечер, и было утро.

На профессора надвигались две тени, в одной из которых он узнал собственное творение, вторая была незнакома, свою Элизу наш Пигмалион так и не смог тогда опознать, но что-то подсказало ему, что это она.

Он не просил о пощаде, потому что по их физиономиям понял, что пустое это занятие, и умереть надо достойно. Хотя как же это было трудно - умереть достойно.

И все-таки он смог, назло им всем. Воплей его никто так и не услышал тогда.

Где был в это время Борменталь, как Левий Матвей, на распятие он опоздал, и всю оставшуюся жизнь сокрушался о том, что провел эту ночь в объятиях какой-то студентки. Ведь если бы не эта его эротическая мечта, и ночное ее воплощение, то профессор остался бы жив, или они бы померли оба, по количеству нанесенных ударов, по тому, как было изуродовано старое тело, шансов выжить у него оставалось немного.

Доктор куда-то поспешно уехал. Не заглядывал в столицу, словно они могли достать его, потом вообще испарился.

А сладкая парочка? Они твердым революционным шагом тогда и вошли в литературу.

Правда, Шариков на Надежде жениться отказался, а она очень хотела замуж, потому просто близости у них не случилось. Зато новоиспеченный критик Швондер не удержался, и быстро стал ее мужем, решив, что такая боевая подруга ему и нужна, ла что там, просто необходима.

Так и появилась еще одна ячейка в новом мире, немного странная, на первый взгляд, ведь эти двое никогда не любили друг друга, но ничего, жили вместе и были счастливы, как и сотни друг ячеек, появившихся в те суровые и яростные революционные времена.

Надежда жила недолго, пала жертвою каких-то темных сил

(Аزازелло поскромничал и не стал говорить, что это были за такие темные силы).

Когда Азazelло дописал последнюю строчку, он начал грызть задумчиво перо и остановился, только когда догрыз его до конца, выплюнул огрызки налил себе стакан коньяку армянского - помянуть профессора надо было от всей души. Хороший был человек, хоть и обзывали его божеством, а как плохо кончил, это ведь ужас какой-то.

Но некого ему было винить - сам чудовище породил, и ладно бы прислушался к классику, который сказал, между прочим: « Я тебя породил, я тебя и убью», а то потакал бешенному псу, литератором его сделал, что уж совсем никуда не годилось. А потом и с бабой самой скандальной связался, перехитрить ее собрался - вот и результат.

- Хотели ведь как лучше, - услышал он голос профессора и вздрогнул. Азazelло не любил призраков, хотя ему вроде их нечего было бояться, но не любил и все.

- А не отправиться ли мне в Африку, там и с образованием и с литературой не так хорошо, как здесь, может к тому времени и ваши творения, профессор, прикажут долго жить, но пока эти призраки и тени бродят по литературным кружкам и улицам городов наших, что-то мне не хочется здесь оставаться.

- Всегда так, - проворчал профессор, - как только проблема у русского человека, так в путешествие, а то и вообще в заграницы.

- А я хочу на ваших ошибках учиться. Не первый век живу, хватит уже на своих косяках шишки набивать.

Призрак ничего не ответил, да и был ли он.

Но за спиной бес почувствовал дыхание перегаром, и лучшие в мире духи «Красная Москва»

- Они пришли за мной, - подумал он и растворился.

А эта парочка схватила руками воздух, и, набрав его побольше в легкие начали сначала ругать, а потом и лупить друг друга, им так хотелось поймать беса и заставить себе служить.

А там он мог сделать их и дворянами, и царями, и богами, если бы попался.

Жили они недолго, но счастливо, и погибли, но не геройски, в тот день, когда так и не смогли поймать свою синюю птицу, которую в творении своем Мастер назвал странным именем Азazelло.

А раз не поймали, то зачем им и жить было дальше.

Но всем остальным расслабляться не стоит. Шариков и верная его подруга, живее всех живых. Эти литературные призраки появляются в полночь, и тогда берегитесь, литераторы, особенно безответные, особенно талантливые, этого им не пережить. Зависть и бездарность страшное оружие, они пробьются сами, как и всегда пробивались.

Все сметут на своем пути, как тут не вспомнить гения нашего

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре,
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре.
Сколько их! Куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
Мчатся бесы рой за роем,
В беспредельной вышине.
Визгом жалобным и воем
Надрывают душу мне.

ГЛАВА 2 КРИТИК ШВОНДЕР ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

**То ли сын, то ли пасынок,
То ли вор, то ли князь, -
Разомлев от побасенок,
Тычешь каждого в грязь
А. Галич**

Самые интересные события стали происходить в столице нашей и ее окрестностях после того, как побывали там всем известные Демоны. Когда по просьбе верной и преданной любимой его ведьмы, забрали Мастера, подарив ему покой, в места иноземные, но никого не осталось на столичных просторах, никого из тех, действительно владевших словом и пером, кто мог бы хоть как-то литературе, а не политике, служить. Пусто и темно было в столице нашей многострадальной, о культуре и литературе там больше нечего было говорить. Хотя писателей расплодилось, как поганок после дождя.

Тогда, как мы помним, наш многоуважаемый профессор Преображенский, многие опыты которого оказались вредоносными, это уже отмечалось, совершил самое страшное из возможного - он породил миру писателя Шарикова, вернее не то чтобы

породил, он просто убить спеца по очистке не успел, сделав еще одну операцию. Сбежал от него Полиграф без оглядки, только пятки сверкали. А из спеца по очистке, в простонародье Чистильщика, на пустом месте писатель и вырос.

Правда, ни доктор Борменталь, ни сам профессор увидеть его уникальных творений не успели, но то, как таял он, выл, переходя порой на пороссячий визг, слышали. Вздрагивали от каждого упоминания о Шарикове, и чувствовали свою страшную вину перед отечественной литературой, а поделаться вот уже ничего не могли.

Когда утешал профессора верный его помощник, то предложил он ему и критиков сотворить из собак подходящих, чтобы подобное убить подобным, да не успели они сделать этого. Услышав лай Шарикова, который передавал привет профессору со Съезда Писателей, а доктору голый зад свой показавший, вернее, показать он его не мог, телевизоры позднее появились, но на словах объяснить этот жест сумел - на это его писательских талантов хватило. Увидев все это, слег профессор, и умер вскоре к обеду, не снеся ужаса от того, какими на самом деле вредными оказались его опыты.

- Пропала русская словесность, - было последнее, что успел сказать профессор.

Но доктор еще твердил ему о том, что литература и не из такого кошмара выбиралась, а потом пообещал как-то продолжить творение критиков, чтобы такого писателя известить. А что ему еще оставалось?

Торжественно похоронили старого профессора, но это было время, когда живые завидовали мертвым.

И господин Швондер по долгу службы, а он тогда еще домоуправом был, на похоронах присутствовал, чтобы убедиться в том, что профессор мертв и он больше не вернется в свои комнаты. О нем потом написал другой писатель:

- А у гроба встали мародеры

И несут почетный караул.

Писатель тот желчный, не менее вредным типом, чем профессор оказался, как вскоре выяснилось. И если бы не написал он такого, то, возможно, ничего бы и не случилось, но вот ведь надо было ярость свою бумаге отдать.

И задумался после этого господин Швондер, его - то не из собаки делали, что надо ему чем-то благородным заняться. А почему и нет - опыту партийного и хозяйственного немало, связи опять же есть, и чтобы достойно ответить этому писаке наглому, надо что-то более существенное, чем маузер придумать, и не просто пару

слов бросить о том, что сам такой, но и более основательно что-то сделать - критиком например, статья.

С какой стороны не посмотри, все хорошо - и отомстит за нанесенное оскорбление, и литературе родной много полезного даст, и уважаемым будет человеком - писатель все-таки.

Одно плохо, не мог он сам в перепалку с каждым Елкиным и Палкиным вступать. А кто для этого нужен - верный и преданный друг - товарищ и брат, та самая, над которой окаянный профессор издевался недавно, и будет проводить в жизнь его идеи, политику партии и правительства и критика Швондера.

Вечером, за рюмкой чаю - такое только на трезвую голову делается - господин Швондер переговорил с Надеждой – они были не только супругами по жизни, но всегда работали в паре и давали друг другу наводки, объяснил задачи, план на ближайшее время.

Поморщился немного верный муж, видя, что соображает она довольно медленно, но в этом тоже есть свои плюсы, бед не наделает больших. Как хорошо думал о боевой своей подруге господин Швондер, как заблуждался, но поздно потом будет.

Чокнувшись стаканами с чаем, и скрепив деловой союз крепким рукопожатием, супружеская пара завалилась спать. Именно спать, а не какие-то там шуры-муры.

Никакими глупостями им заниматься было некогда. И вообще они решили это оставить на потом, ведь подписали же вместе со всеми партийцами бумаги о том, что только после полной победы мировой революции и будут супружеский долг исполнять, конечно, если не забудут, как это делается, и останется сила, и возможности останутся, и чувства не подведут. Тогда может, и дети еще родятся, хотя об этом ест большие сомнения.

Но пока не до того было, сдвинь с места махину литературы, не все же там Шариковы - послушные, и свои товарищи, но и это еще вопрос, неизвестно как новая должность на него повлияла, на пса этого подзаборного. А с другими так еще хуже, потом запел тихонько знаменитую песню Швондер, про то, что своими руками построит он новый мир, в котором тот, кто был ничем, обязательно станет всем, конечно, если с ним будет маршировать одинаково, и слушаться его бесценных советов.

Горькими слезами в домике Мастера в тот момент заливался профессор Преображенский. Именно туда его судьба и забросила для начала, в его путешествии на тот свет. В первую очередь ему предстояло встретиться со своим творцом и продолжить разговор о времени и о себе.

Он рассказывал им (Марго уже тоже была там), что натворил, что произошло после их исчезновения, и что там может получиться.

И Мастер растрогался, только он не сильно печалился, хотя и зла не держал на прежнюю свою жизнь, говорил что-то про то, что писатели там теперь такие же, какой и народ – все одинаковое.

- Хуже, Мастер, хуже, дорогой, главного из них я из собаки сотворил, - признался, как на исповеди, Профессор.

Мастер взглянул на него и улыбнулся.

- А я котов люблю, но мой Бегемот хуже любой собаки будет, а что поделать, таким уродился.

Но профессор никак не мог успокоиться, а все само бичевался.

- Говорила мне Любовь, требовала, чтобы не занимался я такими вредными делами, так не послушался ведь, шизофреничкой этой даму объявил, я и теперь от диагноза не отпираюсь, только должен признать, что права она была. Что же такое случилось, если светлые и ученые, с двумя высшими образованиями, сплошные ошибки творят, а шизофреники правы оказываются, как такое может быть, куда катится мир?

- Так они - то в своем мире живут, а вы в чужом пытались прижиться. А ведь все относительно, если каждая доярка и кухарка государством у них управляет, то что там нам - то с вами делать, дорогой вы мой профессор. Ни писатели, ни доктора такие им не нужны, а даже вредны, как выясняется. Но это не наша с вами вина, это их беда.

Так они еще долго говорили. Но профессор не мог признаться в главном, что на похоронах своих он еще и критика породил, и ни какого-то там мелкого и пузатого (хотя он и был мелкий, лысый и пузатый), а Швондера самого. Хотя все относительно, прав Мастер, если он догробит Шарикова, то может ведь не так все плохо получилось. Но чуял профессор, хотя точно знать не мог, что Шарикову то, как раз еще лучше будет, это двое слаются, сживутся, а вот Ахматова и Пастернак не выживут, их он погубил

точно своими руками. Профессор взглянул на руки и так тяжело вздохнул, что любой бы разрыдался.

И муки гениев и живых классиков, и гибель тоже на совести профессора останется, а как такое пережить, когда уже помер и смерть тебе больше не грозит?

Не мог в том признаться Мастеру старый профессор, который, как и все в том мире, ощущал себя настоящим палачом. Но разве не сам Мастер доказал, что жертва и палач чаще всего одного поля ягоды, а когда такая пьянка, как мировая революция, пошла, то и в одном теле уживаются спокойно.

Ушел из уютного дома Мастера профессор Преображенский, пошел, куда глаза глядят, благо мир был бесконечен, да и затерялся где-то, чтобы не видеть детище рук своих, ничего нового, а значит и дурного, не слышать. Сожалел он только о том, что не было с ним рядом Маргариты, видать не заслужил ее старый Фауст, вот беда-то, у Мастера была, у Швондера даже была, а у него - шаром покати. Пока собак творил, о женщинах позабыл, ни на том, ни на этом свете, ни одной барышни или старушки не осталось, чтобы скрасить бессмертие нашего профессора.

И шагал Филипп Филиппович по лунной дорожке навстречу с другим мучеником, у которого ни кола, ни двора, одни только томления и остались за душой. Только не знал профессор, что Маргарита уже за Пилата просила, и простили его, и там, где прежде Пилат томился, теперь было пусто. Никого и нигде больше не обнаружилось, даже поговорить при ясной луне не с кем, вот жизнь-то пошла, и не в аду вроде, а все тот же ад кругом..

Так его вредные опыты закончились для него самого плачевно, на земле же все только начиналось, да еще как – било ключом, да все по голове.

№№№№№№

В одно прекрасное утро проснулся домуправ Швондер главным Критиком страны.

Как это вышло, сказать трудно, но так оно и было. Газетами и книгами новоиспеченными обложился, в издательства заглянул, чтобы на издателей посмотреть, себя показать. А нам известно, что там, где Остап Бендер тормознет, Швондер пройдет, потому что все это был его родной мир и все схвачено там раз и навсегда.

Помня его прошлые заслуги по самоуправству, господа литераторы сразу же прислушались, журналисты набежали, и там, где недавно еще писали они о

похождениях первого поэта, который взял да и помер яростно, отказавшись от всего, там теперь Швондер красовался. Правда, вместо всех Незнакомой, Снежных Масок и Кармен, красовалась его кожаная тужурка и законная супруга в такой же кожанке - символ непробиваемой верности. Все Незнакомки бежали без оглядки от такой грозной соперницы, ни одна не задержалась. Это покойный профессор сослепу не мог разглядеть мужчина или женщина был перед ним, все сомневался, а те, кто от этой супружеской пары зависел, им сомневаться не приходилось. Дорого такие сомнения будут стоить.

Те, кто брали интервью и слышали речи Мадам в кожаной кепке, сначала приходили в недоумение, а потом привыкли. И пусть язык коряв, и значения половины слов не знает, но зато как горяча, глаза навывкате, руки сжаты, все время при деле, нюх как у собаки, глаз, как у орла, и все время добычу находит точно.

Ее муж при этом благодушно улыбается, и даже слегка журит ее за прыть, и похваливает несчастного критикуемого писателя - этакая игра в доброго и злого критика-следователя. А то, что их беседы на допросы с пристрастием похожи - ничего удивительного, с писателями по-другому нельзя, совсем от рук отобьются. У нас теперь весь мир - тюрьма, только у одних клетки побольше да наряднее, а у других, как у господина Раскольниковова, на гроб похожи. Но это даже удобнее, пусть привыкают к домовине своей заранее, потом легче будет.

Вечером, на семейном совете, понимая, что в самой литературе черт ногу сломит, да они тоже ничего не понимают, решили наметить темы, за которые возьмутся основательно, чтобы бить не в бровь, а в глаз всех неверных.

- Пусть только русский народ попробуют порочить, - мадам Швондер за наган схватилась, даже муж немного поежился, вспоминая, что не всегда лестно о том самом народе высказывался, - все враги Шарикова - наши враги, потому что он единственный писатель, которого своим в доску можно сделать, - продолжала она.

Муженек ее вовсе не был в том уверен, но снова на маузер посмотрел и непредсказуемость своей женушки вспомнил, и решил, что Шарикова и на самом деле надо повязать с собой, хотя в успехе был уверен меньше, чем супруга, но если надо, значит надо.

- Пусть попробуют, не заступятся за голодающих немецких детей, - мадам вспомнила насмешки профессора, и решила скорее ему отомстить за прошлое, чем за детей бороться.

- Но немецкие дети тебе зачем? - удивился ее ученый муж Домуправ, - надо признаться, что понимал он ее все меньше, а потому спадал в уныние страшное.

- А вдруг бежать придется, лучше места не найти, там и напомним, что мы за них боролись.

Он понял, как далеко может смотреть его жена, если дело касается ее личной безопасности, собственной шкуры, - скажем так. Сам он и не задумывался, что от их деятельности, удирать придется, но береженного бог бережет, это точно, хотя германские дети быстрее помогут, чем бог.

И когда она все сказала и поднялась, на дворе была глухая полночь, он все-таки спросил, хотя потом пожелал:

- А теперь тебя куда черт понес?

Швондер не заметил даже, что бы довольно груб.

- Дело есть, одна сказочница нашлась, я ей три дня назад на ошибки указала, и вместо того, чтобы их поправить, она надо мной издевалась, вот и пора кончать, пусть остальные знают и думают хорошенько, прежде чем что-то творить с критиками своими.

Швондер даже думать боялся, что может произойти там, в соседнем доме, куда его Надежда направилась. Сколько ему придется заминать мокрое дело, к кому обращаться, трудно даже представить себе. Но и остановить ее он даже не пытался, потому что не хотел на месте той, обреченной писательницы оказаться, он - то знал лучше других свою супругу, для этого и сексом не надо было с ней заниматься, чтобы все узнать и понять.

Он с тоской подумал о сексе, и решил, что давненько его не было, а до победы мировой революции еще дальше, и пошел во двор дрова поколоть - хороший способ избавиться от лишнего напряжения и желаний странных и вредных для революционной борьбы, как и опыты профессора, так круто его судьбу изменившего..

№№№№№№

Швондер ждал долго. Но пока еще не волновался. И только когда дома у него появились господин в черных очках и подозрительных размеров кот, он немного встревожился.

- Бегемот, может мне еще разок очки снять? - спрашивал Абадонна.

- Пока не стоит, вдовец такой прыти не будет проявлять. Пусть работает, - спокойно отвечал кот, громко, чтобы критик услышал его голос.

Швондер удивился не тому, что кот был говорящим, после Шарикова это никак его не могло удивить, а тому, что кот его вдовцом назвал. Издевается, конечно, но скорее всего, говорит правду. А зачем коту врать, судя по интонации, это дело решенное для всего остального мира, только муж узнает последним о том, что ему изменили, и что стал он вдовцом.

- Как там говорил Мефи, - размышлял очкастый - точно, ведь паршивец сказал, вечно хочется зла, и вечно приходится для них благо совершать, угораздит же на такое согласиться. И все потому, что один раз неудачно пошутил и согласился мессире помочь.

Но философских трактатов критик уже не слышал, он бросился туда, куда ушла, растворяясь в ночи, его деятельная супруга, к какой-то идиотке отправилась, лучше бы к любовнику ушла, цела бы осталась, а тут кот тебе сообщает, на сон грядущий, что ты уже вдовец. Но в глубине души он даже и рад был, что так все вышло, хотя не мог понять, почему именно.

В доме, где на девятом этаже жила сказочница, были старинные лестницы с дырой посередине, летела она далеко, но недолго, и словно черная птица, лежала внизу на бетонном полу, раскинув руки, влипла основательно, отодрать будет не так просто.

Писательницы, как выяснилось, дома не было, она ночевала у любовника, и вместе с этим же лощеным типом пришла к себе домой уже после самого Швондера. Она ни о чем не догадывалась. Мало ли в их писательском доме истеричных дам, которые бросаются вниз из-за сломанного ногтя или ссоры с мужем. А кого-то и мужья в ярости оттуда сбрасывают.

И только когда мстительно сверкнули глаза Швондера, она о чем-то догадалась, и поняла, что это счастливая случайность, что на месте черной вороны могла и, скорее всего, лежала бы она.

Когда Надежду увозили, черный кот и господин в таких же черных очках - мелькнули поблизости. Господин склонился к вдовцу, и произнес:

- Я уйду, но я вернусь, если ты посмеешь хоть что-то сделать с ней, тогда берегись, и в аду достану, а там еще проще будет с тобой разделаться, у тебя мозгов немного больше, чем у нее было, не ошибись с выбором..

Больше не думал о своей женушке новоиспеченный критик, хотя минуту назад хрипел: «Вы жертвою пали в неравной борьбе» и проронил скупую мужскую слезу.

Нет, ее не вернешь, пусть покоится с миром, а думал он о себе, о том, что сказочницу надо забыть, словно ее не существует, а еще лучше охранять, чтобы другой какой борец за чистоту рядом не пристукал. Ведь он был догадлив и понимал, что на него все спишет очкастый, а он не успеет оправдаться, и отправится следом за Надеждой.

- Последняя мысль очень верная, - услышал он голос кота, который - этакий лицемер, на глазах у толпы так терся о его ногу, словно самого верного друга и соратника встретил. Но это сплошное притворство, на самом деле кот был злее любого цепного пса, и разорвет на лоскутки, если захочет.

- Может, голову критикессы стащим, - предлагал он Абадонне через минуту, вспомнив о прошлых похождениях, связанных с похоронами Берлиоза.

- А она тебе нужна? Пусть хоронят с головой, мало в ней проку. Надо будет, настоящую Медузу раздобудем, а эта - одна только видимость.

И тут они исчезли, но кроме Швондера никто этого не заметил, а он не обрадовался, потому что знал, стоит ему оступиться, и все, с ним будет покончено.

№№№№№№№№№№

Критик был осторожен. Он пережил все и всех, десять раз отрекся от того, что делал вчера, от соратницы своей верной. На нее удобно было все грехи свои прошлые и будущие списывать. Даже критиковать перестал. И только в те дни, когда Луна особенно активничает, в нем просыпаются старые привычки, и яростно начинает критиковать всех подряд, в словах и выражениях, и определениях не стесняется, и не дай бог, кому - то вступить с критиком Швондером в перепалку - толку никакого, но не остановиться. Он жалеет только о том, что времена скверные пошли, вольностей много, развалили все, иногда достает старый маузер, который в его случае не выстрелил ни разу, но оружием все-таки был очень грозным, и даже слушает песню о себе:

Что ни год - лихолетие,
Что ни враль, то мессия!
Плачет тысячелетие
По Расее- России
Выкликает проклятие,

А попробуй, спроси-
Да была ль она, братия,
Эта Русь на Руси?

А потом долго плачет старый критик, и вспоминает о друзьях товарищах, и прежде всего о первом среди равных - писателе Шарикове, которого сам и сотворил своими мозолистыми руками.

Но куда же снова исчез со своим (чужим) гениальным романом сам Шариков, давно пора его разыскать и посмотреть, чем он в это время занимался, как творил классическую литературу 20 века.

Глава 3 Украсть завещание, у постели вождя. Друг и соратник тирана.

У таких продвинутых деятелей, как Шариков была странная особенность исчезать в одном и появляться совсем в другом месте, с первым никак не связанным. Этому никто не удивлялся, да и удивляться было пока некому. Только на этот раз наш бывший пес и грядущий писатель перепрыгнул сам себя.

Как он у грузина на даче, закрытой для всех, оказался, одному только черту известно, а может и он не знает того. Но все-таки оказался, сам черт свидетель, в суде подтвердить может, что ни разу его там встречал. И пошло-поехало.

О чем они там говорили, о том история тоже умалчивает, очевидно было только одно, как бы он туда не вошел, но вышел через парадную дверь, еще более важным видом, чем вошел.

Теперь и Швондер должен был бы кепку перед ним снимать, если бы видел его и узнал ненароком о том, что случилось.

Но в том-то и дело, что вылупившийся из яйца критик пока ничего такого и не ведал вовсе. Он был занят писателями помельче и озабочен собственным новым положением. Он, конечно, давно наметил себе Шарикова первой жертвой критики, но пока они лбами не сталкивались, после того памятного вечера, когда Шариков его очень даже удивил, и заставил глубоко задуматься, и понять, что не таким уж легким и вовсе не веселым будет его путь в критике.

Удивился Швондер только тому, что Шариков с продолжением романа не появлялся, не знал, куда бежать, кому и что сказать. И утешал себя тем, что такое

добро не тонет, не горит, и помирать не собирается. Рано или поздно все равно заявится, без Швондера и в литературном и в житейском мире ему не обойтись.

Да и куда ему еще пойти, если не к старому своему знакомому Домоуправу, к новому еще принюхиваться надо. А характер у Шарикова не подарок, об этом даже он сам догадывался, потому с какой стороны не глянь, а вернуться он должен был к старому, только что-то все еще не возвращался. Это начинало тревожить Швондера.

№№№№№№№№

А Шариков был занят в те морозные дни делом государственной важности. И рыскал он в Горках, куда упрятал второй тиран первого от глаз людских подальше, потому что без слез на него не глянешь, таким страшным и немощным тот сделался. И только такому бездушному типу, как Шариков и можно было там появиться. У него нервы крепкие, он все выдержит и точно исполнит приказание вождя.

Но не ради душевного спокойствия умиравшего вождя Тиран его туда отправил, а все по тому же писательскому делу.

Потому что если Шариков только первые шаги делал в писательстве, то вождь уже такие горы бумаги измарал, что потонуть в них любому давно можно. А нужно было новому только несколько листиков из последних записок его, где он уже и не соображал ничего, а завещание все-таки настрочил. И не просто завещание, а руководство к действию, да еще всем давал характеристики прямо убийственные, но больше всех ему досталось.

И конечно, никакой большой беды та бумажка доставить не могла, но второй, уже считавший себя первым, все равно хотел от нее избавиться, чтобы и следа от нее не осталось, сгорела бы она ясным пламенем, а пепел по ветру развеять и забыть.

Но не сам же он туда должен был отправляться, а тут Шариков и подвернулся.

Долго разбираться было некогда, но чуял второй, что этот все сделает, так как надо. Родственную душу ощутил вождь в теле писателя. А потом, если что-то выплывет, язык ему в два приема укоротят. Хотя он был почти уверен в том, что ничего и не выплывет, потому что ему выгоднее будет молчать, чем твякать на каждом углу, что стало с теми, кто государственные секреты выдавал Шариков знает лучше других.. Да и кто ему поверит, если он разоблачениями займется.

В общем оказался Шариков самой подходящей для этого темного дела фигурой, с какой стороны не посмотри.

Шариков крался по комнатам и коридорам и прислушивался, а больше принюхивался. Старуха смотрела в одну точку, на кровати валялся какой-то труп, и что-то тихонько мычал, она не обращала на него внимания. Бедняжка, сколько ей тут сидеть пришлось.

Картина, от которой у любого бы волосы дыбом встали, воспринята была с железным спокойствием.. Шариков был больно занят, да и на очистке такого насмотрелся, что ничему больше удивиться не мог. У него было много дел в этом холодном и жутковатом доме.

А дальше забраться в шкафы, порыться в бумагах и прочитать на одной из них слово «Завещание» ему не составило труда. На всякий случай, как недавно чужую рукопись, он прихватил и то, что было около этого бесценного труда, вдруг, что и самому пригодится, писателем все-таки стать собирался, вон, как ему в прошлый раз повезло.

Только на это он надеялся напрасно. Почерк не прочитать, бред - это даже Шариков понял, никто и под дулом пистолета читать не будет. И он без сожаления отдал все, что украл тому, который его сюда и посылал. И в том, что самому ничего не досталось - немного расстроился. Но не может же везти всегда, -старался успокоить себя Шариков.

Второй усмехнулся, вцепившись в бумаги, что-то буркнул в ответ, и предупредил, что его найдут, когда понадобится, а пока может гулять смело.

А в том, что такой бесценный тип понадобится, кто бы сомневался, никто так быстро и так хорошо не исполнял все поручения тогда.

Но пока Полиграф покидал этот кабинет без особенной печали.

И хотя пользы для писательства в том не было никакой, но стал наш Шариков личностью выдающейся, и теперь никто никогда не скажет, что он сделал для родной страны, но зато уж и забыть не забудут. А от дел партийных можно возвращаться к литературе и творчеству.

Ведь у того самого первого, которого он так нагло обокрал, был труд про партийную литературу, а какой еще она может быть в такое суровое время – только партийной.

Какое время, такая и литература, а время было, это надо признать, очень даже суровым. Но Шариков времени себе не выбирал, в какое сделали, в такое и становился писателем, с завидным упорством.

-Времена не выбирают, в них живут и умирают, - напевал он строчку, только что услышанную где-то, но себе брать не стал, и стихотворений сочинять не собирался, как и Мастер, его сотворивший, он не любил поэтов, иногда только что-то привязывалось, как репей и не отставало.

- В них живут, а умирать нам рановато, есть у нас еще в мире дела, - на новый лад начал петь он, возвращаясь к творчеству.

Глава 4 Странное происшествие с поэтом на съезде, сразу видно - не наш человек.

Литература в те глухие времена была партийная, вся остальная в расчет не бралась. И оказались писатели наши вместе с Шариковым на съезде, то ли партийном, то ли писательском, а, скорее всего, и то и другое вместе взятое.

Зал был хороший, старинный, тут видно раньше Дума была, а теперь вот писатели окапались, и со своими думами и писаниями заявили, чтобы поговорить о том, что и как дальше писать, а чего бояться надо, как огня.

И как только начали почетных гостей представлять, так, словно резануло Шарикова, услышал он знакомую фамилию Пастернак.

Сначала он никак вспомнить не мог, откуда она может быть ему знакома, а потом и припомнил, ведь это был тот самый, которого ему покойный профессор в пример ставил, когда отчитывал, как мальчишку, говорит, еще Ахматова и Пастернак живы, а у нас уже писатель Шариков появился, вот гад такой, вражина лютая. Чего не вспомнишь про него, все только пакости одни сплошные и остаются в памяти, а еще ученый, и надо было таким уродиться.

Но сразу Шариков к тому самому дядьке присмотрелся внимательно.. Ничего особенного, пожилой, странный немного, словно он и не здесь находится, а черт знает где, что - то записывает в тетрадку, и здесь, наверное, шедевры свои сочиняет, вот как его понесло, остановиться не может, бедняга. И на него так посмотрел свысока, словно он собака бродячая, а не первый писатель новой России. А может и не на него, но не хорошо посмотрел, это точно.

И, пожалуй, все это все дело со знаменитым писателем и решило. Тут же припомнил Шариков, что вождь ему вроде чем-то обязан был. И он про себя отметил, что, как только снова окажется там, так и намекнет на то, что пописал этот самый творец и хватит, пора и другим место уступить. Пусть живет себе спокойно, отдыхает и забудет о писательском труде, тут и без него конкуренция большая, всюду одни только писатели развелись.

Пока Шариков свои мировые проблемы решал, в зал уже вошли юноши и девушки, все как на подбор в майках и трусах - наряд это такой у них оказался дивный. И в руках пролетарии эти кто серп, кто молот сжимает. Такие не слабые ребята оказались. Точно рабоче-крестьянского происхождения.

Шариков даже про писателя того забыл, только он о себе тут же ему и напомнил.

Потому что как только девица в трусах с молотом на плечах встала к нему приличным таким своим задом, так он и рванулся туда.

Сначала никто не понял ничего, зачем Пастернаку этому она понадобилась, да еще прямо во время съезда, все свои личные проблемы и после него решить можно было замечательно. Поэт одним словом, ничего не скажешь, уже и подождать не может.

Но дальше еще более странное происшествие случилось.

И стал этот самый поэт у девицы молот отнимать, а она не отдает его, и завязалась у них на сцене борьба не шуточная, да еще какая борьба, того и гляди, то ли писатель девицу молотом тем саданет, то ли она его – смертоубийство одним словом. И только когда кто-то из руководителей вмешался и объяснил Писатель свою позицию буржуазную, что не должна девушка с молотами расхаживать. Не женское это дело, ведь ей еще детей рожать, да и вообще женщина и молот несовместимы, вот до чего договорился этот Гамлет.

Вот тебе раз, не женское, а чье интересно. Не Шарикову же или Швондеру такие молоты таскать. Только тогда самые догадливые и поняли, что хотел творец вместе с девицей постоять, молот ей подержать, но не дала она ему этого сделать, стойкой оказалась, настоящий борец. Никакой любви и всего остального до победы мировой революции.

И пришлось писателю на свое место ни с чем вернуться. С молотом обломался он.

Такие вот странные происшествия на съезде том происходили и еще много чего, там конечно бывало. Но сразу же и навсегда почувствовал он, пока сердце его словно

пламенный мотор стучится, будет он бороться с такими типами и искоренять все, что они тут посеять собирались, никогда и ничего у них не поучится и быть не может, пока Шариков жив.

А после всего этого уже не так внимательно слушал Шариков все, что там дальше происходило, и все документы, которые принимались, мимо ушей пропустил, потому что он с самого начала всегда и со всеми не был согласен, как с переписки Ленина с Каутским началось, так и продолжалось потом.

Таким это казалось делом для него прошлым и безрадостным. И рвался он теперь уже от этой скукотищи к своему недописанному роману. И хотелось ему горы свернуть, и всему миру доказать и показать, что не просто так он тут штаны протирал, что он тоже писатель, да еще какой. И по физиономии Швондера он понял, что на этот раз с писательством у него все получится, потому что тот аж чуть не подавился от зависти, даже в лице переменялся, но ведь это было только начало, он решил, что там ничего больше нет, а там есть все.

Так и вдохновение от скуки возникло в душе его. И мир странно преобразился в один миг.

И летел он вперед, дороги не разбирая в свою комнату, похожую на гроб, так странно этот самый съезд на Шарикова тогда и подействовал вдруг.

А дальше было дело, или переделывание и перекраивание, это уж как получится. Но лиха беда начало.

Глава 5 Почему Шариков не возлюбил поэта революции - собаку жалко.

Но сколько не пытался Шариков начать работать, ничего у него в тот день не получалось с переделкой чужого романа в свой собственный. И тогда, снова вспоминая о странном поэте на съезде писателей, о том самом, который хотел благородство проявить и у девицы молот отобрать, не потому что он ему нужен был, а потом что девица по его заверениям не должна тяжести поднимать. Но девица оказалась настоящая, пролетарская, не отдала она ему молота.

Шариков хотел с ней познакомиться сначала, а потом передумал, потому что боялся он, что если что-то не так окажется, то девица его может тем самым молотом его огреть. А разве может он умереть, не издав гениальный роман. Это Мастер не надеялся, что его труд свет увидит. Шариков в том ни минуты не сомневался, и шел к

намеченной цели, а потому девицы с молотами на обочине жизни все время оставались.

А девица это не старый профессор, от него не только пса, но и мокрого места не останется больше. А оно ему надо?

И потом, разве его боевые товарищи не давали подписку о том, что не будут они сексом до самой полной победы мировой революции заниматься. Он такую подписку не давал, потому что на себя не надеялся, боялся, что не исполнит обещанного. А вдруг животные инстинкты в нем сильнее окажутся, и что тогда. Но все-таки пока Шариков решил с этим обождать немного, ведь надо было ему утвердиться для начала в писательстве, а уж потом силы свои на девиц с веслом или молотом расходовать.

Вот и Швондер говорил, что отцом его родным Оленев или Лосев был. Шариков немного посокрушался, что фамилию творческого родителя своего пока не запомнил. Пошарил в карманах кожанки и нашел там бумажку с запиской, на которой значилось.

- Иван Сергеевич Тургенев, - насколько раз медленно и нараспев прочел Шариков, чтобы уже навсегда запомнить того, на кого потом ссылаться можно будет. А то расплодятся не только Ивановы, но и Шариковы, не помнящие родства, а это уже никуда не годилось.

Но вдохновения как не было, так и не появилось, работать было невозможно, и чтобы не терять времени даром, отправился он в библиотеку, чтобы познакомиться с тем, что уже было написано.

- Мне первого поэта революции выдайте, - грозно взглянул он на библиотекаршу.

Она удивленно на него посмотрела, но протянула желтую книжонку, на которой было написано «Двенадцать» а сверху стояло Александр Блок.

- Это что, учебник арифметики? - поинтересовался он.

- Это первый поэт революции, - заявила она.

- Хорошо, хоть не Пастернак, - проворчал он и уселся читать.

Но с первых строк чем-то таким родным и близким повеяло, что в один миг в свое прошлое перенесся Шариков.

И вспомнил и метель, и профессора на перекрестке, и бездомного пса, каким сам и был когда-то, а ведь он ту жизнь давно забыть успел, как только человеком, а потом и чистильщиком стал.

Слезы умиления появились и застыли в глазах его, что уж было чем-то совсем невероятным для сурового и негибавшего героя.

Библиотекарша давно за ним посматривала. Таких странных читателей она и не видела. То казалось, что он ее укусить готов, в тут прямо расчувствовался так, что и не остановишь. И когда он сдавал книгу эту, она тихонько у него спросила:

-Что, понравилась поэма первого поэта революции?

- Нет, - твякнул Шариков, - собаку жалко. Чего там пес безродный повсюду бродит, места себе не находит, бедняга.

Он развернулся и чеканным шагом отравился прочь. Книга так и осталась лежать на стойке. Чего теперь только не увидишь в библиотеках наших.

И долго брел еще по городу Шариков и думал он о том, как много ему дала эта революция. Для кого она и мачехой лютой оказалась, а для него матерью родной. Ведь не случись ее, что делал бы тот, кого превратил профессор из бездомного пса в писателя и творца?

Нет, тогда другие бы вещали на весь мир, а его заставили бы двор мести. Хотя может быть, в том больше пользы было бы, снова для них, а для него?

Нет, что не говори, а пес бездомный, и Шариков, не знающий родства завтра проснется первым писателем. И пусть какая-нибудь собака попробует его за прошлое попрекнуть, он так покусает, что и места живого на скоте том не останется.

Всегда и всегда будет он славить революцию и бороться за правое дело мирового пролетариата.

- Пес безродный, хорошо, что этот первый поэт вовремя помереть успел.

Глава 6. Встреча старых соратников - отравить патриарха словесности - особое задание вождя.

Сказано - сделано, утро вечера мудренее. В своей комнате-коробке проснулся наш гений штыка, приравненного к перу, а пера к штуку Шариков. А в своей довольно уютной квартире, бывший домоуправ, а теперь первый критик Швондер. Именно эта сладкая парочка и стали самыми первыми, недаром потом задавался вопросом действительно многострадальный гений и решил, что не стоит стремиться в первые ряды, если там такие писатели и такие критики обитают. Уж лучше быть от них подальше. Но зато эти двое друг друга нюхом чуюли, и один без другого обойтись никак не могли.

А после того, как Шариков познакомился с тираном, записав его в свою компанию, когда, как известно, бог любит троицу, и эта тройка оказалась несокрушимой, то для начала у них появилось и первое, но зато самое важное задание - позаботиться о здоровье патриарха русской словесности. С каким трудом удалось вернуть его домой с дальнего острова, не в сказке сказать, не пером описать, как это у них вышло. Но одна накладка получилась - не хотел патриарх под дудку тирана и Отца народов плясать. Он все норовил пойти не туда, куда поведут, и увидеть не то, что покажут, а потом по ночам какие-то свои контрреволюционные записки строчил.

И стал очень сильно сомневаться Тиран, что в тех записках он что-то путное миру поведает. Скорее всего, как раз наоборот. Если от политического завещания вождя они кое-как избавились, благодаря Шарикову, то от литературного никак не удастся, если дописать успеет. И знал еще из истории наш доблестный революционер, тираном обернувшийся, что то самое «Слово» Игорево и в огне не сгорело, и в воде не утонуло, и через 7 веков так и осталось обвинительным приговором таким же тиранам от князя, которого они и за стол с собой бы не посадили. А ведь давно известно, что то, что написано пером, топором не вырубить.

А потому, перед Шариковым и Швондером стояла задача важная - найти записки и попробовать будут ли они гореть или не будут. Еще покойный Мастер утверждал, что такие рукописи, как это не горят. И самое главное, о здоровье самого писателя гадо позаботиться, а для этого принести ему лучших угощений. Говорят, он шоколад уважает, вот и пусть ест тот шоколад и радуется в последний раз всему, что видит и слышит, и забудет обо всем, что не его писательского ума дело. А о том, как свой народ сделать счастливым, сам тиран и позаботится в свое время, ему тут помощники, да еще такие и вовсе не нужны. А какие нужны, таких он сам и сделает в свое время. Писатели будут писать то, что надо, а не то, что им хочется. И это правильно, а кому не нравится, так мир большой, вот и пусть там свободу свою ищут, пока не надоест.

Вот, наконец, встретившись и немного поговорив о романе, который так заинтриговал критика в прошлый раз, Шариков и перешел к делу. Ему вовсе не хотелось одному Геростратом прослыть. Правда, имени такого он не знал, конечно, это уже наши вольности, но суть понял точно.

- Нам с тобой на свидание к патриарху сходить надо, приболел он немного, вот и навестим завтра и там потолкуем о том, о сем.

Швондер молчал, ему совсем не хотелось идти в больницу, и особенно к этому противному старику, у которого семь пятниц на неделе, и все самые большие проблемы из-за него в писательском мире возникают. Но сказать «нет» Шарикову он не мог, потому что тот может найти себе другого критика, а он без писателя останется. Швондер знал, что все остальные еще бездарнее, хотя дальше уже некуда, но этот роман какой-то все-таки строчит. Но еще было что-то такое, что подсказывало ему - не должен он оставлять Полиграфа, а то беда еще большей будет. Так сейчас все и есть, когда делаешь что-то беда, а когда не делаешь, то и вовсе катастрофа.

№№№№№№

К вечеру следующего дня все газеты вышли с черной рамкой, и портретом усатого патриарха. Он помер от перелечения в лучшей клинике, на этот раз врачи диагноз поставили быстро, не то, что с первым поэтом революции. Тот молод и здоров был, а этот в Италии прекрасной едва дышал, а на любимой Родине и зачах сразу. Но с пением революционных песен, и смерть его, как и любая смерть стала оптимистической трагедией. Она еще раз подтвердила народную мудрость, что там хорошо жить, а здесь умирать хорошо, особенно если у тебя такой помощник, как первый писатель эпохи - Шариков. Если придет он в больницу, скажем, то только взор на него бросишь, а уже ни жив, ни мертв, а еще немного и дух уже из тебя весь вышел, как небывало, а если уже и без того на ладан дышал, то надеяться больше не на что.

Но тут ошибка вышла, патриарх наш ни в бога, ни в черта не верил, неистово он поклонялся, а в молодости не только поклонялся, исключительно женской красоте. И потому не дышал он на ладан, и покаяние никакого не заслужил, никаких священников при нем не было. Последними видели его и слышали наши с вами герои, а остальные поклонники и просто перепуганные, или злые, как собаки, люди видели только в гробу.

Такое суровое было время, и жизнь такая, но его уход только подчеркнул, что пришли на сцену совсем иные герои, и литература будет другой.

Может, и не так все было, но Песню такую о Буревестнике сложили, а из песни слова не выкинешь. Да и пусть попробуют, с Шариковым иметь дело будут.

Глава 7 Они сошлись после похорон - спор об Ахматовой - так монахиня или блудница.

Патриарха хоронили всем писательским миром, да и не только писательским, а всем миром вообще. Сначала Шариков оттягивался и заявил, что он людские похороны не любит, и не собирается там быть, на что Швондер резонно заявил:

- А ты хочешь, чтобы патриарха словесности нашей, как собаку похоронили.

Он был излишне эмоционален и в запале даже не подумал, как близко к сердцу может принять эту фразу, сам Шариков, тот прямо взвыл, и критик на всякий случай отскочил в сторону.

Нет, он понимал, что за критику надо расплачиваться, но если начнешь о каждой фразе думать, то места живого не останется, и кусать тогда уже некуда будет.

Но на похороны Шариков все-таки собрался, он понял, хотя доходило до него долго, что уж если хочешь первым стать, то первым во всем быть должен, и на первых страницах газет и на похоронах тоже. Хорошо еще, что пока на чужих, а не на своих собственных.

- Может, мне вместо него в гроб лечь?- обиженно спросил он, когда Швондер стал объяснять ему такие простые вещи.

- Это тоже не уйдет от тебя Полиграф, но не нынче, нынче ты пока будь первым среди живых, а у мертвых все хотят быть последними и правильно делают.

Внимательно смотрел на лица собравшихся писателей Шариков, ему хотелось видеть тех, кого он возглавлять станет. В тот момент и вошел тот самый Пастернак, с которым они уже на съезде, где поэт в дурацкую ситуацию попал, и столкнулись ненароком. Здесь он был тише воды и ниже травы, и ни у кого никаких молотков не отбирал, да и попробовал бы. Нет, похороны, есть похороны – все чинно и мирно проходило, любо-дорого посмотреть.

Шариков прислушался к тому, что говорят об этой внезапной кончине. Но ничего такого они не говорили. Или бояться или не ведают, что произошло в больнице.

И тогда немного успокоившись, вспомнил он снова своего родителя - покойного уже профессора Преображенского, когда тот узнал о том, что Шариков писателем стать хочет. И все позабыл наш пес-писатель, только фразу: Еще Ахматова и Пастернак живы, а у нас появился писатель Шариков, позабыть он никак не мог, даже если и хотел.

Тогда он понял, что до сих пор еще даже в глаза ни разу не видел ту самую Ахматову, которую профессор, ни дна ему и ни покрывки, даже выше самого Пастернака ставал, а может, просто вперед пропускал, потому что она женщина. Да кто его знает, что было у него на уме. Теперь и спросить не с кого.

Этого теперь не выяснить, нет профессора. Но вот на саму Ахматову взглянуть Полиграф очень даже хотел. И потому, чтобы не забыть, и в долгий ящик не откладывать, он наклонился к Швондеру, и спросил, где та самая Ахматова.

Швондер первым увидел, как все перестали смотреть на покойника или безучастно рассматривать обои на стенах, и повторять: «Но, боже мой, какая скука, стоять перед покойником, не в силах уйти и не дожидаться того момента, когда все эта закончится и можно домой вернуться».

Нет, теперь они не смотрели на покойника, и о том самом не думали больше, они смотрели на Шарикова - друга тирана, который об Ахматовой спрашивает, а они и думать о ней боялись. Но ему все можно.

- Она в Питере, видно, не успела приехать, - тихо отвечал ему Швондер, и Шариков на глазах у всех выразил явное неудовольствие - что хочет, то и творит, понятно, что позволено Юпитеру, то не позволено быку, а уж волку в овечьей шкуре, или овце в волчью обрядившейся - тем паче. А кто из них кем был - это как знать, пока и самим не разобраться. Это время все расставит все по своим местам.

Кто-то тихо сказал стоявшему рядом, что сам хозяин назвал ее монахиней и блудницей. И снова насторожился Шариков, почему это кому-то известно, а ему нет?

- Так монахиня или блудница, - подступился он к поэту без всякого лица, для которого язык его враг, но что с поэта взять, на то он и поэт..

Тот невольно отошел в сторону, на кого-то наткнувшись. И непонятно, чем бы это все закончилось, если бы тело не начали выносить, и Шарикову пришлось идти в первых рядах, а тот любознательный, затерялся в хвосте, понимая, что не стоит рваться в первые ряды, особенно когда ты так не воздержан на язык.

А больше никаких особенных происшествий на тех похоронах не было. Голова покойника не пропала, все проходило чинно и очень почетно. Они осиротели все, даже те, кто помог остальным осиротеть, в толпе писателей и похоронщиков, как голые в бане, они были все равны – и палачи и жертвы.

Кто-то все-таки затянул:

Вы жертвую пали в неравной борьбе.

Его не поддержали, слишком говорящая песня оказалась. А Шариков, так и не разглядел, кто это был, далеко стоял. Ну и черт с ним, пусть намекает, кто его слушать станет. А может, и не намекал, а просто усердия много оказалось. Мало ли дураков вокруг.

Их было даже слишком много, впрочем, как и всегда в России.

Глава 8. Верный пес тирана - громко лает, иногда и кусает - Шариков в СП

Потом многие заметили, что со дня похорон патриарха пошла в литературном мире совсем другая жизнь.

Шариков и на самом деле выдвинулся в первый ряд литераторов, в авангард, как любили тогда говорить. И с похорон патриарха все только на него и оглядывались, и смотрели на то, что с ним творится, слушали, что и как он говорит, учились понимать контекст сказанного, не подозревая, что никакого контекста там и нет, но лучше перестраховаться, чем недостраховаться, так решили тогда самые осторожные и хитрые.

И странно тяжким показалось ему руководство, когда он не чистильщиком по котам стал, а писателями заправлял. Хотя там тоже без чистки никак не могло обойтись, да еще какая чистка требовалась. Но не все так просто было, как с бедными животными. С котами ведь как, поймал, в мешок засунул и отправил куда надо, и за новыми побежал без оглядки.

А здесь поймал, работу провел, а потом глаз да глаз нужен, чтобы с правильного пути писатель не сбивался, налево не пошел. И некоторые хвосты сразу прижимают, а другие шипят и огрызаются, а то и бунтуют страшно, а третьи вообще что-то замышляют, но никакими пытками и узнаешь, что именно. И кто его знает, вдруг хозяину донос настрочат, разве не так и сам Шариков когда-то чуть профессора до инфаркта не довел, но у того старого жука везде свои люди были, удирать и гавкать пришлось, ему только и стало хуже. А за него кто заступится, ведь он никому молодости без старости не обещал, все волками смотрят, да и готовы объединиться и на части порвать Чистильщика.

И кто ему сказал, что в первом ряду хорошо, наверное, тот никогда там и не бывал сроду. Там и хвост оборвут, и вообще потопят, глазом не моргнув, и скажут, что так и

было. Нет, неуютно и опасно было в первых рядах, это любой подтвердит, только и уходить оттуда никто не собирался.

Но чтобы продержаться в авангарде подольше, надо все время доказывать, что ты попал туда не случайно, творчеством подтверждать это остается (если не наганом орудовать). Шариков решил начать с первого.

Для пущей важности и уселся за ворованный роман снова, первый во всем первым быть должен. Теперь уже времени немало прошло, Швондеру можно несколько глав показать и объяснить, что в муках он его родил. Поверит, а пусть попробует не поверить. Критик дело не хитрое. Их наделать можно столько, что мало не покажется, а чем глупее и упертее, будут новые критики, тем и лучше. Пусть все это делают сами.

К хозяину он пошел с кучей бумаг и несколькими очень важными о том, кому, где и с кем, и как жить надо.

Как тот орал, на представителей литературного фронта, передовых писателей, и на него самого, даже вспомнить страшно, шерсть дыбом до сих пор поднимается.

- Писатели, да дерьмо вы собачье, а не писатели. Творить захотели? Что вам скажут, то и будете творить и не пикнете даже. Комуто непонятно, останетесь, еще раз объясню доходчиво.

Шариков молчал. Он испугался, конечно, но не больше, чем профессора, который никогда голоса не повышал. Там было страшнее, потому что при любом неверном шаге он из него снова мог собаку сотворить. А здесь что, не будет же тиран руки свои марать, не здесь и не сейчас. А потом он удрать сумеет, не от таких удирал, научился за это время бегать так, чтобы никто не поймал, и прятаться научился. Нет, он боялся не сильно, просто слова человеческие забыл. Остальные так и вовсе в три погибели сжались, а он ничего, только ни лаю, ни слова, не мог припомнить, и онемел от беспамятства совершенно.

Наверное, это состояние на физиономии у него и было написано, потому что расхохотался вдруг тиран так задорно, он оказывается, и хохотать умел, кто бы мог подумать. Всех отправил подальше, а Шарикову сказал на прощание:

- А вы, товарищ Шариков, оставайтесь.

Все писатели и поэты ломанулись к выходу, обгоняя друг друга, словно в этом спасение их было, но Швондера обогнать все равно никому не удалось. Он, вероятно, первый уже заранее все продумал, и даже на писателя своего не оглянулся ни разу, так

бежал без оглядки, очертя голову. Оставайся, мол, и черт с тобой, а нам тут рассиживаться некогда, дела есть поважнее, шкуру спасти надо.

Шариков стоял неподвижно, но озирался вокруг. Вся жизнь человеческая, собачью вспомнить никак не мог, прошла у него перед глазами. Но самое главное вспомнил снова, как подкрадывался к нему при последней их встрече Борменталь, как на счастье его скрипнула половица, и он смог сгруппироваться и в окно сиганул. Ничего страшного тогда не случилось. На ноги встал, ушибся маленько, но собакой не сделался, а ведь мог бы и за пару часов снова Шариком стать, если бы прыти было поменьше, да замешкался немного.

И показалось ему, что и теперь именно такой момент наступил. Только здесь не было да и быть не могло никаких окон, коридоры длиннющие и не убежишь никуда, быстро поймают. И что ему делать, если тиран его здоровьем интересоваться начнет? Говорят, что это верный знак, что уже к вечеру или рассвету, здоровье тебе не понадобится.

Другие может, и не знали, а его не обманешь, он точно ведал, что это знает, сам исполнял все его намеки и затаенные приказания. Как Пилат, расскажет Афранию про какой-нибудь сон, а сон и исполнится, так и у них с Тираном было не раз.

Но на этот раз Полиграф повернулся к нему, понимая, что не надо показывать вида, ведь собака лает и нападает только когда чувствует запах страха, ему- то это объяснять не надо. Никакого страха, спокойствие и только спокойствие, в спокойствии наше спасение. Кажется, он заговорил себя на славу, все получилось.

И где-то во тьме голос прозвучал:

- В театр со мной пойдешь, там пьеса моего любимого писателя уже готова к исполнению - «Дни Турбиных» называется.

Шариков был только в цирке когда-то с тем же Борменталем, когда из него еще в старые и добрые времена старались человека сделать, что такое театр, он не представлял никак. Только понял одно - это еще не тюрьма, и там есть выход, сбежать будет легче, надо его запомнить на всякий случай. Но об этом еще у Швондера можно будет расспросить хорошенько. Он только спросил, когда это будет, и тиран ему ответил, что о том он узнает, и получит личное приглашение обязательно.

- А пока отдыхайте, и ждите приглашения, - усмехнулся тиран, и жестом приказал ему убираться. Как радовался Полиграф, все в душе его ликовало, но опять же он

вспомнил о спокойствии, и о том, что не стоит делить шкуру неубитого медведя, надо еще из Пекла выбраться живым и невредимым.

После этого он неспешно направился к двери. Там никого не было, и никто уже не ломился, и его хватать вроде не собирались, нет, не раньше, чем он в театре окажется, пьесу посмотрит про дни, а вот название не вспомнил, как не старался.

Но он надеялся, что Швондер его на улице ждет, чтобы сразу про театр и модного драматурга его и попытать, да куда там, его и след простыл и корова языком слизала.

Нет, не любили писатели наши карманные, а других и не было, оставаться здесь, бежали они от тирана, как черт от ладана, а возможно в том и был свой резон. Хотя они не догадывались, что их везде достанут те, кто на страже стоит, а завтра стражников достанут и новых наберут. Так, пока все и не переведутся и будут действовать, а народу много, и надолго хватит еще в палачей и жертв играть. Только тем, кто жертвами пали в неравной борьбе больше ничего не светит. Зато им и приглашения на казнь уже ждать не надо. Вот в том и вся разница между живыми и мертвыми, когда не только живые, но и мертвые были судимы, и все были скованны одной цепью страха, переходящего в ужас.

Но у нашего первого среди равных писателя впереди был еще театр. А потому все остальное.

Глава 9 С тираном в театре «Дни Турбиных» - не верю!!!

Как мы уже знаем, на тайной встрече в неизвестное время и неизвестном месте наш первый писатель был приглашен в театр самим вождем. И хотя он понятия не имел, что это такое то перед походом решил все-таки выяснить, чтобы уж совсем не сесть в лужу или куда там еще, но понимал, что в этом странном месте надо быть очень осторожным и осмотрительным, чтобы вернуться домой живым и невредимым.

Дружба с тираном это, конечно, замечательно, а именно так он для себя ее и определил, но даже Шариков мог догадать о том, что друзья вдруг куда-то исчезают бесследно, и никто больше их не видел и не слышал. А так как и собак больше не становится, то если тиран и делает какие-то операции, то совсем иные, поэтому если что не так, то и профессор ангелом покажется, надо быть вдвойне осторожным.

Когда Шариков при встрече со Швондером заговорил о театре, тот понял, как много было пропущено, и очень заинтересовался, кто интересно на него оказывает такое странное влияние, если никакой девицы он рядом с Полиграфом не замечал.

Но потом, когда Швондер узнал истинную причину интересов Шарикова, то он понял, что лучше бы это была любая, да какая угодно девица, если у него нет друга и спутницы, пусть будет девица с улицы, только не Хозяин.

Нет, он ничего не имел против тирана, но как человек более рассудительный, если не умный, то хитрый точно, он думал о том, что если держаться будешь на приличном расстоянии от костра, то можешь и не опалиться вовсе, потому надо просто быть очень осторожным.

Но тогда, когда он объяснил писателю, что театр это почти цирк, только сцена не круглая, и все там немного серьезнее, то он на время и забыл о разговоре.

Шариков с унынием вздохнул, он понял, что там будут долго морочить голову, а потом уже не профессор Преображенский, а Хозяин станет выяснять, что он там понял, и правильно ли понял. И ладно бы начал просто насмехаться и издеваться, и образованием своим в нос тыкать, так ведь еще может и в расход пустить. А вот это уже Шарикову совсем не нравилось. Но и делать тоже было нечего.

Назвался груздем, так полезай в лукошко. Пригласил тиран в театр – так иди державным шагом и не твякай сильно.

№№№№№№

В театре Шарикову сразу не понравилось.

Какие-то ходы и переходы, вся толпа театралов куда-то бежит и стремится тебя обогнать. Люди бродят с серьезными физиономиями, военных больше, чем остальных, и главное, что выглядели они как-то странно, буржуи недобитые, одетые, прилизанные. И не то, чтобы он себя ущербным прочувствовал, мысли такой наш писатель не допускал вовсе, но все изменилось, если на съезде Пастернак - чужак был один, а все остальные свои ребята, то тут как раз наоборот, все были чужими, ни одной родственной души. И

А когда в отдельной, отгороженной от мир лоджии появился в простом френче хозяин, и застегнут он был на все пуговицы, то оставалось только облегченно вздохнуть. Их все-таки было уже двое, а не один.

А потом началось это представление. Актеры бегали, суетились, что-то говорили, рояль дребезжал на сцене. Нет, он точно бы сбежал сразу, только тот, кто сидел рядом и охранники за его спиной, и те, которых сразу не разглядишь, они не позволили бы ему это сделать. А потом ведь поймают и вернут на место, а что тогда он скажет, как оправдается? Вот и сидел, и слушал, и все ждал, пока поднимется Тиран и отправится прочь.

Но он оставался сидеть неподвижно, и что самое удивительное, кажется, это все ему даже и нравилось.

Паника в душе Полиграфа нарастала по мере того, как развивалось действие на сцене. И тиран все чаще к нему поворачивался, словно хотел убедиться в том, что это ему тоже нравилось, пусть попробует, не понравится.

Таким несчастным и растерянным Шариков не был даже в тот момент, когда на него Борменталь наступал и снова готов был в собаку превратить. Он с тоской подумал вдруг о том, что на самом деле это был бы и не худший выход из положения, если бы он снова стал собакой и жил у профессора дома. Хотя, легко сказать, да трудно сделать - профессор теперь уже не том свете, на каком доктор неизвестно, но вероятно тоже далеко, а он жив и здоров, и только тиран ему остался.

А он впервые пожалел о том, что был превращен в человека и продержался в этой шкуре так долго. А еще жалел Шариков, что хитрости и мозгов у него было недостаточно, чтобы из всего этого выкрутиться, что-то стоящее придумать.

Но действие подходило к финалу, а его драма только начиналась. И нюх у него оставался прежним, собачьим, а, судя по всему, ничем хорошим дальнейшее и не пахло.

Почему-то вспомнился роман века. А потом, в полной тоске, хоть волком вой, Шариков подумал о том, что мертвый писатель для того, чтобы читали и покупали книгу, это даже лучше, чем живой, значительно лучше. И он позавидовал Мастеру, вот уж точно говорили пророке, что в нашем времени живые будут завидовать мертвым, все так и есть.

Конечно, лучше быть мертвым, только ему от этого легче все равно не стало. Наоборот, печально и больно было сознавать, что мертвецам спокойнее и проще, чем живым.

Актеры кланялись публике, даже все те, кто за время действия успели помереть или были убиты. Вот это и есть сплошной обман. Как зрители на это все смотрят, если

их так дурят, как он может видеть такое? А кто его знает. Но Шарикову некогда было кричать: «Не верю» Надо было и о своей шкуре подумать.

Глава 10 Я и Сталин. Спор о существовании души и бога. Усмешка Воланда.

Люди толпились у другого выхода из театра, когда Шариков услышал:

- А вас, Шариков, я попрошу остаться,- и понял, что далеко убежать ему и теперь не удастся.

Он молча сел в машину, поданную для тирана, и с тоской подумал, что и нынче вечером ему не удастся поработать над романом. И так захотелось писателю творческого запала и вдохновения. Да он и чем угодно другим бы захотел заняться, только эти самые беседы не вести.

Но первый писатель на деле оказался самой подневольной птицей, и ничего в его жизни от него самого и не зависело больше, к такому странному выводу и пришлось ему прийти. Но на физиономии его появилось мнимое желание служить верой и правдой вождю и делу мировой революции

Куда они ехали, понять Шариков не мог, да и какая разница, где помирать, главное, чтобы с музыкой. Пожалел он только о том, что Швондера не было рядом. Но этот всегда успевал ускользнуть в ответственный момент.

Он остановился перед зеркалом в каком-то кабинете, и взглянул на собственное отражение. Было отчего прийти в тихий ужас, но он крепился, сколько мог.

А между тем тиран в дальнем углу комнаты на него пристально взирал – следил внимательно, ничего не пропускал.

Понимал Полиграф только одно, - так дерзко, как профессору ему не ответишь, и мучительно подбирал слова.

- И как же вам спектакль, товарищ Шариков, хочу, как литератора спросить вас.

- Хороший спектакль, - буркнул он.

- Правильно, Шариков, хороший, только что же вы думаете о пьесе покойного писателя?

Тиран помолчал немного, а Шариков понял, что думать он вообще не может, имя собственное не вспомнил, о чем же там еще думать, что сказать?

- О жизни и смерти, что думаете.

Он похолодел, язык то ли окаменел, то ли стал деревянным, и в тот момент легкий свист раздался со стороны зашторенного окна. Тирану из его угла то, что там происходило, не могло быть слышно и видно. Да он и не смотрел, уверенный, что муха не пролетит, таракан не проползет без его на то позволения.

И напрасно, муха может и не пролетит, таракан не проползет, но для Рыжего не было преград, он и не в такие крепости без всяких проблем проходил, пролетал, проползал.

Именно он и свистел писателю, его Шариков и услышал сначала, а потом и увидел, но немного позднее.

Теперь же он слышал монолог тирана о жизни и смерти, потому что его ответа не требовалось, тиран говорить начал сам.

- Жизнь и смерть говоришь? Да чушь это все собачья.

Шариков насторожился, любого бы укусил, кто так выразиться посмеет, но тирана трогать не стал, стерпел, хотя все внутри его взвыло и вспыхнуло синим пламенем.

- Надеюсь, что там его и на самом деле нет, а если есть пока, то уберем, и ничего не останется больше.

Тиран еще что-то говорил о новом счастливом мире, который им вместе строить предстояла. Но у Шарикова на загривке шерсть шевелиться начала, он сначала и не понял, что это такое было, а потом догадался, пес, в нем затаившийся, предупреждает о какой-то очень большой опасности.

Тиран с упоением Нарцисса говорил и слушал себя сам, и размышлял, сам с собой разговаривая, а Шариков смотрел в темный угол, где шевелились портьеры. От ветра, конечно, - утешал себя чуткий пес. Но в тот миг, когда она приоткрылась снова, он так ясно увидел высокого господина, худого и яростного, что вздрогнул. Сильно вздрогнул, так, что Тиран от речей своих о вечном отвлекся и подозрительно на него взглянул.

- Что с тобой, дружок?

И снова он назвал его какой-то собачьей кличкой, но тот почти и не отреагировал.

- Там кто-то есть.

- Хорошо, - согласился тот,- вот если бы его там не было, тогда бы ему несдобровать, а раз на посту остается, то тревожиться не о чем.

Но Шариков даже Тирану на этот раз не доверял, потому что догадался, что того не должно быть, что не охранник это, а кто-то совсем другой.

Но он не стал вождя ни в чем уверять. Повернулся спиной Шариков к тому самому типу, решив, что так от него спасется. Но по спине бежал холодок, впрочем, холодок - мягко сказано - самый настоящий лютый холод сковал его спину. И он направился дальше от угла и ближе к центру комнаты.

Тиран разозлился. Этот тип и не собирался его слушать, какой-то он взъерошенный и подозрительный..

- Идите домой, товарищ Шариков, - произнес он с таким видом, что Шариков понял, до дома он не дойдет. И трудно было понять, кого бояться надо больше - его самого или того, кто спрятан от глаз, но все время остается рядом.

Он торопливо шел по бесконечный коридорам, готовый в любую секунду пуститься наутек. Но понимал, что тогда-то подозрение на него и падет, если ни в чем не виноват, почему побежал. Нет, надо было сдерживать свои порывы, да как это сделать в такой жуткой обстановке.

И только вырвавшись наружу, на воздух, он облегченно вздохнул, хотя опасности было не меньше, чем там, и цепные псы бросились за ним, почему-то не признав в нем своего. Неужели он так далеко от них ушел?

Но это было уже открытое пространство, и он юркнул в какую-то машину, почему-то тут тормознувшую прямо перед носом Полиграфа.

- А ты проницателен, дружок, - слышался неприятный голос за спиной, - я стражник, конечно, но совсем другой, не тот, о котором твой ретивый хозяин думает. Но ему простительно, а вот тебе надо бы знать, отличать, ведь у тебя нюх, как у собаки.

Шариков оглянулся, но не сразу, за спиной у него было пусто. Он понимал, что это плохо закончится.

- Он вернулся, - слышалось где-то рядом, но показалось Шарикову, что говорил он сам, или кто-то другой. Но голова пошла кругом, ничего больше сообразить он не мог.

Упала тьма на столбный град. Пока Шариков вырвался из объятий тирана, но это пока, а что будет дальше?

А что будет дальше, никто этого знать не мог, даже господь бог, да и был ли он вообще, если такое творится, куда он смотрит и что делает?

Но об этом Шарикову еще предстояло разобраться.

Глава 11 Столкнуться с Азazelло (Воланд пока только снится, но предчувствия дурные)

Шариков после всего пережитого, как только немного очухался, глубоко и надолго задумался. И было отчего.

Если уж ему мерещились голоса, и приходилось все время удирать, то, что говорить об остальных, менее непробиваемых гражданах. Но если от Тирана все-таки можно было удрать, он оставался человеком, то тот вездесущий, который с ним рядом возникал и исчезал, тот точно из-под земли достанет.

Но не это самое страшное, а то, что обложили писателя со всех сторон. И бежать он должен был от всех, кто на пути у него встретится.

И еще одно знал он точно, что против всякой силы, какой она не была бы, найдется еще более мощная сила, и тогда уже не устоять и с места не сдвинуться, сколько не старайся.

Когда здесь появился тиран, то, как черт молнию, он привлек к себе тех, кто поразит при помощи той молнии.

Только подозревал он, что это были не его собственные, а чужие мысли, которые кто-то ему диктовал. И они эхом в его мозгу отдавались.

- Надо заняться романом, - решил он, - хватит по театрам носиться, да и от тиранов убегать, толку никакого, а мороки сколько.

- Роман века - это замечательно, - словно услышал он чужой голос, готовый с ним вести диалог.

- Один роман будет фальшивый, а второй настоящий, один писатель фальшивый, а второй настоящий. Но в одиночестве двигаться всегда трудно, Мастеру нужен шут. Как шут без короля, так и король без шута - совсемдохлый номер. Вы две стороны одной медали, и пусть каждый выберет, кто ему дороже, у читателей должен быть выбор, потому тебя придется сохранить для потомков..

Теперь он вертелся, как пес за своим ускользавшим хвостом, и никак не мог его догнать, как ни старался. Незнакомец говорил путанно и странно, но надо было как-то все уразуметь.

Вот с этими мыслями он и оказался на Патриарших прудах. Но это нам прекрасно известно, как то мистическое место называлось, а Шариков в такие мелочи не вникал даже, он просто решил прогуляться по парку, расположенному рядом с его домом.

Здесь было пусто, и это могло немного успокоить и привести в чувства гения нашего самоварного. Могло, если бы в тот же момент он не заметил, сначала двух литераторов, а потом и высокого иностранца.

Не будем описывать ту знаменитую сцену, с нее начинается настоящий роман века, и она известна нынче любому школьнику. Но в отличие от нас с вами, Шариков все видел своими глазами и своими ушами слышал. Что за чертовщина такая?

Он насторожился и почувствовал, что произойти должно что-то очень страшное, ужасное до невероятности.

И один из литераторов тоже что-то понимал, а второй был туп и прост, а потому считал себя царем зверей, и очень гордился собой и своими дурными стишатами.

Царем Зверей он может быть и сделался бы, но он находился перед тем, с кем спорить гиблое дело, это даже Шариков понял, а поэт Бездомный хотел только одного - сдать его в ЧК. Он еще не знал, что тот, кто с ЧК к нам придет, от него родимого и погибнет, и дурдом ему еще райским местом покажется. А психушка по нему уже плакала, да что там, рыдала горькими слезами.

Шариков мог бы ему это объяснить, что и с тирами так обращаться не стоит, а с иностранными профессорами тем более, только не стал этого делать. Потому что он был туп, но осторожен, профессор научил его прятаться, убегать. И опасность даже меньшая была для него катастрофой, а что уж говорить, когда пришел Он.

Оставив поэта с его стишатами и глупыми идеями, Шариков по кустам незаметно двинулся за Берлиозом, ему хотелось узнать, как он потеряет голову, и кто его среди белого дня убьет. Откуда ему была известна эта история, он объяснить не мог, но внезапно начал угадывать то, что будет скоро происходить в этом мире.

Голова покатила к его ногам, затрезвонил трамвай, и он только успел выдохнуть:

- Все точно, как по написанному, надо же, кто бы мог подумать.

Но самое удивительное, что он ни на минуту не сомневался в том, что именно так все и будет, только какие-то детали, на которые у него не хватило бы фантазии оставалось увидеть и все.

-Свершилось, - произнес он, но побежал не за странным иностранным профессором, а от него. Потому что это было не его дело, а поэта, бежать до дурдома и встречаться там с Мастером ему вовсе не хотелось, надо было о собственном романе подумать, вот и Рыжий ему недавно о том самом напомнил. Хотя про него какие-то гадости говорили, но Шариков постарается, чтобы все было путем. А для этого надо поработать хорошо. И он принялся за дело.

Глава 12 Страшная опасность. Он пришел. Докладывает вождю и просыпается в одной палате с Бездомным.

Но судьба в такое тревожное время не позволила Шарикову заняться творчеством и купаться во вдохновении.

Почти сразу после его возвращения к нему пришли люди с бесцветными лицами, которых и захочешь, а запомнить никак нельзя было. Они и рассказали ему о том, что случилось несколько часов назад, о таинственной гибели на Патриарших прудах Берлиоза, о том, что на поэта Бездомного только что рубашку смирительную надели.

Шариков слушал их молча. Сначала ему показалось, что и его там кто-то видел, но потом он понял, что это не так, просто, как и в истории с завещанием, вождь хотел, чтобы он следил за тем, что будет происходить дальше.

Это называется от чего ушел, к тому и пришел. Но тот был уверен, что все еще может ему доверять, второго такого Шарикова и не было на примете.

- Ему приснилось нынче, что ты там, с ним рядом и все идет так, как надо.

Сначала Шариков таких тонких намеков не понял. Ему показалось, что вождь хочет видеть его рядом с покойником и заставляет охранять бесценное тело, чтобы его не сперли. Такое было вполне возможно.

Он уже хотел посоветовать запереть его в морге получше, но тут заговорил посланец.

- В больнице, конечно, наши люди работают, но врачам мы никогда не можем доверять, порой они изображают богов, уверенные, что могут жизнью и смертью распоряжаться (Это точно, особенно в последнее время), но и над богами нужен контроль.

Шариков понял, что отправляют его не в морг. Если даже тело Берлиоза и пропадет, то не велика потеря. Его отправляли в психушку. Туда, откуда он попытался

улизнуть накануне, и где, судя по всему, Бездомный уже оказался. А где же ему с такими замашками было еще быть?

Он не знал, радоваться ему или свирепеть. И уже готов был на морг согласиться, потому что знал хорошую русскую поговорку, что бояться надо не мертвых, а живых, а уж психов и подавно. Но куда партия пошлет, а уж сам хозяин и подавно, туда и надо двигаться - это точно. И он пробурчал что-то неразборчивое, но возражать не стал.

Психушка, так психушка, и там живут люди, правда, это еще вопрос, кто и как там живет, но если он исполнит все, что требуется, то еще на один шаг приблизится к своему императору и повелителю, а не о том ли мечтает любой их тех, кто хочет стать первым писателем.

И как только они ушли, он стал собираться в дорогу.

Для него приготовили койку в той самой палате, где метался и рвался на свободу, чтобы бороться с мировой контрреволюцией поэт Бездомный. Поэт, конечно, должен быть глуповат, но не до такой же степени.

Он взглянул на мрачного Шарикова, и стал ему рассказывать, как выйдет отсюда и отправится прямо в ЧК, и поднимет всех, а они уж найдут таинственного профессора.

- Ты бы лежал спокойно, пока самому голову не отпили, и сам не можешь утихомириться, и из-за тебя приходится все важные дела бросать и тут околачиваться, - посетовал Шариков, глупость других его раздражала невероятно.

- А кто тебя прислал? - стал наступать тот.

- Дьявол, я, что на ангела похож? - поинтересовался Шариков, правда, он и сам не знал, откуда про ангелов и демонов знал, вероятно, это ему кто-то подсказывал.

Но поэт странно насторожился и смолк, а как только распахнулась дверь, и врачи ступили в палату, так он почти и бросился на шею профессора, и просил его от Дьявола спасти, который вот тут сидит, совсем рядом.

Профессор посмотрел на Шарикова. Тот если и был психом, то тихим, очень тихим, хотя профессор знал, что хлопот с такими может быть еще больше. Только где же он мог его видеть раньше?

И вспомнился ученый совет, где профессор Преображенский показывал им собаку, вернее, человека, которого он из собаки сделал. Тогда Стравинский скептически к этому отнесся, а теперь решил, что все может быть. Жаль, что больше не расспросить у профессора, что и как было, а ведь очень бы ему пригодилось.

Шариков смотрел на него волком и понимал, что самый главный псих здесь сам профессор, и занесла же его неладная именно сюда. Как трудно быть властителем дум. Сколько всего переживать приходится. Но легче ему от таких догадок не стало, скорее наоборот, приуныл наш литератор, да так, что из того уныния долго, очень долго выбраться не мог.

Глава 13 Шариков сбегает из психушки. Снова бездомный пес.

Лиха беда начало. Профессор все сказал Бездомному, что мог, они не первый день говорили с этим странным поэтом, и повернулся к новому пациенту.

- И вы, голубчик, видели странного иностранца в пустом парке?

Тот поежился, доктор был, вероятно, психом, но откуда он мог знать такое, вот вопрос, словно подглядывал за ним. А он ведал то, что Шариков скрывал даже от себя любимого, и это было прекрасно известно этому доктору.

Он напыжился и надулся, но ничего поделать все равно не мог, и тогда, как обычно бывает, когда очень перепугался, он и брякнул:

- Не видел я никакого иностранца, я в это время у Хозяина был, а по паркам не шатался, там одни поэты бродят, вот и мучься потом с ними.

- Насколько я помню, ваш профессор Преображенский умер, пусть земля ему будет пухом, - тяжело вздохнул доктор.

Он знал и это, что взволновало Полиграфа еще сильнее.

Шариков понимал, что его обложили со всех сторон, и выбраться из этой дыры он никак не сможет, застрял в узкой какой-то норе, с белыми шторами и белыми простынями. И сам весь стал белым - белым, только тапок белых не хватало, но и они появятся скоро, это только вопрос времени.

Полиграф решил держать язык за зубами, не стал уточнять, кто же теперь его Хозяин - вовремя одумался и пришел в себя, потому что тогда точно ему отсюда не выбраться никогда. И ведь не объяснишь этому упертому типу, ему и на самом деле нельзя верить, что он попал сюда не для того, чтобы мозги, которых нет, лечить, а чтобы следить за поэтом хорошенько, и глаз с него не спускать.

Доктор этот - мозгоправ еще и обидится, что ему не доверяют, да как ему доверять-то можно, ведь он такой странный и подозрительный. И хотя больше поэта

уже не испортить, но кто его знает, на что они способны. Никому нельзя верить, а врачам, меньше, чем всем остальным.

Хорошо, что он ушел как-то поспешно, а то бы Шариков его, пожалуй, укусил еще.

Медсестры спорили о том, какой укол ему, Шарикову, назначен был. Он хотел твякнуть и укусить одну из них, чтобы другой неповадно было. А потом такой страх его обуял, что он решил бежать без оглядки, не дожидаясь еще одного вредного опыта. Профессор хотя и был противным стариком, но у него какие-то моральные устои были, воспитание многого творить не позволяло, а эти вообще без царя в голове, им и море по колено будет. Нет, не мог он позволить совершиться такому, не мог и не хотел. Да еще когда себе светлую цель наметил первым писателем стать, нельзя такого делать.

Как ему удалось улизнуть и выскользнуть от них, он и сам не мог объяснить, и все-таки сбежать смог. И даже не укусил никого на прощание, просто не успел этого сделать. Понесся так, что только они его и видели, пусть сами друг другу эти свои уколы и ставят, а с него довольно.

В такой суматохе соображать Шариков не мог вообще никак, и только оказавшись на свободе, санитары напрасно за ним гнались, догнать его они не смогли, он понял, что ничего хорошего ждать ему не стоит. Задание хозяина по охране и обезвреживанию поэта Бездомного с дальнейшим перевоспитанием он не выполнил.

А то, что сам свою шкуру спас, так это дело поправимое – продырявить ее палачам очень легко. Шариков не сомневался, если теперь он не спрячется хорошенько, то роман его точно издадут посмертного и напишут, что сгорел в революционной борьбе.

Куда бежать? Там, где он жил, никак нельзя пока появляться, хорошо, хоть рукопись в надежном месте спрятана, там он ее оставлять не мог, потому что поговорка «Вор у вора дубинку украл» была хорошо известна тому, кого с собакой скрестили - Клим Чугункину, и он сам ею часто пользовался.

Но рукопись из тайника он потом достанет. Пока надо будет кого-то из знакомых навестить, и узнать, что в мире творится.

Отправиться он решил к единственному другу и соратнику -Швондеру, в надежде на то, что последнее задание партии тому не было известно. Откуда такое мог знать наш критик?

Но бедный Шариков ошибся. Как только он взглянул на Швондера, то понял, что тот все знает. Только что же именно.

- Тебя уже искали у меня, - просто сказал он, - и я не хочу, Полиграф, чтобы нашли и меня с тобой тоже. Ты уж пока подальше спрячься, а потом вернешься. Вот пока и над романом поработай, в шалаше каком-нибудь, сам понимаешь, так лучше всем будет, и приобщишься к подпольной жизни вождей, ближе к ним станешь, мы все через это проходили.

Что было на это ответить, только твякнул по-звериному Шариков, и смылся, может, Швондер и прав, только обидно очень, что все так для него складывается. И пришлось ему в лесу, правда, не сибирском, а подмосковном, но очень далеко от города, шалаш себе сооружать. Никакой рукописи он туда не взял, пусть и дальше хранится там, где надо, а вот подумать о странностях любви вполне можно и там.

Но в те дни жизнь бездомного пса вспомнилась Шарикову во всей своей красе первозданной. Хорошо, хоть волков и медведей там не было - все вывелись, перестреляли их еще до его вторжения пьяные комиссары. Но воздух свежий, луна светит, и главное хозяин и стражники его далеко, в том тоже была своя прелесть, но как же его тянуло в столицу, к бурной писательской деятельности.

- В Москву, в Москву, - то выл, то кричал Шариков, передразнивая знаменитых героинь, и однажды он решил, что времени прошло уже достаточно для того много, собрался и отправился в обратный путь

Глава 14. Лишиться головы. Похороны Берлиоза. Как опасно писательское дело.

Не так уж много, как выяснилось времени, провел Шариков в изгнании, или Берлиоза долго не хоронили, это уже не очень понятно издаека, только вернулся он как раз в тот день, когда те знаменитые похороны и состоялись. И потерял страх писатель Шариков, твердо решив, что долго он скрываться не станет, да и не виноват ни в чем сильно.

В первые ряды похоронщиков встать не решился, но был все это время там, ни на шаг не отступал от торжественной процессии.

Швондер обрадовался ему несказанно, решив, что тот поскулил немного и выпросил у Хозяина прощения. Так же подумали и все другие писатели, к тому времени думать они научились на удивление однообразно. Но, как и блудный сын, наш Шариков принят был радушно, и хотя пир оказался не праздничный, а поминальный, но его это

не расстраивало, не его же поминали, а наесться и напиться под шумок можно было до отвала. Поминки - такая же важная вещь, как и свадьба, например, потому он и ощутил праздник в душе, а так как других праздников в те времена и не было, то и этот не так плох ему показался.

Но до поминок там случилось еще одно происшествие, кроме возвращения блудного Шарикова. Они, как и все, кто, там были, узнали о том, что у покойника какая-то скотина голову украла прямо из гроба. Все, кто оказался поближе, могли заметить, что покойник и правда был без головы, сколько не искали, а найти ее нигде так и не могли.

- Это кот, - заявил Шариков, - верно, говорю, больше некому.

В то время он ничего не мог знать о похождениях Бегемота, но ведь угадал все точно, хотя наш герой на котом с таким же успехом мог спереть все преступления века, какие совершались тогда, но мы - то нынче знаем, что в том конкретном случае, он и на самом деле оказался прав. Голову для последнего пира стащил Бегемот.

Швондер, знавший о маниакальном преследовании Шариковым котом - сам на такую работу его и определил, этому заявлению не поверил, но спорить не стал - главным событием было то, что голова так и не нашлась, и где она была и куда делась - это еще очень большой вопрос.

Когда о том узнал Хозяин, который и Патриарха-то писательского не хоронил, а такую мелочь и подавно, он только рукой махнул:

- Да что за диво, а когда это у писателей вообще были головы, да и зачем они им нужны, самое главное, чтобы руки на месте оставались, потому что кое-кому из них и руки оторвать не мешало бы за то, что они творят, а я вот терплю. Пусть гордится, ведь и князь наш древний Святослав, тоже голову потерял, а уж этому сам бог велел. У других они пока целы и ладно, а покойник и без головы не пропадет, ничего с ним больше не делается.

И все, больше ничего о том не было слышно, и только дома, на кухне у Швондера, эта парочка писак, вспомнив о том происшествии, сокрушалась, какая трудная и опасная у писателя работа, и как легко, оказывается, им головы лишиться.

- Даже и не похоронят по-человечески, а как он на том свете такой появится?- спрашивал Швондер.

- Да и никак не появится, с головой или без нее в землю зарыли, вот и вся беда, а ничего больше там нет, только червякам жрать меньше достанется.

Швондер удивленно на него смотрел, ему хотелось знать, на самом ли деле он так думает, или только успокоить себя хочет. Но он ничего не понял. Это раньше Шариков казался ему очень простым созданием, а со временем он каким-то непонятным, да что там, таинственным становился.

Они стали говорить о том, где ему пожить пока, и решили, что в подвале писательского дома - самый лучший вариант, там хоть и не светло, но тепло, и можно кровать поставить, а потом он выберется на свет белый, и у критика своего под боком окажется.

Шарикову после яростного рычания и раздумий с этим пришлось согласиться, а что еще делать было, не в шалаш же снова к волкам отравляться, оттуда вообще ничего не видно и не слышно.

До утра они устраивали для него комнату в подвале. И все получилось не так уж и плохо. Новая подвальная жизнь творца (так часто бывало и прежде) потекла своим чередом.

Глава 15. Темные силы витают над нами - вспоминает молодость и поет в подвале один, но хором.

Шариков скучал в подвале своем, и потихоньку по ночам выл революционные песни, которых нахватался непонятно где. А так как со временем он выл все громче и громче, многие этот жуткий вой могли слышать своими ушами, то нехорошая слава стала ходить о писательской доме.

Еще не смолкли разговоры с похорон Берлиоза и как ужасник рассказывали страшилку о том, как на похоронах тех исчезла голова, и с легкой руки Шарикова все уверяли, что стащил ее говорящий кот, который ходит на двух лапах.

Последнего Шариков точно не говорил, это уже народная молва домыслила, а если учесть, что дыма не бывает без огня, то домыслила она правильно. Так появился реальный и мифический кот Бегемот в столице одновременно.

Как мы с вами знаем, кот наш и на передних лапах ходил, и за проезд в трамвае платил, и примус починал, и даже перестрелку в квартире устроил - чего только не было, все было. Но сам Шариков этого знать никак не мог, потому что ничего такого не видел своими глазами и никому бы не поверил. И роман он вовсе не у Мастера стащил,

чтобы там прочитать о Бегемоте. Тот роман пока только у Маргариты был, а больше ни у кого не появлялся.

Но он вспоминал о том, как сбежал из дурки из-за поэта Бездомного. Полиграф не сомневался, что все беды и бывают только от котов и поэтов, не потому ли он теперь должен был жить в подвале и выть на луну. Уже и не собака, а настоящий волк в нем проснулся, и засыпать никак не хотел.

Только Швондеру было известно, кто же может выть в их подвале, но он на всякий случай спустился и прислушался, чтобы не ошибиться, и на Шарикова не наговаривать.

А потом стукнул три раза - это был условный знак, и, открыв дверь, вежливо попросил, чтобы тот выл немного тише.

- А что случилось то? – отозвался Шариков.

- Сегодня, говорят, облава будет, уже не на котов, а на собак и людей, ты бы затаился пока, в следующую ночь поवेशь, когда они к другим отправятся, а нас в покое оставят.

№№№№№№№№№№

Шариков поблагодарил критика за бдительность, и в ту ночь подъезд их спал спокойно. Но для следующей ночи надо еще что-то придумать, врать все время одно и то же нехорошо, он и не поверит в следующий раз. Хотя это и не вранье совсем, черные воронки подъезжали к ним тогда каждый день, и кто-то бесследно исчезал из квартир, но об этом лучше Шарикову не знать, а то и не так взвоят, тогда точно заснуть не смогут совсем.

Когда Швондер повернулся к двери подъезда от двери подвала, какая-то черная тень шмыгнула и исчезла.

Но кто это мог быть? Для кота больно большой, для человека маленький. А потом он на что-то наступил, и так истошно закричал, что распахнулись сразу несколько дверей, но Швондер как - то умудрился подтолкнуть голову к двери, и она упала рядом с Шариковым. Тот пока ничего не видел, а Швондер объяснял соседям, что когда открывал дверь, то прищемил палец.

- А кроме пальца ничего больше? - пошутил юморист Черный, - мне так показалось...

Но он продолжать не стал, однако. Критик все-таки перед ним, и за такие шуточки и самому кое- что оторвут и дорого не спросят.

Там все уже стихло, когда Шариков решил посмотреть, что ему бросил Швондер и чиркнул спичкой. Теперь уже орать и визжать настал его черед, но он угрюмо молчал. Не хотел себя выдавать. И когда там все разошлись, странный кот появился перед ним. Остановился и уставился на Шарикова.

- Я тут кое - что потерял, - заговорил он человеческим голосом, но Шарикова удивило не это, а то, что он страх потерял. Когда это коты к нему приближались так близко? Не было такого прежде.

Но кот и на самом деле был странный, потому что он махнул лапой, и писатель свалился на лежанку.

- А вот и голова, а я ее искал, выронил, знаете ли, Швондеру нес, чтобы предупредить, что бывает с такими критиками, которые гениев гробить готовы, да вот выскользнула. Но теперь уже поздно, пусть тут полежит, а завтра и передам по назначению этому критику с большой дороги.

Только теперь Шариков понял, что кот разговаривает, и очень складно это у него получается. Сам же он только твякнул в ответ, забыв человеческую речь. Пришло время удивиться коту. Но дивился он недолго, тут же и откланялся, уверенный, что голова пристроена в надежном месте.

Шариков, забившись в угол, косился на голову, во мраке он ее видеть не мог, но точно знал, что она здесь, бежать куда-то в другое место ему не хотелось, но и здесь оставаться тоже не было никаких сил и желания. Но сон сморил его скоро, как это ни странно.

Когда Рыжий и кот на рассвете заглянули в подвал, они заметили, что он даже храпел, так крепко спал.

- Мертвая душа, - поставил диагноз Азazelло, - а ты еще за него заступался.

- Да не заступался я, - мурлыкнул кот, - но даже Шарикову надо дать шанс, а вдруг что-то еще в нем человеческое проснется.

- Это вряд ли,- отрезал Рыжий, и кот на этот раз должен был с ним согласиться.

Они прихватили с собой свой трофей и исчезли, словно корова языком слизала. Но так им и полагалось появляться и исчезать незаметно и неожиданно.

Когда утром Швондер осторожно спросил его про голову, тот взглянул на него так, словно в психушке снова Бездомного увидел.

Швондер решил больше ничего не спрашивать. Может, и на самом деле такой жуткий сон приснился, когда столько говорят об этом происшествии на похоронах, то и не такое померещится, а если меньше будешь знать, то крепче спать, это точно.

Глава 16 Появился незнакомец, голову требовал, но очки перед опальным писателем не снял.

Но этим все не закончилось. Потому что в тот самый момент и появился в жилище у Шарикова незнакомец в черных очках. Мы с вами уже не раз встречались с Абадонной в свите у Мастера (Воланда), а вот наш герой о нем даже и не слышал ничего.

Шариков поежился и посмотрел на него. Сначала он думал, что Хозяин его прислал, а потом решил, что этот вряд ли станет служить какому-то Тирану, не того поля ягода. Нет, пришел он из другого места, и требовал голову, которой и след простыл. И самое интересное, что Шариков не мог объяснить, куда она делась, что с ней стало вдруг, хотя зачем интересно она ему сдалась, голова эта - пропала и пропала.

Незнакомец поправил очки, которые в темном подвале ему нужны были как собаке пятая нога, там и без того было темно, хоть глаз коли. Но спрашивать его ни о чем Шариков так и не решился

Абадонна поправил очки, но в последний момент передумал. Он хотел их снять, и покончить со всем разом, но потом решил, что пока делать этого не стоит. Пусть Шариков развернется в своей деятельности, да и украденный им роман должен увидеть свет, он и на самом деле лучший, а там разберутся, кто и почему написал его, ведь не авторство главное, а в том, чтобы он увидел свет. Был издан и прочитан. Если он исчезнет в том самом тайнике, вот это и будет настоящая беда.

А при энергии Шарикова, которую лучше всего в мирное русло направить, все будет замечательно, за роман можно не бояться.

Снять очки и потом никогда не поздно. Тем более что писатели у них теперь все одинаковы. Не стоит искать лучшего среди худших. Конечно, натворить Шариков всего успел не мало, но ведь можно и на время, и на тех, кто с ним рядом списать.

Так медленно, но верно и двигался наш ангел мести к пониманию процесса творчества, и того, что происходит в литературном мире.

Конечно, они с котом выяснили, что душа он мертвая, но где теперь живых набрать, они все одинаковые, не лучше, не хуже, в этом хоть что-то от доброго пса, а не только от скверного человека осталось. А это уже и не так мало.

Но тут произошло самое удивительное событие, вдруг прямо на улице его поймали журналисты. Швондер подбросил им идею о том, что именно в подвале хранится лучший из романов, и опальный писатель, который завтра станет известен во всем мире. Ему не нравилось то, что он так медленно двигался, и все время на что-то отвлекался, а дело оставалось на мертвой точке, вот они и окружили его со всех сторон.

Шариков не сразу, но сообразил, что речь идет вовсе не о его партийных делах, а о творчестве. Он начал говорить о том, что со всех сторон окружен врагами, которые не выпускают его оттуда, из подземелья, а один в черных очках даже и с головой отрезанной ночью к нему явился не запылится.

Журналисты, конечно, знали о том, что произошло с его предшественником в СП, но тут они стали переглядываться, кто-то вспомнил, что сбежал Шариков именно из психушки, и поняли, что упрятали его туда не даром.

№№№№№№№№№№№№

Швондер слышал весь этот разговор с другой стороны кустов, куда он успел юркнуть, как только появился Шариков, и журналисты бросились к нему.

И теперь он пошел на своего писателя, не скрывая ярости.

- Ты что делаешь, Полиграф, про голову-то зачем говорить было, ведь ты ответственный человек, на серьезном посту, а такой бред несешь.

- А я и сам не ведаю, как это вышло, - признался он, - по-моему, так я совсем другое говорил, а слова какие-то странные вылетали.

Швондер приблизился, понюхал, убедился, что тот трезв и понял, что дело плохо. И голова была, и кот был, и водка не туманила мозги. Надо было принимать какие-то меры, только вот какие?

Знать этого он никак не мог.

Глава 17 Он узнает, что Пастернак написал роман века. Донос тирану.

Но на этом все беды и мелкие и крупные неприятности для наших героев не вовсе закончились. Они, как и следовало ожидать, только начинались.

Когда вышло интервью, данное из подполья Шариковым, хозяин понял, что его верный пес убежал не так далеко, как ему докладывали, и он тут же бросил немало сил на то, чтобы его найти и вернуть под свое крыло.

То, чем занимался с упоением когда-то спец по очистке, теперь было направлено против него самого – четко сработал эффект бумеранга. Все возвращается - и добро и зло, а зло так в особо крупных размерах. Ему пришлось из одного подвала перебираться в другой. И хотя бегал он быстро, но их было много, и устал Полиграф, как собака.

В минуты слабости собирался плюнуть на все и сдаться, но потом, когда они окружали его, ему просто хотелось обмануть всех и сбежать. Но ничего у него не вышло, силы оставили беглеца мгновенно.

И все бы ничего, если бы они со Швондером не узнали одновременно от разных людей, но о том говорили все, что тот самый Пастернак, Шариков чувствовал, что судьба с недорезанным буржуем у него все время пересекается, его главный соперник уже написал в это время роман века.

- То есть как это, - ворвался он в полночь, как пес Баскривилей к Швондеру, - а ты куда смотрел. Как пропустил такое, пока я в изгнании томился?

- А я за тобой следил, и тебя от погони прикрывал, - нагло соврал Швондер, который в то время себя прикрывал, и отрекся от крестника своего довольно складно и умело

- Плохо прикрывал. Если он умудрился роман написать.

- Нормально прикрывал, - обиделся Швондер. - Они тебя все еще не поймали, между прочим, - в голосе его прозвучал какой - то странный намек, на то, что если он будет огрызаться, то могут и поймать.

Но Шариков и сам знал, как пугать других надо.

- А ты лучше пока донос напиши, пусть они лишат его того самого романа, - предложил он.

- Может ты и напишешь, и прощение заработаешь, - увильнул от ответа Швондер.

- Конечно, заработаешь тут, прямо репортаж с петлей на шее получается.

Но он и на самом деле решил, что сам это должен сделать, и тогда возможно все переменится.

И тут Шариков понял, что он не только романы писать не умеет, но и бумаги сочинять тоже не научился.

Потому пришлось им с критиком сотрудничать. Тот медленно диктовал, что нужно писать. А Шариков слюнявил карандаш и выводил каракули, Швондер морщился, поправлял ошибки, и диктовал дальше. Дело медленно, но все-таки двигалось вперед.

Тогда судьба Пастернака, как казалось этой парочке, будет решена, как только письмо попадет к Хозяину.

- Ты готовь свой роман, Полиграф, за всеми старыми гениями нам с тобой не уследить, - говорил в это время Швондер, - обойдут и глазом не моргнут.

Шариков не мог с ним не согласиться. Критик смотрел вглубь и вширь – все правильно.

Он даже ночевать остался в тот вечер у критика, так притомился, пока писал, а потом они до рассвета пели революционные песни хором, и получили от этого такого эротического наслаждение, что и женщин не надо, хлебом не корми, только дай песни попеть.

А в чем уже не откажешь нашим литераторам, женщин у них не было давненько, да и потребности такой тоже особенной не было, все эти погони, доносы, отнимали столько сил, что ничего другого и не хотелось больше.

А той ночью на новом месте, не жених невесте или невеста жениху, приснился Шарикову профессор Преображенский. И пожаловал он к ним вместе с гражданином в темных очках, и решил проверить, как сын его поживает, чем он занят, что за это время натворить и в прямом и в переносном смысле успел.

Но почему казалось ему, что теперь уже не один, а оба они хотели его убить. А кто его знает, но все-таки именно так и казалось.

Проснулся он, поскулил немного и решил, что у него начинается новая, прекрасная жизнь. А что, сделал дело - заложил соперника своего, и гуляй смело, что еще от тебя требуется?

Глава 18 Тиран решает, кого из двух поэтов убить

Но не все то золото, что блестит, и не всегда случается так, как хочется. Если бы Шариков немного быстрее шевелился, то все было бы так, как они задумали, только за день до его донесения, получил тиран совсем другое- это было стихотворение,

написанное ровным и красивым почерком про тараканьи усищи и широкую грудь осетина, где и слепой бы увидел, и глухой бы услышал, что и про кого было написано.

Он перечитал послание, не к нему обращенное, несколько раз, пытался и не мог выговорить фамилию этого самого поэта, и понял, что его надо брать, убирать, выкорчевывать.

И в тот момент, когда Шариков, надрываясь, строчил свой донос на Пастернака, хозяин, уже соскучившийся без своего верного пса, звонил тому самому Пастернаку.

А что, и тираны иногда хотят пообщаться с поэтами, почему бы и нет.

- А скажите мне, товарищ Пастернак, есть ли у Вас там поэт Мандель, как его там шам.

Понять фамилию, таким образом произнесенную, было почти нереально трудно, но Пастернак понимал о ком идет речь.

- Да, товарищ Сталин, есть такой поэт.

Он замолчал и окаменел на той стороне провода, и ни звука больше произнести не мог, потому что не знал, что сказать, но понимал, что ничего хорошего Мандельштама не ждет, если такая пьянка пошла.

- А хороший это поэт? - не отставал от него отец всех народов.

- Хороший поэт, - словно эхо, повторил Пастернак.

- А почему же он такие скверные стихи пишет?

Что на это было ответить.

Но это вероятно и спасло поэта Пастернака, когда через день на него самого донос от Шарикова поступил.

- И этот туда же, - тяжело вздохнул Тиран - одного не поймаеть всем миром, а второй опять умудрился написать что-то, и что за писатели такие, что делать-то с ними, ума не приложу.

Но чтобы не так заметны дела его были шустрые, Пастернак оставался пока нетронутым, зато Мандельштам заботы властелина избежать никак не мог.

Когда Шариков явился, решив, что он прощен, он и столкнулся с Пастернаком, понял, что все не совсем так, но решил, что бежать уже поздно, раз назвался груздем, то полезай в кузов. Но его и на самом деле не тронули. Пути тирана неисповедимы, это точно когда-то было подмечено.

Но оставшиеся в живых и невредимых с новым рвением принялись за искусство, которое в те времена требовало все новых и новых жертв.

Критик Швондер тоже засучил рукава, он читал первую часть романа «Тихий дом», и дивился от страницы к странице тому, как высококлассно это было написано.

Спрашивать, где взял это творение его друг Шариков, было поздно и опасно, загрызет, если узнает, что тот в чем-то сомневаться начал, да и надо оно ему, пусть это будет его тайной, когда меньше знаешь, то крепче спишь, а критик на сон пока не жаловался, так это ведь пока. А когда страшную тайну узнает, то и сон и аппетит в один миг и навсегда потеряет.

Но самое главное, они вместе подарят миру шедевр, и пусть кто-то твякнет, что это не так.

Глава 19 Шариков публикует чужой роман.

Критик и писатель работали дружно и слаженно. Никакой Пастернак не смог бы с ними состязаться в этом деле, роман был готов быстрее, чем сначала наметили сроки сдачи творения. В типографии не спали день и ночь, чтобы выдать его миру.

Правда, в целях рекламы Швондер в последний момент, когда Шариков немного расслабился и не проследил за происходящим, переименовал название - он стал называться «Девушка и пес».

Шариков, когда взял в руки книгу, подпрыгнул от ярости до потолка, но все напрасно, ничто уже никак не могло повлиять на происходящее. Книжки, упакованные в коробки, лежали перед ним. Их надо было развозить по магазинам, и чем быстрее, тем лучше.

Прикрывая рабочих, Швондер объяснил ему, что это его рук дела, а писатель и сам не знает, что он сотворил, и что может быть с его творением, когда оно обретет собственную жизнь.

Если положить руку на сердце, то ему просто хотелось присоседиться к настоящему гению и хоть какую-то лепту внести в то, что творилось у него на глазах, и доказать, насколько он может быть полезен писателю, не только когда разносит в пух и прах его мнимый шедевр.

- Если мне голову оторвут, - рычал Шариков, - то это будет на твоей совести.

И снова вспомнились недавние события и подвальная жизнь, и голова, которую бросил Швондер тогда к его ногам, так может теперь все повторяется снова? И тогда это был знак, предупреждение.

Но что о том говорить.

Когда в зале типографии появились люди в форме, то Шариков понял, что это за ним пришли. Но как же он удивился, когда они улыбнулись все трое разом (они умели улыбаться) и пригласили его к Хозяину.

- Он только и говорит о книге, ему так нравится ваша «Девушка и пес», говорит, что и «Фауст» с ней рядом не лежал.

Кто такой «Фауст» Шариков понятия не имел, но понял, что это какое-то самое значительное творение, с которым сравниваются все остальные. Хотя всякое может быть, то, что хозяина глыба, для любого другого литератора пустяк. Но Полиграф запретил себе даже думать в этом направлении.

Шариков поверил, хотя он разучился давно кому-то тут верить, даже себе не сильно доверял, но поднялся и пошел за этими таинственными людьми.. Швондер едва поспевал за ними, потому что понял, что он может оказаться за бортом, его вроде и не заметили.

До сих пор от Хозяина ему удавалось улизнуть, и он гордился своей шустростью, но тут как-то все переменялось в один миг. Критик понял, что должен показаться, о себе заявить, иначе его обойдут точно, работавший в поте лица, он останется у разбитого корыта.

Шариков не возражал, ему даже нравилось то, что Швондер был с ним, все-таки вдвоем веселей, и всегда, когда не знаешь о чем говорить, можно критика подставить, а он языкастый, на то и критик. И без того прятался долго, пусть немного потрудится на общее благо.

Хозяин был в самом лучшем расположении духа. Он так соскучился без Шарикова, такими тупыми и далекими казались те, кто его место временно занимали и тоже считались писателями. Ни в чем на них нельзя было положиться, это точно.

И вот он увидел Писателя живого и невредимого. И как сыну родному обрадовался, а может и больше, чем сыну, говорят, своих сыновей он не сильно жаловал.

Швондер видел все это и дивился происходящему. Если бы Шариков ему это рассказал, а он не увидел своими глазами, то и не поверил бы никогда. Но он видел и верил.

Стаей зашли остальные литераторы. И среди них высокий и беловолосый его зам. Говорят самый талантливый из всех, в смысле литературы, конечно, хотя, кто там их

таланты мерить может. И когда они прочтут роман, то все встанет на свои места, и будет видно, кто Писатель, а кто рядом только был.

- И как вам творение моего друга Шарикова? - спросил Тиран.

Все молчали, надеясь на то, что найдется смельчак, который опередит их и подставится раньше, потому что никто не мог угадать, чем это может закончиться.

Тогда сам Хозяин, потрясая над ними книжкой, и произнес фразу, которая вошла потом во все учебники литературы:

- Эта вещица посильнее «Фауста» Гете будет.

Трудно сказать, как к этому мог отнестись немецкий мудрец, возможно, он возмутился бы, или усмехнулся, но Швондер почему-то порадовался за него - он умудрился помереть до этого исторического момента. Иначе мог бы тоже в Соловках оказаться, как философ Кант, которого туда Иван Бездомный отправить собирался. Правда, и с философом промашка вышла. Вот уж точно, кого не захотят они на Соловки отправить, того уже и нет давно. Недаром Воланд сокрушался, мол, чего не хватишься, ничего у них тут нет.

Кстати, поэт и на самом деле больше не писал никаких стихов, возможно, он тоже станет критиком, но немного позднее, пока же, хотя он и был среди них, добиться от него ничего такого и нельзя было.

И надо же, как его вылечили здорово, никаких иностранцев, и даже здесь он больше ничего подозрительного не видел. Умеют же врачи лечить, когда захотят, только что-то не всегда им того хочется, вот в чем беда.

Правда, как - то странно вел себя после возвращения Шарикова его зам.

Да что там странно, сразу после этого знаменитого приема он просто взял пистолет и застрелился. От зависти, наверное, потому что сам он ничего подобного написать не мог - это точно, да и не стал искушать судьбу. Не забывайте, что это были времена, когда мертвые завидовали живым.

Глава 20 Столкновение со Швондером - друзья хуже врагов.

Они возвращались в квартиру Швондера. Тот теперь просто уговаривал первого писателя остаться и пожить у него на неопределенный срок.

- Ты не бойся, - это не долго, дом на Набережной скоро станет моим пристанищем,
- заверил его Шариков, он знал, о чем говорит, заверения его были похожи на правду.

В то странное время все происходило быстро, и из подвала можно было в один миг в тот самый дом переселиться. Но и назад дорога не была никому заказана - и это случалось еще быстрее, чем новоселье в таком важном доме. И потому тот, кто скрывался в темном подвале, въезжал в квартиру на самом верхнем этаже элитного дома порой без всякой очереди, внезапно.

Если бы он верил в бога, то посчитал бы, что ближе к нему и стал. Но он в это никогда не верил, потому просто поселился над всеми без всякого зазрения совести.

Хотя Пастернак, который так мешал жить писателю номер один, оставался цел и невредим в то время, но о публикации его романа не могло быть и речи. Кажется, он и сам как только увидел гениальный труд с резолюцией хозяина на титуле, тут же это и понял, и даже не возмущался потом.

Он вообще никогда не возмущался, потому что был уверен, что знаменитым быть некрасиво и очень хлопотно. Шариков считал это буржуазными штучками, что впрочем, напомнило ему пору его юности, когда он был только что рожден знаменитым профессором. Именно такие речи тогда и звучали, прежде всего, сотрясая воздух в старом профессорском доме, где на каждое рыло приходилось три комнаты.

Шариков теперь, благодаря своим трудам праведным, получил тоже самое, так сколько ради этого надо было потрудиться в поте лица, и даже пострадать за правое дело, а профессор все это получил только за то, что над собаками измывался. Впрочем, если бы не измывался, то возможно его и на свете бы не было.

Но, листая свою книгу, Шариков тут же решил, что он обязательно напишет историю своей жизни, где появится и сам профессор, и все враги народа, которые его окружают со всех сторон. А как по-другому?

Пусть тот самый народ знает, какие у него были враги, и как самозабвенно боролись они за свободу и счастье своего народа. Народ все должен знать, и именно так, как ему расскажет его первый писатель Полиграф Шариков.

№№№

Мечтания новоиспеченного гения прервал Швондер, который до этого долго и упорно принимал душ, словно старался с себя смыть всю призрачную грязь.

Шариков душ каждый день принимать не собирался, и даже каждую неделю тоже, потому что писатель должен быть могуч, вонюч и волосат, а это все штучки тех, кого уж нет или они далече. А этот тип, где он интересно замараться так успел, что из душа не дождешься.

Вот об этом и сказал своему другу и критику Шариков. Правильно сказал, непонятно только, что того возмутило.

Видно что-то со Швондером произошло, он не только грязь с себя смыл, но и проснулся после зачарованного сна. Потому что увидел в тот миг, что совершенно тупой, никчемный бродячий пес, вся заслуга которого и состоит в том, что он во время успел украсть чужой труд - как это привычно для русского пса еще со сказочных времен. И именно он рассуждает о том, что не стоит мыться вообще, и самое милое дело - зарастать грязью. И этот пес теперь будет править миром и творить политику его в литературе и жизни.

Швондер многое мог вытерпеть от этой власти и от лучшего из писателей ее (а каковы худшие, он даже и думать не хотел). Но понимал, что наступит предел, когда и ему, как Мастеру в другом измерении, очень захочется спрятаться в той самой психушке, и дожить там остаток дней спокойно, разговаривая с образованными врачами, общаясь с теми, кого всеми правдами и неправдами они упрятали туда, чтобы самим было вольготнее. Там и сравнивать не с кем было, потому что те самые психи, они во всем превосходили их в десяток раз.

И только заметив, что у Шарикова открыт рот, и закрывать он его не собирается, к своему ужасу Швондер понял, что это не его тайные размышления, он говорит обо всем этом вслух и уже давно, и с большим выражением.

- Ты чего это?- наконец тьякнул тот, когда Швондер на минуты замолчал - сам смертельно устал от своей речи.

- А могу я настоящим критиком хоть несколько минут побыть.

- Палку не перегибай, а то одним критиком меньше станет, - тихо произнес Шариков, почесывая загривок.

В тот момент он упорно соображал, что ему дальше делать следует, но пока так ничего еще и не придумал.

Неизвестно чем все это бы закончилось между двумя соратниками, друзьями, рядом с которыми и врагов не надо, если бы в тот самый момент, дыша духами и туманами, без всяких там шелков, а проще - обнаженная, не появилась незнакомка.

Оказывается, они не только к первым поэтам, но и к Шариковым являлись. А что делать Незнакомкам, если всех поэтов давно переморили, и только одни Шариковы и остались?

Музам было скучно и уныло, вот они и являлись к кому попало.

Глава 21 Ночь с Геллой. Подарок первому писателю.

Ссора, которая могла закончиться смертоубийством, стихла, как раскат грома, как только мелькнула обнаженная Гелла, из всей одежды у нее была только заколка в волосах и золотой браслет на тонкой руке.

Швондер хранил верность своей трагически погибшей от особенной непомерной прыти жене Надежде, Шариков никому верности не хранил, он даже документа о том, чтобы не иметь отношений с женщинами до полной победы мировой революции не подписывал, как мы с вами помним, а посему был совершенно свободен. Хотя в женские объятия и не рвался.

Но если бы даже и подписал тот революционный документ, потом бы он оправдался, утверждая, что не была она женщиной, а при ближайшем рассмотрении оказалась самой настоящей ведьмой, и довольно зловещей чародейкой оставалась. Но так как никаких обязательств не было, то он и шагнул, да что там, просто прыгнул в ее объятия, вспомнив, что в сексе есть какие-то приятные стороны.

Правда, Гелла поморщилась, потому что воняло от него псиной, а когда он от волнения взмок, то воняло страшно, но у нее было тайное указание свыше, и нарушить его ведьма никак не могла. Тут уж не до своих чувств и ощущений, надо исполнять то, что весело. Ведь известно, что в пору военного времени (а это по-прежнему была самая горячая точка на земле) шаг в сторону и расстрел. И хотя смерти ей бояться было нечего, а она подозревала, что два раза не умирать, но тут как-то стушевалась и отступила.

Швондер только взглянул на удалявшуюся в его бывшую супружескую спальню парочку и ничего не сказал. Он тайно радовался тому, что она появилась и заставит забыть о том, что было перед ее появлением, то есть о его первом, но яростном бунте против первого писателя эпохи, что могло расцениваться в узких кругах, как и бунт против самого хозяина.

Но нет, судя по крикам и визигам и другим полузабытым то эротическим, то просто скотским звукам, ни до Швондера, ни до самого тирана ему больше не было дела. Это очень хорошо, пронесло критика и на этот раз.

Только радовался Швондер рано, такая ночь страстей не могла пройти бесследно для того, кто очень долго спал в объятиях только революционной борьбы и мнимого творчества.

Когда ведьма довольно изящно нырнула в распахнутое окно, покидая квартиру критика, так что никто не мог бы перед судом подтвердить, что она там была. Да и не стали бы следователи возиться с этим гиблым делом.

А Швондер и без того от эротических мечтаний потерял сон и покой, а тут еще эти странные полеты.

Когда он осторожно заглянул в покои, то эротика его помыслов растаяла сама собой, выветрилась из его памяти моментально, потому что Первый писатель Шариков валялся на ковре с дыркой в виске, раскинутыми руками и широко открытыми глазами.

Ни в сказке сказать, ни пером описать.

И тут завопил запоздало немного Швондер:

- Держите ведьму!

И более того, он бросился в окно, словно решил гнаться за ней. И полетел, правда, камнем вниз.

Критик в состоянии полета - это надо пережить и описать, только Швондер успел подумать о том, что описать этого он никак не успеет, когда шлепнулся и подлетел вверх, словно на батуте прыгал в экстазе.

Но когда это произошло, он уже вырубился, и решил в последний момент, что он летит уже прямо в рай, за все великие заслуги перед партией и литературой. О том, что это случайно может оказаться ад, он и не подумал, и мысли такой не мог допустить.

Но и на этот раз ошибся наш критик, он в ужасе не видел, что Коровьев и Азazelло растянули перед ним какое-то покрывало, заранее зная о его полете, а возможно и сами его туда подтолкнули, чем черти не шутят. Но они довольно ловко поймали критика. Положили его на газон, и сами растворились, решив, что когда сделал свое дело, то можно гулять смело. Сам он ничего такого не вспомнит сроду. Оставалось только гулять.

А им еще было куда гулять.

Глава 22 Валтасаровы пиры - шут гороховый, отрывки бредней.

Действовали наши бесы точно по старинной инструкции. Они прекрасно помнили распятие разбойников с самым первым веке, и знали, что один из них должен быть помилован.

В отличие от Пилата, они не спрашивали у толпы, кого помиловать, и решили, что из трех зол надо выбрать меньшее, и этим меньшим на их пристрастный взгляд оказался критик Швондер.

Когда из худшего выбираешь лучшее, то так и получается. Потому им и пришлось немного напрячься и спасти его. Наверное, Маргарита, так ненавидевшая всех критиков во главе с Латунским, наверное, с ними бы не согласилась, но они ее о том и не спрашивали.

Но разбойников и революционеров (для них это были слова-синонимы) было трое, и потому они поспешили за третьим, по дороге переговариваясь о том, что Шарикову даже очень повезло, помереть в объятиях ведьмы - в момент экстаза, это пожалуй, слишком для такого деятеля, не заслуживает он такой Валтасаровой смерти. Об этом могли только мечтать и более достойные деятели, вон сколько страдал и мучился их Мастер, а вот подарок такой у него оказался.

Но в отличие от людей, черти никогда ни в какую справедливость не верили и верить не собирались, делали все как придется и особенно не заморачивались, уверенные, что делать надо то, что делается, а там как получится. Мессир их потом рассудит. А пути Мессира неисповедимы, и они могли только исполнять предначертанное, а не возмущаться тому, что случилось.

Оставался третий, он и без того уже задержался на свете, и надо было поскорее привести приговор в исполнение.

Но и их должно быть трое, потому они немного еще подождали Абадонну, как можно было с тираном без него расправляться?

А Валтасаровы пиры продолжались между тем.

На этот раз Тиран слушал молодую писательницу по имени Вера Швондер - нет, нет, она была однофамилицей знаменитого критика, который чуть не улетел в рай. Но решила на этом именно, и сыграть, и путь ее к Олимпу со знаменитой фамилией

оказался значительно короче, чем у тех, у кого фамилии были обычные: Иванов, Петров, Сидоров.

А потом, она уже намекала многим на то, что приходится ему внебрачной дочерью. Мол, когда-то в юности, до встречи со своей чугунной Надеждой, критик был вовсе не так высокоморален и безупречен, встречался с ее юной матушкой, потому она и появилась на свет в срок, когда и следовало, не раньше, не позднее.

Потому пробудившийся на рассвете, на клумбе, куда его положили бесы, критик еще должен был узнать о том, что не только с моралью, но и с нравственностью у него все не так хорошо обстоит, как хотелось. Было о чем задуматься, отчего прийти в легкий шок или тихий ужас.

Но пока он еще мирно спал, и во сне бродил где-то в райских кущах, где ему обязательно нужно было отыскать писателя Шарикова. Хотя это оказалось не так просто сделать, и он никак не мог понять, почему он его тут ищет, если тот вроде бы был жив, или мертв?

Голова раскалывалась от страшных волнений. И ему хотелось хоть что-то понять, и найти там и себя и Шарикова, в этом новом и таком непонятном мире.

Но он должен был вскоре вместо Шарикова самозваную дочь свою обнаружить и тогда то, что происходило с Шариковым еще покажется только цветочками. А та, которая принадлежала к цветам жизни, выросшая в чужом огороде, уже готова была взять его за то самое болезненное место, и не отпускать до самого конца.

А пока она читала тирану какие-то подметные письма, которые якобы написал первый писатель Шариков, и где ясно было видно, что такого гениального романа, за который ему премию имени тирана дать должны, он написать никак не мог.

И уж если кому-то и полагалась премия, так именно ей, за то, что она все унюхала и разоблачила его.

Она закончила свою пламенную речь, так странно на донос походившую, почему-то и с победным видом на тирана взглянула, чтобы дожидаться одобрения и награды.

Тиран задумался.

Он понимал, что ложь порождает новую ложь, что завтра об этом будут думать и говорить все, кто еще может думать и говорить, что у Шарикова, если даже убрать роман, есть много еще других заслуг перед партией и перед ним лично. А потому эта писанина, из-за которой столько шума, только еще одна награда для него, как революционные красные шаровары. И если он успел подсуетиться, то пусть так и будет.

Но возникает другой вопрос, как поступить с разоблачительницей, и борцом за правду. Вон взгляд у нее какой свирепый, она и тирана в порошок сотрет, как только унюхает, что тот не собирается ее указания исполнять.

Конечно, ее можно было сразу на месте, и прихлопнуть, как таракана тапочкой, но не здесь же. Тут и без нее столько скелетов во всех шкафах растолкано, что новые и складывать давно некуда.

И потом в последнее время приведений развелось столько, что жуть, и множить их не хотелось тирану, хотя одним больше, одним меньше.

- И что? - спрашивала Верка, еще не Сердючка, но наглости у нее было не меньше. Она видела, что тиран задумчив, и понимала, что надо брать быка за рога.

Тиран открыл рот, чтобы что-то сказать, но в тот момент и доложили ему о том, что Шарикова нашли мертвым в доме Швондера, самого критика, мирно спящем на клумбе, судя по всему, он из окна девятого этажа выпрыгнул.

- И после этого мирно спит? - переспросил Тиран.

- Как младенец, и улыбается во сне.

Тут Верка и увидела, каким может быть тиран в гневе, и поспешила удалиться под шумок, пока он на других надвигался, да не успела, видно это был не ее день вообще.

Тройка странных типов, один из которых был рыжий, а второй в черных очках, появилась перед ними, рядом с ними передвигался странный какой-то черный то ли кот, то ли бегемот, издали не разглядишь.

Глава 23 Абадонна с бесами другими идут к нему..

Не только бог, но и тиран, и дьявол - все они любили троицы и тройки, потому бесы и решили их порадовать именно таким своим составом. Да издавна они именно так и передвигались по миру.

Не верившая ни в бога, ни в дьявола, Верка оторопела и поняла, что происходить будет нечто, от чего бежать надо бы без оглядки, только не могла она бежать, буквально в кариатиду или девушку с веслом, это уж кому и как понравится, превратилась.

Но тиран насторожился и всполошился. Он никак не мог понять, как стражники пропустили этих артистов без всякого его разрешения.

И кто они такие, и откуда взялись.

- Не переживай, - подал голос Рыжий,- они уже открывают для тебя ворота в Пекло. Или ты чего-то другого хотел, думаешь в рай возмут?

Языческое слово откуда-то оказалось знакомым этому крушителю всех вер, только и огненный буквы, на стене заметив, он все еще не понимал, что и его последний час пробил. Такого просто не могло быть.

Бесы переглянулись, и теперь говорил Коровьев:

- Казнь прилась на светлый праздник Пасхи, по старому обычаю один из преступников был помилован, но это не ты, прости нас, Хозяин.

Столько иронии и ярости в голосе, к нему обращенном, Тиран не слышал даже в годы молодости, когда он был просто шкодливым и довольно мерзким типом, никто и подумать не мог, что он в огне не сгорит, и в воде не утонет, и доживет до степеней известных.

- Мы решили оставить критика, пусть живет, - продолжил Абадонна, они подхватывали неизменно речи друг друга,- а тебе придется пройти с нами.

И в тот момент тиран встал, покачнулся, и рухнул на ковер.

И с трех сторон они приблизились к нему. Резко хлопнула тяжеленая дверь, это Верка смогла оторвать ноги от ковра и бросилась бежать без оглядки.

Тиран мутным взором смотрел на стоявших перед ним бесов и ничего не мог сказать.

И тогда Абадонна, наконец, снял очки.

- Не хочешь, чтобы мучился, - взвизгнул кот, которого сбила с лап дочка Швондера, и он долго возмущался в коридоре, но был уже один.

- Надоел он мне, хуже горькой редьки, - просто объяснил свой поступок Абадонна, - да и на Бал давно пора, сколько можно возиться со всеми этими типами, их со временем меньше не становится, все больше и больше.

Бывшие с ним бесы тоже засуетились, заторопились.

Страшно даже представить, что будет, если они опоздают туда, хотя сделать это было трудно, потому что там время не текло, и опоздать было почти нереально.

Но Мессир никогда не любил ждать, да и оправданиям он никаким не поверит, потому что все знает и видит насквозь

не

ГЛАВА 24 Заключительная. Но последняя

Бал к тому времени был в разгаре, он всегда начинался вовремя.

Демоны и на самом деле опаздывали.

По бесконечным залам уже давно двигались отравители всех мастей и страстей, и бесам удалось только присоединиться к ним, и сделать вид, что они давно здесь и только выходили на минутку покурить, а теперь вернулись назад.

Но полночь грянула и на этот раз, как и во все остальные дни, в назначенный час, хотя время там и не тело, как мы уже отмечали. Оно по нашим представлениям, то расширялось, то сужалось снова

Стали появляться знакомые лица, покинувшие мир совсем недавно.

Шариков брел навстречу Тирану. Он удивился, когда увидел все это общество и никак не мог сообразить, куда попал.

Ни одного знакомого лица, все такие же гады ползучие, как и он сам, и еще хуже, а говорили, что хуже уже и некуда. Обманули видать, будет хуже, да еще как хуже..

Это могло бы порадовать, но не особенно что-то радовало, хотя ведь говорил в психушке профессор Сперанский, что когда совсем скверно, то излечиться можно в два счета, если отыщешь того, кому еще хуже, чем тебе самому.

Врал нагло профессор, лучше ему не стало, хотя вон сколько уродов с того света вокруг. И только теперь его осенила догадка - это конечно, тот свет, но для него он уже стал этим. А тем, стал тот свет, где он еще недавно обитал то в шкуре собаки, то в облики человека. Как же медленно до него доходило и доползало, куда он попал.

Вдруг Мессир во всем своим жутком величии появился в тот момент, когда Шариков натолкнулся на тирана, и понял, что ему есть с кем поговорить - родственная душа, что может быть лучше. Они ведь расставались так часто, а в последний раз расстались так неожиданно, что так и не закончили разговор.

Только какой-то он был странный, и вскоре Шариков понял, что он слеп, глух и нем. Но могло ли быть такое? Ведь сам он все слышал, видел и чувствовал себя вполне сносно, если бы не такое окружение.

А все уже ринулись туда, и кот подтолкнул его - никакого почтения к первым писателям. Но кажется, у кота и к королевам не было почтения, хотя Маргарита умела с ним управляться в два счета, а Шариков вдруг оробел ни с того, ни с сего.

Но что там такое происходило?

Воланд передавал какому-то человеку рукопись у всех на глазах, и говорил, что даже в аду правда торжествует, и каждый получает назад то, что у него было украдено, а потом нагло присвоено аферистом, которого старый профессор из собаки сотворил.

- Так вот у нас писатели тогда и рождались, - услышал Шариков последнюю фразу.

- Это мой роман, - пронзительно заорал Шариков.

Он не понимал, где находится, что творит, и все к нему резко повернулись.

Может там, в реальности, безумство храбрых и было мудростью жизни, как писал сжитый им со света и торжественной похороненный патриарх русской словесности, но здесь оно становилось еще большим безумством. Только Шариков пока этого не понимал, остальным было все творящееся на балу очевидно.

Все мгновенно расступились. Он остался совсем один. И странный фиолетовый свет освещал, высвечивая, его лучом прожектора косым.

- А вы Шариков, должны стать тем, кем и были, и вам вернут то, что у вас украли, вредные опыты нашего дорогого чародея закончились, - услышал он голос Воланда, и раскаты его эхом полетели по бесконечным залам.

И на глазах у всех Шариков снова стал превращаться в собаку с поджатым хвостом, бедующую где-то в метели февраля, совсем как в книжке у первого поэта, которую он читал когда-то в библиотеке.

Вот тебе и вечность, и бессмертие, а сколько сил и энергии было положено на то, чтобы все осуществилось самым лучшим образом.

Бегемот мурлыкнул рядом и ушел подальше на всякий пожарный случай, собака оставалась собакой. У наглого пса никакого почтения к бесам, может и цапнуть, а то и сожрет и не подавится.

На этом все померкло и куда-то провалилось. Словно и не было никогда ничего из того, о чем мы успели вам поведать.

Шариков - человек умер, да здравствует Шариков пес.

Нам - то известно, что в лунные ночи он вырывается из ада, и снова появляется на земле. И тогда стоит беречься всем нормальным людям, потому что пес-человек-писатель Шариков живет всех живых, таких не задушишь и не убьешь. Они всегда возвращаются.

Глава 25 Полет в бездну ночи

Как вы прекрасно знаете, после той роковой ночи снова наступил рассвет.

Но сначала был закат. И вот на этом закате не только таинственные всадники, но и наш герой отправился в свое последнее путешествие.

Да, да он превратился в собаку по воле Демонов. Но кто вам сказал, что не бывает крылатых собак.

Помнится, у славян был огненный пес Семаргл – так бог Огня любил порой появляться в нашем мире, иногда он дарил вдохновение, а иногда и пожар устаивал там, где считал это необходимым.

Так что летающие псы были и до Шарикова, не с него все начиналось

Конечно, никакого огня и вдохновения от него ждать не стоило. Не из того теста он был замешан. Но летать все - таки мог, по крайней мере, в ту чародейскую ночь.

Немного грустно было другое, то, что лететь ему пришлось в полном одиночестве, ведь профессор – его создатель, давно уже был где-то там, в чертогах Пилата и Мастера, да и не за какие богатства мира не стал бы он путешествовать вместе с Шариковым. Ему вовсе не хотелось вспоминать о том, что он сотворил в свое время, и сколько зла принесло это его творение.

Швондер к тому времени был еще жив и невредим и никуда лететь не собирался, наоборот он был занят самыми важными и нужными околотературными делами, и не думал даже заниматься такой глупостью, как полеты в облаках. Человеком он был серьезным, уважаемым и значительным, чего не отнять того не отнять у нашего главного критика.

Совсем никого не осталось, чтобы составить компанию Шарикову, правда, то там, то тут во тьме мелькали коты, а вернее, души тех погубленных им когда-то котов.

И хотя трудно отыскать черную кошку в темной комнате, но Шариков чувствовал их за версту и теперь мог понять, сколько котов он изловил и уничтожил – их была тьма, а к черным присоединились и рыжие, и полосатые, и даже белые облачные коты.

Они возникали то там, то тут и служили молчаливым укором для бывшего Чистильщика.

Хотя почему бывшего? Кот Бегемот как-то говорил, что Чистильщиков бывших не бывает.

Суровый, почти свирепый Шариков парил среди котов и начал наконец понимать, что это все, что осталось от его собачьей и человеческой жизни.

Печальная картина, что тут еще сказать, остается только задуматься, а кто нам встретит и кто проводит в вечность, когда наступит роковой (или счастливый) час отбытия. Будут ли это брошенные любовницы и дети или задушенные коты, что лучше. Но неужели выбирать придется из этих двух зол, меньшее или большее, вот вопрос.

Шарикову выбирать было вовсе не из чего, ему остались только те самые коты, от которых ничего хорошего ждать ему не стоило.

Кстати, о любовницах.

Мы же с вами помним о том, что красавица Гелла куда-то пропала, и ее не было во время полета.

Помнится, Елена Сергеева, когда работала вместе с Мастером над романом, воскликнула:

- А куда пропала Гелла. Ты забыл Геллу.

Святая наивность наша Марго. Ничего не забыл Мастер. Гелла, как и любая дикая кошка, любила гулять сама по себе, да и не хотелось ей отправляться туда в провал вечности, и разоблачаться не хотелось.

Вот она и помедлила немного, решила среди котов побыть, а тут на Шарикова и наткнулась.

А может быть, специально его общества искала, кто может знать наверняка, только в тот момент, когда Шариков отпрянул от очередной души, когда-то пойманной и задушенной им кошки, она и окутала его мраком, всегда от нее исходившим.

Помнится, Мастер в свое время написал, в одной из редакций романа:

Гелла летела, как ночь, улетающая в ночь.

Так именно и написал, ну чем не поэт высочайшей пробы, а еще утверждал, что он не любил поэтов. И на самом деле, а что нас любить. Вот и не любил, потому что сам был одним из них.

Так вот и было, Гелла приблизилась, подхватила Шарикова, как сейчас у нас многие девицы носят под мышкой своих собачек (наверное, она и стала законодательницей моды когда-то) и понеслась вместе с ним прочь.

Сначала Шариков вырывался, орал, гавкал, возмущался, а когда понял, что бесполезно, от Геллы не вырваться, то примирился и решил, что так лететь даже легче и проще, потому что самому не надо прилагать никаких усилий.

И если остальные путешественники в вечности выбрали себе коней, то Шариков добровольно - принудительно выбрал черную даму, древнюю богиню ночи Никту..

Да, да, я забыла сказать, что это была именно она. И решил наш пес, что в вечности для него это не такая уж скверная компания, тем более что выбор был не велик, вернее, его не было совсем.

Сколько длился этот полет в вечности, нам не ведомо, известно лишь одно, что и пес, как и Мастер, должны были однажды вернуться назад. Это Понтий Пилат со своим псом уходил навсегда, а наши периодически возвращались.

Да, вернуться в этот мир им придется не раз. Но пока они парили где-то во тьме и радовались тому, что все, так дурно начинавшееся, вполне прилично закончилось..

Геллу ночь закутала в плащ так, что ничего не было видно, кроме белой кисти, державшей повод. Гелла летела, как ночь, улетающая в ночь

(Главы из шестой (второй полной рукописной) редакции романа «Мастер и Маргарита») М. Булгаков

Гелла летела, как ночь, улетающая в ночь,
Тьма расступалась и ширилась яростно вновь.
Черные кони хрипят, как раскаты грозы.
Гелла летела, еще оставались следы
Где-то в пустыне тебе не приснившихся снов.
Страшная тень проступает отчаянно вновь,
Чтоб воплотиться и снова вернуться назад,
Черная птица, боится она звездопад.

Звезды померкли, едва обозначив ей путь
Жизни и смерти, о, дай же вздохнуть и взглянуть,
На бесконечность в наивном мерцании звезд.
Гелла летела над пропастью страсти и грез.
Мир изменился, осталась бесплотная тень.
В пропасти ночи рождается трепетно день,
Слабый и вечный в сиянии дерзком зари.
Смотрит беспечно на пропасть мечты и любви.

Тьма поглотила, осталась она в вышине,
Зло и красиво качалась на черном коне,
Стон или сон? Мефистофель угнаться не мог,
Гелла летела, и душу преследовал рок.
Рокот пророчество, отчаянье новой беды.
Души не могут оставить в просторах следы,
Зло и умело, как будто иначе нельзя,
Гелла летела, и тьма поглощала тебя.

И в преломлении снов, в обнажении чувств,
Снова за Геллой куда-то в провалы я мчусь.
Вижу в тумане я контур того корабля,
О капитане мне видно твердили не зря.
Зло и умело и яростно буду спешить,
Следом за Геллой во мраке страстей мне царить,
Вот и проступит сквозь стон только дикая ночь.
Мефи отступит, но что же нам сможет помочь?
Тьма расступалась и ширилась яростно вновь.
Гелла летела, как ночь, улетающая в ночь